

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1914.

№ 20.

ОКТАБРЬ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

Рѣчь Архіепископа Антонія студентамъ-манifestантамъ	161—165
Христіанскія недоумѣнія по поводу войны. Прот. Іанова Галахова.	166—179
Проф. философiи Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ. Александра Ходзицкаго	180—212
Молитва и образъ ея совершенія по ученію Слова Божіа и святыхъ отцовъ и учителей Православной Церкви. (Окончан.). Прот. Вас. Добровольскаго	213—229
Основы вѣры и знанія (религiи и науки) по даннымъ языка. (Продолж.). А. Ветухова	230—255
Сущность жизни. (Продолж.). Свящ. М. Струминскаго.	256—288

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Журналъ совѣщанія дѣятелей Харьковской миссіа, отъ 22-го сентября 1914 года.—Отъ Харьковской Епархіальной Издательской Комиссіа.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Открытіе Покровскаго мужскаго первокласснаго монастыря въ городѣ Харьковѣ. *Архимандрита Авакусіа.*—Календарь престольныхъ праздниковъ Харьковской епархіа.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 289—336).

ХАРЬКОВЪ:

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 2.

1914.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются излѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годичное изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разорочка въ уплатѣ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петроверія липы; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1913 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. **Цѣна за 8 книгъ 8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Пістєтє вѡдѣмєн.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1914 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Оолинъ.

РѢЧЬ АРХІЕПИСКОПА АНТОНІЯ

СТУДЕНТАМЪ-МАНИФЕСТАНТАМЪ *).

Сегодня русскіе люди прочитали радостную вѣсть о побѣдѣ нашихъ доблестныхъ войскъ надъ непріателемъ при рѣкѣ Вислѣ: онъ отступаетъ, а наши побѣдоносно наступаютъ. Славное дѣло, утѣшительное извѣстіе! Но еще болѣе радостное явленіе, совершенное предъ нашими глазами здѣсь, а вчера совершалось въ нашихъ столицахъ.

Къ Россіи вернулись ея сыны! Цвѣтъ ея просвѣщеннаго юношества слился съ русскимъ православнымъ народомъ и восторженно благодарить Государя за призывъ его подъ воинскія знамена.

Эта побѣда, други, еще большимъ восторгомъ, еще большею благодарностью Богу наполняетъ наши сердца, чѣмъ побѣды надъ нѣмцами. Почему? Потому, во-первыхъ, что тѣ славныя побѣды неизбѣжно соединены съ горечью, сопровождающею всякую войну: торжественные клики побѣдителей смѣшиваются со стопами нашихъ дорогихъ, раненыхъ страдальцевъ, со слезами надъ теплыми трупами убитыхъ друзей. Но и это не все. Русскіе люди и во время войны не перестаютъ быть христіанами: они не здорадствуютъ надъ воплями и проклятіями побѣжденныхъ, но жалѣютъ ихъ, и сами побѣдители окружаютъ раненыхъ враговъ братскими заботами и привѣтствуютъ ихъ слезою состраданія.

Иная побѣда совершилась вчера и сегодня въ университетскихъ городахъ Россіи и совершается предъ нашими глазами. Побѣда тоже славная: здѣсь десятки тысячъ побѣдителей, но нѣтъ побѣжденныхъ, здѣсь великое ликованіе, но нѣтъ

*) Произнесена 9-го октября по случаю патріотической манифестаціи Харьковскаго студенчества.

стонѡвъ и проклятій. О чемъ же радуется наше просвѣщенное юношество? О, мы оцѣнимъ сугубое значеніе этой побѣды ихъ надъ своими прежними ошибками, когда я отвѣчу на поставленный вопросъ. Да, они радуются не какимъ-либо выгодамъ, не золоту и серебру, не производству въ высшій чинъ. Нѣтъ, не къ тому призвалъ Тотъ Виновникъ ликованія, Котораго изображеніе они носятъ предъ собою. Онъ позвалъ ихъ умирать за вѣру и отечество, литься съ Его смиренными и мужественными воинами въ одно братство и идти на врага. Не житейскія преимущества ихъ ожидаютъ: нѣтъ, покойная и мирная ихъ жизнь измѣнится на суровую солдатскую службу, а затѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ имъ придется проводить дни и ночи подъ пулями и ядрами враговъ, видѣть предъ собою смерть, получать тяжкія раны, быть въ холодѣ и голодѣ, безъ сна и крова. Къ такому суровому подвигу призываетъ ихъ Царь, а они радуются и ликуютъ, они возносятъ благодарственныя молитвы и прославляютъ Того, Кто зоветъ ихъ умирать.—Это-ли не чудо? Это-ли не побѣда русской души надъ всѣмъ низменнымъ и себялюбивымъ!

Вѣрьте, что ни одинъ народъ, ни одно юношество не могло бы такъ встрѣтить Царскій призывъ на тяжкій подвигъ. Не отрицаемъ того, что юноши другихъ народовъ въ вашемъ положеніи могли бы пойти на подвигъ съ покорностью, нести его съ терпѣніемъ, проявить въ ратномъ дѣлѣ стойкое мужество; но никогда бы они не вышли на это дѣло съ такимъ восторгомъ, съ такою благодарностью, какъ вы, какъ русскіе студенты.

Эти чувства не навязаны совнѣ, они охватили ваши сердца внутреннимъ озареніемъ, они основаны на томъ глубоко исканіи въ жизни самоотверженнаго подвига, которымъ русскіе люди, воспитанные на православныхъ понятіяхъ, отличаются отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, взирающихъ на жизнь глазами древняго римскаго язычника, ищущаго въ ней только наслажденія и наживы и едва сдерживаемыхъ холоднымъ римскимъ правомъ.

Этимъ же исканіемъ подвига въ русскихъ юношахъ пользовались его совратители-нигилисты, призывая ихъ подъ знамена, враждебныя русской вѣрѣ, русскому Царю и самой Россіи. Во время недавней войны съ Японіей они устами

своего писателя Вересаева открыто признались въ томъ, что могъ видѣть и самъ по себѣ каждый безпристрастный наблюдатель жизни: они открыто признались, что злорадствовали надъ нашими пораженіями японскою арміей и чувствовали досаду при нашихъ маленькихъ побѣдахъ. Такъ подтверждалось слово великаго Достоевскаго о томъ, что русскій нигилистъ ненавидитъ не какой либо государственный строй, но самую Россію, радуется ея бѣдамъ и злобствуетъ при ея успѣхахъ.

Но если Достоевскій въ этомъ былъ правъ, то не менѣе правдиво другое его убѣжденіе, которое онъ проводилъ почти во всѣхъ своихъ твореніяхъ, именно то, что русское учащееся юношество отрывается отъ родной вѣры и своего народа не чрезъ свою злую волю, но ложными, искусственно сотканными теоріями, которыя оно принимаетъ на вѣру и которыми придавливаетъ свою русскую христіанскую душу до тѣхъ поръ, пока какой-либо сильный нравственный толчокъ не заставитъ эту самую душу заговорить своимъ собственнымъ голосомъ, въ которомъ раскроется несравненно больше свѣта и здоровой мысли, чѣмъ въ ложныхъ, вычитанныхъ теоріяхъ. Вотъ такое отрадное явленіе въ студенческой жизни мы наблюдаемъ въ настоящее время; оно убѣждаетъ насъ въ томъ, что вся накипь того нигилизма и распутства плавала лишь на поверхности юныхъ душъ, а въ глубинѣ ихъ таились возвышенные, святые порывы любви и вѣры, свойственные нашему родному народу.

Поистинѣ мы видимъ то, что символически изобразилъ Пушкинъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернить
И свой рисунокъ незаконный
Надъ ней бессмысленно чертитъ.“

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней“

Впрочемъ, истолкованіе вашего прекраснаго порыва было бы не полное, если бы мы не указали болѣе опредѣленно, что именно въ Царскомъ призывѣ такъ глубоко взволновало ваши сердца благодарнымъ чувствомъ?—Конечно, то, что нашъ Государь оказалъ студенчеству довѣріе, призвавъ его на ратный подвигъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ поручить ему офицерскія, т. е. весьма отвѣтственныя должности. Нашъ вѣнценосный Вождь почувалъ сердцемъ, что въ жизни нашего студенчества прошла свѣтлая полоса умственнаго и нравственнаго пробужденія, что въ эти дни тяжелаго, но побѣдоноснаго подвига нашихъ воиновъ русская земля скрѣпилась въ одно твердое тѣло и что ея прекраснѣйшій цвѣтокъ, который злые люди уже много лѣтъ стараются совсѣмъ оторвать отъ родной почвы, теперь крѣпко вросла въ русскую землю и устремляетъ свои молодые очи къ ея Красному Солнышку.

Понялъ это нашъ Царь, и поняли Его наши студенты. Видъ раненыхъ воиновъ, которыхъ они носили на рукахъ, ихъ исполненные вѣрой письма къ роднымъ, писавшіяся подъ ихъ диктовку студентами, и всѣ вообще событія послѣднихъ мѣсяцевъ слили въ одно цѣлое съ народомъ наше юношество, т. е. самую чуткую, самую искреннюю часть нашего общества, такъ далеко было оторвавшася отъ своего народа.

Это молодое поколѣніе общества не имѣетъ надъ послѣднимъ ни власти, ни авторитета, но всегда отражаетъ на немъ свое настроеніе, которому отдается такъ горячо, а по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ и само займетъ мѣсто въ жизни русскаго общества.

Вотъ почему эти радостные дни духовнаго просвѣтленія и озаренія мы признали болѣе значительной побѣдой русскаго народа, чѣмъ разгромъ нѣмецкой арміи нашими геройскими войсками. Вѣдь, если суждено такому дружному настроенію надолго сохраниться въ нашемъ студенчествѣ и нашемъ обществѣ, то намъ не страшны никакіе враги. Скажу болѣе, если бы Господь попустилъ быть намъ самимъ разбитыми отъ внѣшнихъ враговъ, чего, конечно, не будетъ, то и тогда Россія не должна увядать, лишь бы хранилось въ ней единство всѣхъ сословій. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно себѣ представить положеніе нашего народа хуже,

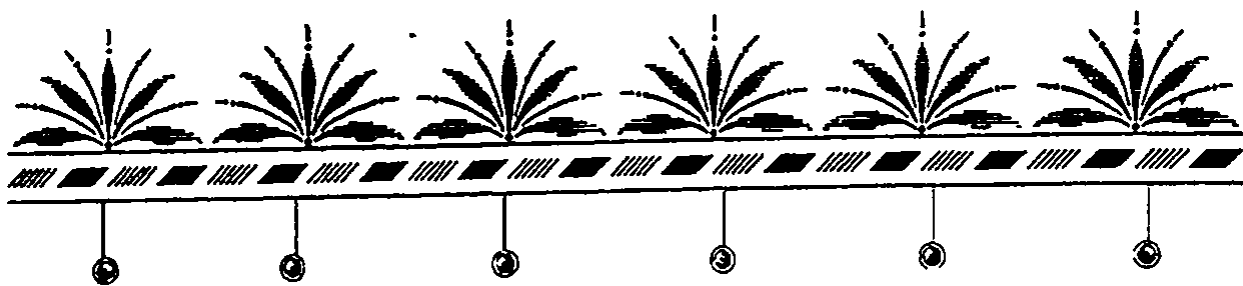
чѣмъ въ 1612 году: у насъ отняли Царя, отняли Московскій Кремль, враги лѣзли со всѣхъ сторонъ, но не отнято было отъ Россіи единство вѣры и благоговѣйная преданность душъ къ своей священной Родинѣ. И вотъ эти двѣ силы, пробудившись въ Нижнемъ-Новгородѣ, быстро преодолѣли всѣхъ враговъ и повлекли на Царскій Престолъ Богоизбраннаго юношу, противъ его собственной воли по святому послушанію своей матери-монахинѣ, а затѣмъ окружили его крѣпкимъ кольцомъ вѣрнопопданной любви и вѣковой преданности.

Черезъ 200 лѣтъ послѣ сего Россія подпала подобному же бѣдствію отъ враговъ: снова Московскій Кремль сдѣлался ихъ добычей, пылала древняя столица, иконостасы ея церквей были изрублены, мощи святыхъ были выброшены на полъ,—но эти кощунства вызвали такое негодованіе, что разрозненное общество и народъ опять слились воедино для дружнаго отпора врагу и не только разбили его, но своимъ геройствомъ заложили въ его сердце то уваженіе и сочувствіе къ Россіи, которое легло въ основаніи ихъ теперь уже тридцатилѣтняго дружества и союза съ нами.

Русь дружная, неразѣдаемая внутренней враждой и нигилизмомъ неодолима для внѣшнихъ враговъ. Какъ волшебный фениксъ возставала она изъ пепла, а теперь привлекаетъ въ свои материнскія объятія нашихъ братьевъ русскихъ галичанъ. Итакъ, совершая нашу молитву о дальнѣйшихъ побѣдахъ нашего самоотверженнаго воинства, съ двойнымъ усердіемъ помолимся о томъ, чтобы Господь хранилъ то блаженное единство духа внутри самой Россіи, прекрасную картину котораго мы видимъ сейчасъ предъ собою, картину утѣшительную, радостную, незабвенную!

Христе Боже, даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славить и воспѣвать Пречестное Имя Твое! Аминь.

Христіанскія недоумѣнія по поводу войны.

(Лекція).

I.

Милост. Государи! Ваше поступленіе въ Университетъ совпало съ чрезвычайными обстоятельствами времени, и наша общая научная работа пойдетъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Я не хочу сказать о томъ, что военныя событія будутъ отвлекать наше вниманіе и тормозить правильный ходъ занятій. Все это, надѣмся, будетъ недолго и съ минованіемъ грозы небо прояснится. Чѣмъ чернѣе туча, тѣмъ больше вихрь, и тѣмъ скорѣе проходитъ гроза. Итакъ, дѣло идетъ не объ этой временной помѣхѣ. Совершается нѣчто гораздо болѣе важное. Передъ нашими глазами происходитъ грозный судъ исторіи надъ государствами, взявшими въ руки ключъ разумѣнія, надъ народами, пользовавшимися репутаціей передовыхъ носителей культуры, нашихъ вѣчныхъ учителей; по отношенію къ которымъ мы смиренно привыкли считать себя вѣчными учениками, привыкли вѣздить каждый годъ на поклонъ Западно-Европейской, по преимуществу Германской, наукѣ и цивилизаціи... Въ нашу плоть и кровь вошелъ обычай ежегоднаго заграничнаго паломничества, чтобы послушать тамъ и поучиться. По рассказамъ одного изъ нашихъ же профессоровъ, бывшихъ тамъ, когда внезапно вспыхнула война и всѣ русскіе увидѣли необходимость немедленно вѣхать на родину, — только тутъ онъ убѣдился, какое множество представителей русской науки вѣздитъ на поклоненіе западной наукѣ. Всѣ дебаркадеры болѣе или менѣе видныхъ станцій большихъ городовъ были переполнены русскими профессорами, при-

вать—доцентами, стипендіатами разныхъ кафедръ въ Университетахъ, Институтахъ и т. д. Казалось бы труженики науки должны были бы чувствовать себя въ безопасности въ центрѣ науки. Развѣ не наука работаетъ всего больше на пользу всеобщаго мира, развѣ не она стремится объединить человѣчество высшими принципами гуманизма? И развѣ не могли рассчитывать наши ученые, профессора и доценты на покровительство и защиту представителей науки въ Германіи, этихъ всемірныхъ свѣтилъ и нашихъ вѣчныхъ учителей? Увы, надежды оказались тщетными.

Какъ только Германія объявила войну,—всѣ ея ученые повернулись спиною къ своимъ русскимъ коллегамъ, а свѣтило нѣмецкой науки, патріархъ дарвинизма, Геккель, съ нѣсколькими десятками ученыхъ и профессоровъ, поспѣшили заявить всему міру, что они слагаютъ съ себя, т. е. отвергаютъ всѣ тѣ ученныя степени, дипломы и т. д., которыми ихъ наградили иностранные, т. е. наши, французскіе и англійскіе ученые. Къ этому факту прибавлять нечего. Но развѣ всѣ такіе факты не могутъ приводить насъ въ смущеніе,—развѣ это не грозное явленіе для науки, которую до сей поры мы считали самой надежной опорой великихъ принциповъ всеобщаго братства, равенства и свободы, которая сулила человѣчеству золотое будущее, новое государство и новое человѣчество. Представьте себѣ великолѣпный домъ, дивное сооруженіе, самое послѣднее слово техники. Все въ немъ рассчитано, все предусмотрено, онъ долженъ стоять вѣчно. Но забыто одно,—посмотрѣть какъ слѣдуетъ почву, гдѣ заложенъ домъ. И вотъ пошелъ дождь, полились рѣки, подули вѣтры и устремились на домъ тотъ. И домъ тотъ упалъ, потому что построенъ былъ на пескѣ. И паденіе его было великое.

Да, не нужно скрывать, что мы переживаемъ время великихъ искушеній о пользѣ того самаго дѣла, которому служимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я не скрылъ бы, что искушенію подвергается и та область науки, которой имѣю честь служить я, науки богословской.

Страдаетъ вѣрующее сердце. Война не мирится съ нашимъ религіознымъ христіанскимъ сознаниемъ. Вѣдь она происходитъ не гдѣ-нибудь на Черномъ материкѣ среди народовъ языческихъ, дикихъ и варварскихъ;—она проис-

ходить въ семьѣ христіанскихъ народовъ, пережившихъ слишкомъ тысячу лѣтъ христіанской исторіи,—давность почтенная, періодъ достаточный для того, чтобы быть на уровнѣ великихъ завѣтовъ и требованій ученія Іисуса Христа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть! Не поколебалось ли само христіанство, со всеми его принципами и догматами, не оказалось ли оно несостоятельнымъ, утопичнымъ, безсильнымъ нравственно обновить человѣчество? Съ другой стороны, тѣ, кто хотѣлъ бы спасти христіанство, говорятъ, что христіанство принципиально стоитъ противъ войны, какъ величайшаго зла, что въ Евангеліи находится положительное запрещеніе воевать. Псковинъ Толстой къ числу великихъ заповѣдей Евангелія:—не воздавай зломъ за зло, не судись, не клянись,—прибавилъ: не воюй. Война, какъ и клятва и судъ и тюрьмы и проч. не позволительна въ христіанскомъ государствѣ; ведя войну, государство совершаетъ величайшее преступленіе; будь война наступательная, или оборонительная. Представителями этого мнѣнія, какъ извѣстно, отвергается въ принципѣ все современное государственное устройство и въ томъ числѣ воинская повинность, и предлагается полное отдѣленіе церкви отъ государства.

Вотъ какія недоумѣнія предносятся нашему сознанию въ настоящіе, тяжелые дни, и, выступая передъ Вами, милостивые государи, въ качествѣ представителя богословской кафедры, я считаю необходимымъ, прежде чѣмъ перейти къ чтенію курса, остановиться на этихъ недоумѣніяхъ. При этомъ для болѣе удобнаго систематическаго, и по возможности полнаго изслѣдованія и разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ по поводу войны, я расчлѣню ихъ на слѣдующіе: 1) какъ относится христіанское ученіе къ вопросу о войнѣ;—взглядъ Ветхаго и Новаго Завѣта; 2) справедливо ли поступаетъ современное государство, требуя общаго, обязательнаго исполненія воинской повинности, и отношеніе церкви къ указанному вопросу; 3) что представляетъ собою современное христіанство народовъ, особенно тѣхъ народовъ Запада, съ которыми мы находимся въ войнѣ.

Чтобы выяснитъ принципиальную позицію христіанства по вопросу о войнѣ, мы не можемъ миновать Ветхаго Завѣта, религіи древняго іудейства, потому что корни христіанства въ іудействѣ. Особенно по данному вопросу, когда рѣчь

идеть о человѣческой жизни, о ея цѣнности и сохраненіи—съ одной стороны,—съ другой о пожертвованіи самою жизнію своею за други своя.

Библия не держится двухъ мнѣній по вопросу о междоусобной брани, происходящей среди людей. Творецъ міра призвалъ человѣка, первую человѣческую пару къ бытію не для войны, а для мирнаго преуспѣянія во взаимной любви, для взаимнаго нравственнаго совершенствованія. Таково идеальное назначеніе и призваніе человѣка по Библии. Съ другой стороны, та же Библия рассказываетъ о печальномъ фактѣ первороднаго грѣха, о томъ, что человѣкъ, пользуясь свободою, уклонился отъ узкаго и тѣснаго пути постепеннаго восхожденія къ идеалу, а захотѣлъ сразу овладѣть имъ, быть яко Богъ, безъ всякихъ личныхъ заслугъ. Такимъ образомъ, человѣкъ предпочелъ механическую силу нравственной и тѣмъ самымъ добровольно подчинился ей. Это подчиненіе механически повлекло за собой роковыя послѣдствія. „И къ мужу твоему влеченіе твое и той будетъ господствовать надъ тобою“,—такъ предсказалъ Богъ женѣ ея горькую участь подчиненія мужчинѣ,—участь вѣчнаго, ненормальнаго, безправнаго положенія, отъ котораго женщина не можетъ освободиться до сихъ поръ. Это потому, что въ отношеніяхъ между людьми воцарилось право физическое, и сильный давить, притѣсняетъ и убиваетъ слабого. Затѣмъ, въ первой человѣческой семьѣ совершилось первое фактическое убійство сильнымъ слабого, старшимъ—младшаго. Вражда семейная тотчасъ же превратилась въ общественную, родовую, національную, а потомъ и государственную. На всемъ пространствѣ исторіи Ветхаго Завѣта мы читаемъ о войнахъ и войнахъ, ведомыхъ не, рѣдко безъ всякой пощады, съ поголовнымъ истребленіемъ побѣжденнаго врага, отъ человѣка до скота. Все человѣчество занималось взаимнымъ истребленіемъ, при чемъ самъ избранный народъ, евреи принимали въ войнахъ самое дѣятельное участіе.

Такъ глубоко проникло въ человѣка разстройство, произведенное первымъ грѣхомъ, что самъ руководимый Богомъ народъ еврейскій не видѣлъ другихъ способовъ къ сохраненію своей самостоятельности, кромѣ войны. Тому, кто соблазняется этимъ обстоятельствомъ въ жизни древнихъ евреевъ, которые вели постоянныя войны и получали на это

помощь свыше, мы совѣтовали бы поглубже вникнуть въ настоящія причины библейскихъ священныхъ войнъ.

Окружавшіе евреевъ языческіе народы горѣли жаждою завоеваній и непрерывно воевали другъ съ другомъ. При такихъ условіяхъ, чтобы не быть покоренными и истребленными, евреи сами должны были вести иногда оборонительныя, иногда наступательныя войны. Съ другой стороны, и мирное сожительство съ хананейскими племенами, безбожными и развращенными до мозга костей, было бы нравственною гибелью для всѣхъ іудеевъ. Поэтому, война съ такимъ народомъ, несомнѣнно, представлялась меньшимъ зломъ, чѣмъ мирное съ нимъ сожительство: она предотвращала іудеевъ отъ окончательнаго забвенія истиннаго Бога и нравственной распущенности. Въ этомъ смыслѣ война получила характеръ священной.

При всемъ томъ древніе евреи не идеализировали войну ради войны, ради удовлетворенія своего національнаго самолюбія, ради властолюбія и побѣдъ, какъ другіе народы. Лучшие изъ іудеевъ жили надеждами на всеобщій миръ всѣхъ людей. Духовные вожди іудейскаго народа,—пророки предсказывали своимъ единоплеменникамъ, что настанетъ нѣкогда лучшее время, когда не будетъ никакой вражды между людьми: люди раскуютъ мечи на орала и копья на серпы, и будутъ пастись вмѣстѣ волкъ и ягненокъ, левъ и барсъ будутъ ѣсть одну траву. Таковы идеалы, которыми жили евреи въ ожиданіи будущаго: они идеализировали миръ, а не войну.

Итакъ, по взгляду Ветхаго Завѣта, война не есть изначальное и естественное явленіе въ родѣ человѣческомъ, а есть бѣдствіе и зло, вызванное свободнымъ уклоненіемъ человѣка отъ идеала, т. е. грѣхопаденіемъ. Быть и продолжаться этому бѣдствію въ родѣ человѣческомъ суждено до тѣхъ поръ, пока человѣческая природа останется такою, какою она стала,—грѣховною, и пока не станетъ другою, какою была въ Адамѣ до грѣхопаденія. Взглядъ малоутѣшительный. Но можетъ быть онъ свойственъ религіи Ветхозавѣтной и объясняется ея несовершенствомъ. Быть можетъ въ Евангеліи мы найдемъ другое,—прямое и категорическое отрицаніе войны.

Увы, никакого отвѣта не находишь и здѣсь, ни утвер-

жденія, ни отрицанія. Всякому, кто внимательно читалъ Евангеліе, извѣстно, что тамъ прямо о войнѣ нигдѣ и ничего не сказано, какъ не сказано по поводу всякаго рода общественныхъ, политическихъ и государственныхъ вопросовъ. Не говорится тамъ о формѣ власти, о судѣ, о присягѣ, о правѣ собственности; не сказано о воинской повинности, ни о самой войнѣ. И причина этого совершенно понятна. Евангеліе обращено не къ обществу или государству, а къ человѣку, къ его душѣ, совѣсти, чувству и разуму. Иисусъ Христосъ приходилъ не затѣмъ, чтобы заниматься вопросами права и политики, или государственнаго устройства. Онъ приходилъ обновить внутреннюю сторону человѣка, а не внѣшнее устройство человѣческаго общества, училъ правдѣ и любви, а не юридическимъ и политическимъ вопросамъ. Когда двое изъ апостоловъ хотѣли наказать небеснымъ огнемъ селенія, не принявшія Христа,—Онъ сказалъ имъ: „не знаете, какого вы духа“. Когда двое братьевъ просили Его подѣлить между ними наслѣдство, Онъ отвѣтилъ: „кто меня поставилъ судить, или дѣлить васъ?“ Иисусъ Христосъ былъ реформаторомъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, потому что училъ исправлять самое главное, что движетъ человѣческими поступками и отношеніями. Своимъ Божественнымъ ученіемъ Онъ приготавлилъ не гражданъ царства земного, а гражданъ царства Божія; поэтому въ Его ученіи мы не найдемъ прямого отвѣта на всѣ вопросы общественности. Война—это явленіе внѣшнихъ общественныхъ отношеній между людьми; искать въ Евангеліи отвѣта по вопросу о войнѣ,—значить не понимать Евангельскаго духа.

И при всемъ томъ упрямыя буквоѣды правыхъ и лѣвыхъ взглядовъ во что бы то ни стало хотѣли бы задѣть Евангеліе. Не находя тамъ прямого отвѣта по вопросу о войнѣ, пытаются оправдать свои взгляды нѣкоторыми отдѣльными Евангельскими текстами и словами, изъ которыхъ хотя бы косвенно вытекало, отрицаетъ ли войну христіанство, или нѣтъ. При этомъ, тѣ, кто хотѣлъ бы оправдать войну, находятъ въ нѣкоторыхъ Евангельскихъ выраженіяхъ подтвержденіе своихъ взглядовъ, а кто считаетъ войну зломъ и бѣдствіемъ, тотъ указываетъ Евангельскія слова, войну отрицающія.

Въ защиту войны, приводятъ слѣдующія мѣста.

Незадолго до выступленія Іисуса Христа на проповѣдь, въ іудейской пустынѣ люди услышали голосъ Его Предтечи и пошли къ нему толпами, чтобы узнать, что дѣлать, и какъ жить. Въ числѣ другихъ приходили и воины, спрашивая, что дѣлать. Предтеча не указалъ имъ бросить военную службу, не запретилъ ея, и не отнесся къ ней съ порицаніемъ. Онъ только сказалъ: никого не обижайте, не клеветайте, довольствуйтесь своимъ жалованьемъ. Стало быть онъ считалъ военную службу позволительною и Христосъ въ послѣдствіи не отвергъ его взгляда.

Другой случай. Однажды подошелъ къ Іисусу Христу начальникъ военнаго отряда, сотникъ, съ просьбою исцѣлить его больного слугу. Іисусъ Христосъ исполнилъ просьбу, но ни однимъ словомъ не указалъ сотнику на то, что его военное званіе недостойно человѣка и заслуживаетъ порицанія.

Третій случай. На судѣ передъ Пилатомъ, отвѣчая на вопросъ, царь ли Онъ іудейскій, Іисусъ Христосъ сказалъ: Да, я Царь, но царство Мое не отъ міра сего. Если бы отъ міра сего было бы царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ Іудеямъ. „Смыслъ отвѣта таковъ: Я царь, но не земной; если бы Я былъ земнымъ царемъ, Я имѣлъ бы войско, обязанное сражаться за Меня“. Т. е. Іисусъ Христосъ какъ бы признаетъ, что въ предѣлахъ земнаго царства и войны, и войско, и стало быть, война на защиту отъ враговъ,—умѣстны и необходимы.

Таковы главные мѣста Евангелія, на которыя любятъ ссылаться милитаристы.

Но есть и другія мѣста, говорящія какъ будто въ пользу антимилитаристическихъ взглядовъ.

Прежде всего указываютъ на Евангельскую нагорную проповѣдь, на извѣстныя слова Христовы: „Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за зубъ (Мѡ. V, 38), а Я говорю вамъ, не противься злему. Но кто ударить тебя въ правую щеку, обрати къ нему и лѣвую; и т. д. Вы слышали, что сказано: „люби ближняго твоего и ненавидь врага“. А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ и молитесь за обижающихъ и гонящихъ васъ... Такимъ образомъ, приведенными словами Христосъ повелѣваетъ любить всѣхъ, даже враговъ; а война,

наоборотъ, развиваетъ въ человѣкѣ совершенно противоположныя чувства,—злобу, вражду, ненависть, зависть. Однимъ словомъ, христіанство учитъ любви,—чувству, которое противъ всякой войны, какъ организованнаго убійства.

Другой примѣръ. Когда воины взяли Христа въ саду Геесиманскомъ, нѣкоторые апостолы испугались и спрашивали, не ударить ли мечемъ; а Петръ, не дождавшись отвѣта, извлекъ мечъ и отсѣкъ правое ухо одному изъ архіерейскихъ слугъ. Тогда Христось сказалъ ему: „возврати мечъ свой въ его мѣсто, ибо всѣ взявшіе мечъ отъ меча погибнутъ“. Отвѣтъ какъ будто даетъ понять, что Іисусомъ Христомъ осуждается употребленіе оружія даже при самозащитѣ, и, такимъ образомъ, осуждается война не только наступательная, но и оборонительная.

Кромѣ этихъ двухъ мѣстъ въ осужденіе войны, другихъ не находятъ.

Для каждаго ясно, что какъ прокуроры войны, такъ и ея защитники насильно притягиваютъ Евангеліе въ своихъ интересахъ, но ни тѣ, ни другіе, строго говоря, не достигаютъ цѣли. Насилуя смыслъ Евангельскаго текста, можно оправдать и опровергнуть что угодно. Извѣстно, что и крестоносцы и католическіе іезуиты совершали великія звѣрства и при этомъ опирались на Евангеліе. Въ средніе вѣка для славы Божіей,—*ad maiorem Dei gloriam*, католики избивали еретиковъ. Во всѣхъ приведенныхъ словахъ Евангелія, приводимыхъ въ защиту войны и обратно, положительныхъ указаній на законность или незаконность войны—нѣтъ. Даже слова въ нагорной проповѣди (не воздавай зломъ, любите враговъ и т. д.) едва ли могутъ говорить противъ войны, потому что милитаристы могутъ въ противовѣсъ привести тоже Евангельскія слова о самопожертвованіи. Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя. А всякій воинъ, идя на войну, именно убѣжденъ, что онъ идетъ умирать за своихъ ближнихъ, исполняетъ нравственный долгъ, Законъ Христа.

При всемъ томъ позиція Евангелія по вопросу о войнѣ съ точки зрѣнія евангельскаго идеала совершенно ясная и опредѣленная. Хотя въ Евангеліи нѣтъ положительныхъ указаній, но духъ Евангелія, его главная идея несомнѣнно противъ войны. Едва ли этотъ тезисъ подлежитъ спору: если

не должно быть убійства единичнаго, если даже вражда человека къ ближнему осуждается какъ нѣкоторое духовное убійство, то понятно осуждается и война. И если объ этомъ не заявлено прямо, то, очевидно, на это есть особыя причины. Евангеліе—не юридическій кодексъ запрещеній: ни одинъ уголовный кодексъ не уменьшалъ количества преступленій. Оно есть книга духовно-нравственной жизни. Она обращаетъ вниманіе на язвы внутренней жизни, лечитъ душевныя раны, а не внѣшнія, общественныя. И только путемъ оздоровленія духовнаго индивидуума оно хочетъ оздоровить атмосферу общественныхъ и международныхъ отношеній.

II.

Итакъ, Евангеліе остается въ сторонѣ отъ всѣхъ подобнаго рода вопросовъ, какъ вопросъ о войнѣ, и искать въ немъ отвѣта на нихъ можно лишь насилуя его священный текстъ. Это многіе понимаютъ, и поэтому, оставляя въ сторонѣ Евангеліе, обрушиваются съ укоризною на церковь за ея союзъ съ государствомъ, за то, что она благословляетъ многія начинанія, несомвѣстимыя съ духомъ Евангелія: суды, присягу, тюрьмы, собственность, воинскую повинность и войну и т. д. Вопросъ объ отношеніи церкви къ государству самъ по себѣ является слишкомъ серьезнымъ вопросомъ, и если бы заниматься здѣсь его рѣшеніемъ, мы отвлеклись бы отъ прямого отвѣта на поставленный вопросъ. Въ данномъ случаѣ для насъ и не важно знать, состоитъ ли церковь въ союзѣ съ государствомъ, или нѣтъ,—потому что она можетъ имѣть свою собственную точку зрѣнія на войну независимо отъ такого или иного отношенія къ государству. По ученію Христа войны между людьми, тѣмъ болѣе между христіанами само собою быть не должно. И если война начинается, то вѣдь не церковь поднимаетъ оружіе на брань, а государство. И если церковь не возражаетъ противъ войны, то руководится въ этомъ случаѣ примѣромъ Христа и апостоловъ, которые не вмѣшивались въ интересы Кесарева царства, поскольку они не противорѣчатъ интересамъ царства Божія. Церковь прекрасно понимаетъ, что государство, какъ общественная организація, состоящая изъ людей разнаго званія, разной вѣры, развитія и т. д. не можетъ стоять на высотѣ идеала, и что война при такихъ условіяхъ не-

избѣжна. Въ жизни людей, далекихъ отъ нравственнаго совершенства, добро и зло такъ тѣсно соприкасаются и переплетаются одно съ другимъ, что нерѣдко трудно опредѣлить, гдѣ кончается добро и начинается зло, и наоборотъ. Поэтому церковь и остается въ томъ непоколебимомъ убѣжденіи, что въ жизни грѣшныхъ людей самое зло служитъ добру. Церковь никогда не благословляетъ и благословить не можетъ такія войны, которыя происходятъ по низменнымъ побужденіямъ своекорыстія, жажды мести, удовлетворенія тщеславію и т. д. Но вѣдь начинаются же войны и по высокимъ мотивамъ, напр. на защиту угнетенной народности, какъ настоящая война. Въ такихъ случаяхъ она смотритъ на войну, какъ на Божіе попущеніе, и допускаетъ ее, какъ единственно возможное средство для возстановленія поруганныхъ человѣческихъ правъ. Вѣдь для церкви слишкомъ очевидно, что войны не будутъ не тогда, когда церковь будетъ отрицать ихъ,—а когда будутъ уничтожены дѣйствительныя причины вражды, коренящейся въ человѣческомъ сердцѣ. Но и допуская войну въ извѣстныхъ случаяхъ, церковь не перестаетъ молиться о мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ, объ избавленіи отъ меча, какъ отъ бѣдствія, не перестаетъ ожидать идеала такихъ международныхъ отношеній, когда люди перекуютъ мечи на орала, а копья на серпы, когда люди перестанутъ видѣть свое преимущество въ физической силѣ, когда водворится всеобщій миръ на землѣ и на всѣхъ человѣкахъ почиетъ Божіе благоволеніе.

Однако, трезво смотря на вещи, церковь не считаетъ такого идеала близкимъ къ осуществленію. Для церкви мечта о наступленіи вѣчнаго мира на землѣ является даже иллюзорною. Мы не смѣемъ обольщать себя такою мечтою, зная хорошо, что до конца въ мірѣ будетъ царствовать грѣхъ и зло, а съ нимъ и война, какъ неизбѣжное слѣдствіе. Само Евангеліе предсказываетъ о временахъ ужасныхъ войнъ, имѣющихъ быть въ послѣднее время (Мѡ. 24, 6...), а вѣчный миръ имѣетъ осуществиться не на этой, а на новой землѣ, на которой будетъ царствовать одна правда (2 Петра, III, 13). Настоящая война христіанскихъ народовъ слишкомъ ясно подтверждаетъ это. Сколько было положено усилій къ всеобщему разоруженію, сколько международныхъ мирныхъ совѣщаній,—и въ результатѣ война со всѣми ужасными по

слѣдствіями. Какое разочарованіе, какое крушеніе самыхъ лучшихъ надеждъ!..

Но такъ разсуждать можетъ церковь, стоящая на незыблемомъ ортодоксальномъ основаніи, вѣрная ученію Христа и признающая за нимъ божественный авторитетъ. Только такая позиція и дѣлаетъ церковь независимою во взглядахъ на войну, а не союзъ ея съ государствомъ. Союзъ съ государствомъ, какъ бы онъ ни былъ крѣпокъ,—никогда не въ силахъ заставить церковь измѣнить своимъ принципамъ. Для церкви есть опасность похуже этого союза,—опасность подчиненія духу времени, принципамъ науки, въ ея механическомъ міропониманіи, отвергающей Божественное Откровеніе, разрушающей вѣру, подрывающей самыя основы религіи. Вотъ если бы церковь вступила въ союзъ съ духомъ времени, если бы она пошла на компромиссъ съ наукой,—опасность для нея была бы неминуема. Она должна была бы одобрять войну, какъ одно изъ явленій общаго закона міровой жизни—борьбы за существованіе, и лишалось бы всякихъ средствъ воздѣйствія, чтобы прекратить войну. А такой опасности и подверглась одна изъ церквей, отторгшаяся отъ единства съ церковью вселенскою, соборною и апостольскою. Я разумѣю церковь протестанскую или лютеранскую, господствующую въ Германской имперіи, съ которой мы ведемъ войну.

Лютеръ, какъ извѣстно, во имя религіозной свободы отказался отъ католичества и образовалъ особую церковь. Католичество, въ погонѣ за внѣшностью, создало абсолютный церковный авторитетъ въ лицѣ папы, подавляющій всякую свободу религіознаго чувства. Протестантство сдѣлало рѣзкій поворотъ въ сторону религіознаго субъективизма и пришло къ меньшимъ злоупотребленіямъ. Если въ католичествѣ Христосъ въ сознаніи католика заслоняется папскою фигурой, Христовымъ намѣстникомъ,—то крайній субъективизмъ лютеранства ведетъ къ злу еще горшему. Здѣсь каждый, полагаясь на свое субъективное чувство, объявляетъ себя папой. Лютеранинъ остается въ гордомъ убѣжденіи, что между нимъ и Богомъ не можетъ быть никакого посредства. Поэтому каждый можетъ опредѣлять по своему свой отношенія къ Богу, имѣть свое понятіе о Божествѣ.

Такая религіозная свобода принесла свои плоды. Человѣкъ

вѣческая мысль, не стѣсняемая больше авторитетомъ откровенія и коллективнымъ разумомъ церкви, дала нѣмецкую философію съ явнымъ уклономъ къ матеріалистическому пантеизму и пессимизму; дала науку съ монистическимъ міросозерцаніемъ (Геккель); дала рационалистическое богословіе, протянувшее руку положительной наукѣ и отринувшее Откровеніе, дала духовенство ни во что не вѣрующее.

Прежде всего о научномъ монистическомъ міровоззрѣніи, господствующемъ въ Германіи. Во главѣ этого теченія стоитъ Геккель, патріархъ, столпъ дарвинизма. Геккель—крайній дарвинистъ съ фанатическимъ предубѣжденіемъ противъ Откровенія и съ самыми дикими понятіями о христіанствѣ и его догматахъ. Въ 1899 году онъ издалъ книгу „Міровыя загадки“, получившую въ Германіи огромное распространеніе. Въ 1909 году книга вышла десятымъ изданіемъ, несмотря на ея гнусное содержаніе. Это сплошной памфлетъ на христіанство. Издѣвательства Геккеля не знаютъ границъ, когда онъ начинаетъ философствовать надъ христіанскимъ ученіемъ. Характеризуя эту философію, Паульсенъ говоритъ, что онъ ощутилъ на своемъ лицѣ краску стыда, когда читалъ философскія разсужденія Геккеля въ „Міровыхъ загадкахъ“.

Монизмъ есть возрожденіе стараго матеріализма подъ новой одеждой. То же отрицаніе Бога, души, безсмертія, и то же убѣжденіе, что вѣчна матерія и ея законы. Божеству отводится пантеистическое мѣсто міровой души, или міровой субстанціи. Чтобы судить о достоинствѣ Геккелева монизма, слѣдуетъ опредѣлить его отношеніе къ вопросамъ воспитанія. Въ примѣненіи къ педагогикѣ монистическіе принципы рекомендуютъ учащимся прежде всего настойчивую борьбу съ вѣрой въ Бога. Не Богъ, а самъ человѣкъ долженъ быть предметомъ поклоненія. Не въ Бога слѣдуетъ вѣрить, а въ свою собственную силу, въ силу человѣческаго разума. Нѣтъ и свободы человѣческой воли: она выдумана; чтобы спасти Бога; чтобы не сдѣлать Его виновникомъ зла. Предками человѣка являются животныя, и только путемъ прогрессивнаго умственнаго развитія человѣкъ могъ освободиться отъ животныхъ инстинктовъ. Въ человѣкѣ нѣтъ души, какъ самостоятельнаго начала; и, понятно, нѣтъ безсмертія. По поводу такой монистической педагогики одинъ изъ нѣ-

мецкихъ авторовъ высказался такъ: „народъ, воспитывающій дѣтей въ такихъ принципахъ, погибъ безвозвратно“ (Ц. Вѣд. 1914, № 29, стр. 1297—1304).

Свобода научной мысли въ протестантскомъ богословіи привела къ рационалистическому пониманію христіанства. Извѣстный протестантскій историкъ Адольфъ Гарнакъ, примѣнившій къ исторіи христіанства принципы научнаго изслѣдованія, отвергъ Божество Христа, признавъ въ немъ религіознаго генія и только. Научные принципы не позволили Гарнаку идти дальше. По мнѣнію Гарнака, Христосъ не былъ Богомъ. Правда, Онъ призналъ Себя Сыномъ Божиимъ. Это—тайна Его психологіи, но для Гарнака ясно, что Христосъ въ данномъ случаѣ заблуждался и былъ просто сыномъ человѣческимъ. Коль скоро выдающіеся протестантскіе богословы стали проповѣдывать эти идеи, у протестантскаго духовенства, даже въ его ортодоксальной части, ускользала почва изъ подъ ногъ. Ему оставалось идти по слѣдамъ своихъ учителей. Вотъ нѣкоторые факты изъ исторіи протестантскаго духовенства послѣднихъ лѣтъ.

Одинъ изъ учениковъ Гарнака, талантливѣйшій пасторъ Ято въ своихъ проповѣдяхъ сталъ высказывать странныя мысли. Бога онъ понимаетъ по своему, не вѣритъ творенію, не признаетъ въ человѣкѣ первороднаго грѣха, сомнѣвается въ будущей жизни.—Возможно, что мы уснемъ и не проснемся, и это будетъ хорошо. Даже протестантская паства запротестовала противъ такого проповѣдника. Надъ Ято назначили судъ, но его примѣру послѣдовали многіе пасторы. Это было въ 1910 году. А въ 1909 году церковный съѣздъ въ Баденѣ сдѣлалъ постановленіе, о томъ, чтобы при совершеніи крещенія и конфирмаціи не читать апостольскаго символа, ибо синодъ не вѣритъ въ сверхъестественные факты евангельской исторіи—рожденіе Христа отъ Дѣвы, воскресеніе и вознесеніе, такъ какъ эти догматы стоятъ въ явномъ противорѣчій съ научными принципами (Ц. Вѣд., 1909, № 34, стр. 1599). Въ томъ же 1909 году пасторъ Шнейдель публично отрекся, что онъ при погребеніи одного учителя читалъ библейскія слова: „возстануть сущіи во гробѣхъ“. Послѣ этого даже социаль-демократическая газета „Vorwärts“ съ радостью отмѣтила такое распространеніе невѣрія среди нѣмецкаго духовенства (Ц. Вѣд., 1909, № 41, стр. 1945).

Вмѣстѣ съ отрицаніемъ главнѣйшихъ догматовъ пали старыя добрыя нравы. Всѣ благомыслящіе нѣмцы въ позднѣйшее время отмѣчаютъ, что въ Германіи преступленія противъ нравственности растутъ въ ужасающей прогрессіи. Когда то нѣмецкая семья высоко чтилась, какъ образецъ здоровой жизни. Теперь ее постигла тяжелая болѣзнь, выражающаяся въ страшномъ упадкѣ рождаемости. Берлинъ въ послѣдніе годы стяжалъ славу Вавилона. Газеты отмѣчаютъ, что съ объявленіемъ войны до 180000 проститутокъ осталось безъ куска хлѣба. Немногочисленное католичество Германіи принимаетъ мѣры къ борьбѣ съ общественной безнравственностью, но безрезультатно.

Таково состояніе протестантской церкви въ современной Германіи. На основаніи всего вышеизложеннаго, можно было бы спросить, — что христіанскаго осталось въ этой странѣ? Можетъ ли современная нѣмецкая культура, передъ которой привыкли преклоняться, вести свое происхожденіе отъ Христа, опираться на евангельскіе устои? На такой почвѣ могла лишь вырасти вѣра въ силу физическую, и необыкновенный національный шовинизмъ, желаніе занять господствующее положеніе среди всѣхъ народовъ міра. Только эти низменные инстинкты и могли подсказать Гогенцоллерну тотъ дерзкій вызовъ, который онъ бросилъ Россіи и всему остальному европейскому міру. И несмотря на его открытыя заявленія, что нѣмецъ боится только Бога и больше никого, — факты показали, что Бога то онъ всего меньше боится, ибо только при явномъ безбожіи можно быть способнымъ на варварское объявленіе и веденіе войны.

Проф. Томскаго Университета,

Прот. Іаковъ Галаховъ.

Проф. философіи Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ.

(1826—1874 г.г.).

(Продолженіе) *).

Очеркъ жизни, литературной дѣятельности и богословско-философскаго міровоззрѣнія.

III.

Появленіе въ Россіи философскаго матеріализма.—Литературная борьба Юркевича съ Н. Чернышевскимъ и его единомышленниками.—
Переходъ Юркевича въ Московскій Университетъ.

Пятидесятые и шестидесятые годы прошлаго столѣтія ознаменованы въ Европѣ и у насъ появленіемъ и широкимъ распространеніемъ философскаго матеріализма.

Появившись въ Германіи официально съ выходомъ въ свѣтъ сочиненія Карла Фогта „Physiologische Briefe“ (1845—1847 г.г.), матеріализмъ сразу приобрѣлъ значительный вѣсъ и въ ученыхъ сферахъ, и въ широкой публикѣ. Германская университетская философія, продолжая свою работу въ прежнемъ идеалистическомъ направленіи, выступила, было, на борьбу съ матеріализмомъ, но успѣха не имѣла. Изъ Германіи матеріализмъ быстро распространился по Европѣ и проникъ въ Россію. Вездѣ на его долю выпадалъ легкій и поразительный успѣхъ.

Если въ Германіи, „странѣ философовъ“, съ ея философскими традиціями міроваго значенія появленіе и распространеніе матеріализма вызвало было тяжелымъ духовнымъ кризисомъ; то къ намъ въ Россію матеріализмъ пересаженъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 18 за 1914 г.

былъ съ практическою цѣлю. Къ этому времени среди передовой русской интеллигенціи возникъ общественно-политическій либерализмъ.

Матеріализмъ казался наиболѣе подходящей къ нему идеологіей. Эта случайная связь на русской почвѣ матеріализма съ либерализмомъ обусловила особенную страстность полемики между защитниками матеріализма и его противниками. На почвѣ этой связи возникло и то странное, не утерявшее своего значенія и доселѣ, заблужденіе, что будто только матеріализмъ, какъ идеологія, можетъ содѣйствовать соціально-политическому прогрессу человѣчества и отдѣльныхъ націй, тогда какъ будто изъ философскаго идеализма необходимо вытекаетъ застой и реакція. Эта совершенно ошибочная, но тѣмъ не менѣе прочно установившаяся ассоціація между матеріализмомъ и соціально-политическимъ прогрессомъ въ значительной степени объясняетъ неуспѣхъ классической по приѣмамъ борьбы Юркевича съ русскими матеріалистами.

Первымъ очагомъ матеріализма въ Россіи явился распространенный и передовой по тому времени журналъ „Современникъ“, а наиболѣе страстнымъ и талантливымъ адептомъ и литературнымъ защитникомъ новаго міровоззрѣнія былъ сотрудникъ этого журнала Н. Г. Чернышевскій. Еще на студенческой скамьѣ онъ познакомился съ „Сущностью религіи“ и др. соч. Л. Фейербаха и усвоилъ то его положеніе, что человѣкъ со включеніемъ природы, какъ его базиса, является единственнымъ, всеобщимъ и высшимъ предметомъ философіи. И хотя это положеніе Фейербаха съ неизбежностью не вело къ матеріалистическому міровоззрѣнію, однако Чернышевскій подъ вліяніемъ модной тогда европейской матеріалистической литературы, можетъ быть, подъ вліяніемъ К. Фогта,—пришелъ къ нему. Первую попытку изложить свою новую точку зрѣнія Чернышевскій сдѣлалъ примѣнительно къ искусству въ своей магистерской диссертациі „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ (1855 г.). Основная мысль этого сочиненія та, что искусство не должно стремиться стать выше дѣйствительности, а должно подчиниться ей; и это нисколько не унижительно для искусства.

Когда Чернышевскій сталъ признаннымъ вождемъ ли-

беральной социальнo-политической партіи въ Россіи и употребилъ всѣ свои выдающіяся способности на ниспроверженіе ходячихъ консервативныхъ взглядовъ, на доказательство ненаучности и лицемѣрія буржуазной науки; то, чтобы подвести фундаментъ подъ новое социальнo-демократическое міровоззрѣніе, онъ воспользовался выходомъ въ свѣтъ сочиненія П. Лаврова „Очерки вопросовъ практической философіи (ч. I, Личность. СПб., 1860 г.)“ и изложилъ материалистическое ученіе въ его основахъ, но съ полной опредѣленностью въ своей статьѣ „Антропологическій принципъ въ философіи“¹⁾. Эта статья Чернышевскаго была напечатана въ IV и V кн. Современника за 1860 г.²⁾ и произвела на русское общество большое впечатлѣніе. Съ обычными для Чернышевскаго постоянными отступленіями отъ главнаго предмета рѣчи,—отступленіями, въ которыхъ разсыяны блестящіе большаго ума и выдающагося литературно-публицистическаго таланта, съ прямолинейностью и простотой, съ необыкновенной страстностью въ „Антропологическомъ принципѣ въ философіи“ рѣшительно былъ выброшенъ флагъ метафизическаго материализма и тѣсно связанной съ нимъ теоріи эгоистической нравственности.

Эта статья Чернышевскаго вызвала критическій разборъ основаній философскаго материализма со стороны проф. Юркевича въ статьѣ его „Изъ науки о человѣческомъ духѣ“ и послужила поводомъ къ ожесточенной и продолжительной полемикѣ съ Чернышевскимъ многихъ вліятельныхъ въ то время русскихъ журналовъ.

Переходимъ къ болѣе или менѣе подробному изложенію перипетій этой полемики, насколько она такъ или иначе касается проф. Юркевича. Укажемъ сперва основныя мысли статьи Чернышевскаго и отвѣта на нее проф. Юркевича.

Статья „Антропологическій принципъ въ философіи“ состоитъ изъ 2 частей; въ первой изъ нихъ П. Г. Чернышевскій просто, общедоступно, со множествомъ пояснительныхъ примѣровъ излагаетъ новѣйшія пріобрѣтенія естественныхъ наукъ въ изученіи природы, а во второй—дѣлаетъ

¹⁾ Ю. Стекловъ „Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность“, СПб., 1909 г., стр. 23, 34.

²⁾ См. также собр. соч. П. Чернышевскаго т. I, кн. I, стр. 101—102.

попытку на этихъ данныхъ построить свою матеріалистическую антропологию и этику.

„Основаніемъ для той части философіи, которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно такъ-же служатъ естественныя науки, пишетъ Чернышевскій,—какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ. Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служить выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видятъ медицина, физиологія и химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если-бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы (т. е. физической), другую природу (т. е. духовную), то эта другая натура непременно обнаружилась-бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной (т. е. физической) его натурѣ, то другой (т. е. духовной) въ немъ нѣтъ“¹⁾. Самоочевидность этой истины кажется для Чернышевскаго столь-же ясной, какъ самоочевидно ясна, напримѣръ, та истина, что въ данную минуту въ одной съ нами комнатѣ не находится левъ: речательствомъ служить здѣсь тотъ фактъ, что мы живы.

„Нѣтъ послѣдствій, которыми-бы неизбежно сопровождалось присутствіе льва, разсуждаетъ Чернышевскій,—потому мы знаемъ, что нѣтъ тутъ и льва²⁾. Не смотря однако на очевидность истины о „единствѣ человѣческой природы“, Чернышевскій чувствуетъ необходимость уяснить „кажущуюся“ двойственность природы въ человѣкѣ. „При единствѣ природы мы замѣчаемъ въ человѣкѣ два различныя ряда явленій; продолжаетъ свои разсужденія Чернышевскій,—явленія такъ наз. матеріальнаго порядка (человѣкъ ѣсть, ходитъ) и явленія т. наз. нравственнаго порядка (человѣкъ думаетъ, чувствуетъ, желаетъ)... Не противорѣчитъ ли ихъ различіе единству природы, показываемому естественными науками? Естественныя науки опять показываютъ, что дѣлать

¹⁾ Современникъ за 1860 г., апр., стр. 349.

²⁾ Тамъ-же, стр. 350.

такую гипотезу мы не имѣемъ права, потому что нѣтъ предмета, который-бы имѣлъ только одно качество, напротивъ, каждый предметъ обнаруживаетъ безчисленное множество разныхъ явленій, которыя мы для удобства сужденія о немъ подводимъ подъ разные разряды, давая каждому разряду имя качества, такъ что въ каждомъ предметѣ очень много разныхъ качествъ“. Далѣе Чернышевскій приводитъ рядъ примѣровъ, показывающихъ, что предметы могутъ проявлять самыя разнообразныя качества: дерево растеть и горить, ледъ—твердъ и блестящъ и т. д. Заключение изъ этихъ примѣровъ то, что „соединеніе совершенно разнородныхъ качествъ въ одномъ предметѣ есть *общій законъ природы*“¹⁾. Но въ этомъ разнообразіи естественныя науки открываютъ и связь—не по формѣ обнаруженія, не въ явленіяхъ, а по способу происхожденія явленій изъ одного и того-же элемента при напряженіи или ослабленіи энергичности въ его дѣйствованіи²⁾. Естественныя науки далѣе замѣчаютъ, что простыя или составленныя изъ нихъ сложныя тѣла, входя между собою въ химическія соединенія, вообще даютъ въ продуктѣ тѣло, обнаруживающее такія качества, какихъ нѣтъ въ составныхъ частяхъ, когда онѣ находятся порознь³⁾. Такимъ образомъ, въ органическихъ, какъ и въ неорганическихъ тѣлахъ природы, совершаются одни и тѣ-же химическіе процессы, различающіеся между собою только сложностью. Эта разница какъ будто между 2 и 200,—разница количественная, не большая⁴⁾. Физиологія и медицина находятъ, что и человѣческій организмъ есть очень многосложная химическая комбинація, находящаяся въ очень многосложномъ химическомъ процессѣ, называемомъ жизнью⁵⁾.

Вотъ основныя мысли Чернышевскаго въ его ученіи о человѣкѣ. Для него такъ важно отношеніе между этими двумя сторонами, — столько же важны, по мнѣнію Чернышевскаго, — результаты естественнаго научнаго изысканія и въ приложеніи къ вопросамъ этики. Каждый организмъ, живущій въ мірѣ, — это добръ или зольъ, — по своей природѣ, — это

¹⁾ Тамъ же, стр. 351.

²⁾ Тамъ же, стр. 352.

³⁾ Тамъ же, стр. 354.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 355.

⁵⁾ Современникъ за 1860 г., май, стр. 16.

вопросъ не имѣеть никакого значенія. При первомъ же приложеніи научнаго анализа „вся штука оказывается простою до крайности“. Всѣми поступками человѣка руководить эгоизмъ: человѣкъ поступаетъ такъ, какъ ему пріятно. Онъ любитъ пріятное и не любитъ непріятнаго. „Добримъ называется тотъ, кто для полученія пріятнаго дѣлаеть другимъ пріятное; золь—тотъ, кто извлекаеть себѣ пріятности изъ непріятности другимъ“. Добро по существу есть польза, и если между ними есть какая нибудь разница, то она сводится къ тому, что добро имѣеть „черту постоянства и прочности, плодотворности и изобилія хорошими (?), долговременными и многочисленными результатами“. „Добро—это какъ-бы превосходная степень пользы; это-какъ будто очень полезная польза 1)“.

Вотъ сущность этическихъ взглядовъ Чернышевскаго.

Написанная языкомъ „интеллигентнаго простонародья“, по мѣткому выраженію А. Волынскаго, статья Чернышевскаго имѣла, какъ мы уже сказали, шумный успѣхъ въ обществѣ. Чернышевскій смѣло излагалъ предъ читателемъ свои мысли, нисколько не думая объ ихъ обоснованіи: онъ не ожидалъ встрѣтить такихъ противниковъ, которые-бы открыто рѣшились выступить съ критикой его воззрѣній. Авторитетъ талантливаго передоваго публициста былъ признанъ за Чернышевскимъ всѣмъ т. наз. передовымъ обществомъ, единодушно. Ожидать выступленій со стороны т. сказ. оффиціальныхъ представителей русской философской мысли было невозможно, такъ какъ эта мысль въ Россіи тогда находилась въ крайнемъ упадкѣ. Въ 1850 г. по Высочайшему повелѣнію, какъ извѣстно, философскія кафедры въ университетахъ были закрыты въ виду „предосудительнаго развитія этой науки германскими учеными (лѣвыми гегельянами)“.

Но Чернышевскій ошибся въ своихъ расчетахъ: онъ встрѣтилъ мужественнаго и честнаго противника, не менѣе его талантливаго, и несомнѣнно обладавшаго, гораздо большей философской эрудиціей. Въ качествѣ критика и ожесточеннаго противника философско-этическихъ взглядовъ Чернышевскаго выступилъ проф. П. Д. Юркевичъ.

Въ IV кн. „Трудовъ Кіевской дух. Академіи“ за 1860 г. появился обширный критико-философскій трактатъ подъ заглавіемъ: „Изъ науки о человѣческомъ духѣ“, направленный противъ Чернышевскаго. Авторомъ трактата былъ Юркевичъ, подписавшій полностью свое имя, тогда какъ „Антропологическій принципъ въ философіи“ не былъ подписанъ авторомъ, имя Чернышевскаго настолько хорошо было извѣстно читающему обществу, что онъ не считалъ нужнымъ даже подписывать своихъ статей.

Въ благородномъ тонѣ, съ большимъ талантомъ, помѣстамъ съ художественностью, П—ль Д—чь просто и убѣдительно доказываетъ полную несостоятельность всѣхъ философскихъ выводовъ Чернышевскаго и ихъ обоснованія. Разложивши на части основную мысль Чернышевскаго, проф. Юркевичъ терпѣливо и хладнокровно взвѣшиваетъ каждое его положеніе и вездѣ находитъ ошибки или противъ научнаго метода, или противъ общепризнанныхъ положеній философіи. П—ль Д—чь при этомъ не ограничивается чисто отвлеченною, логической критикой возрѣвнй Чернышевскаго, а указываетъ ему на крупныя ошибки и въ области естествознанія!

Начинаетъ свою статью Юркевичъ вступительными замѣчаніями о судьбахъ въ прошломъ и о настоящемъ состояніи „Науки о человѣческомъ духѣ“. Онъ прежде всего ставитъ вопросъ: „Возможна-ли такая наука, и существуетъ-ли она?“ и отвѣчаетъ, что „въ историческомъ ходѣ своего развитія“ „Наука о человѣческомъ духѣ“ представляетъ не-обозримое поле противорѣчивыхъ теорій, неосновательныхъ гипотезъ и произвольныхъ мнѣній о существѣ человѣческаго духа, его силахъ, свойствахъ и способѣ его развитія, мнѣній, которыя мѣнялись съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, зависѣли отъ характера народовъ и лицъ, развивавшихъ ихъ“. Причина этого заключается въ свойствахъ самаго предмета психологіи—духа человѣческаго, который не представляется въ такой удобной и доступной формѣ для изученія, какъ, напр., предметы физическаго міра. Въ прошломъ этой наукѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе то обстоятельство, что она доселѣ какъ начала, такъ и метода своего изслѣдованія постоянно заимствовала у другихъ наукъ. Долго психологія построилась на идеяхъ и на-

чалахъ метафизическихъ, и въ этомъ случаѣ ея достоинство опредѣлялось достоинствомъ этихъ метафизическихъ идей и началъ. Была психологія—материалистическая, бывала—и идеалистическая.

Полезной для психологіи была ея связь съ идеализмомъ, который признавалъ въ противоположность материализму полное научное значеніе за внутреннимъ опытомъ. Здѣсь психологія могла получить отчасти и самостоятельное развитіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ независимое отъ метафизической мысли о мірѣ. Но идеализмъ мало интересовался *частными* законами и формами психической жизни. Его больше интересовалъ общій вопросъ о томъ, какимъ образомъ изъ общей идеи міра вытекаетъ разумность и необходимость тѣхъ явленій, совокупность которыхъ называется душевной жизнью, и какъ относятся эти явленія къ общему смыслу, или идеальному содержанию міра явленій. Такая постановка психологіи навсегда сохранитъ особенное достоинство для мыслящаго человѣческаго духа. Но отсюда не слѣдуетъ, что психологія не должна быть разрабатываема и какъ частная и эмпирическая наука. Прежде всего необходимо изучать *феноменальные законы* и формы душевной жизни; необходимо изучать психическія явленія въ ихъ *фактической необходимости*.

Проф. Юркевичъ привѣтствуетъ появленіе въ его время эмпирической психологіи, которая получаетъ такое быстрое развитіе, такъ обогащается наблюденіями фактовъ психической жизни и ихъ законосообразныхъ сочетаній, что все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ значеніе опытной науки. Здѣсь находитъ себѣ примѣненіе тотъ-же индуктивный методъ изслѣдованія, который приноситъ такіе богатые плоды въ области естествознанія. Но онъ считаетъ необходимымъ предупредить работниковъ эмпирической психологіи о грозящихъ имъ опасностяхъ. Самая главная и самая общая опасность состоитъ въ томъ, что здѣсь можно безъ должной осторожности примѣнить основное правило индуктивнаго метода: „одинаковыя измѣненія указываютъ на одинаковыя причины“. Душевная жизнь въ своихъ явленіяхъ представляетъ величину столь измѣнчивую, столь текучую, что почти нельзя указать въ ней двухъ моментовъ, совершенно сходныхъ. Кто докажетъ, говоритъ П—ль Д—тъ, что здѣсь

можно встрѣтить одинаковыя измѣненія, что въ разныя времена духъ можетъ переживать одинаковыя состоянія? Кто докажетъ, что извѣстныя причины, вызывающія такія-то чувства и стремленія въ одномъ лицѣ необходимо вызовутъ тѣ-же явленія и въ другомъ? Начало индивидуальное здѣсь такъ развито, что почти всегда душевнымъ явленіямъ даетъ особенное направленіе, неизяснимое изъ *общихъ* законовъ психической жизни. Вотъ почему великіе поэты, изображая индивидуальную жизнь своихъ героевъ, оказывались великими и глубокими психологами, а великіе философы, ставившіе себѣ цѣли—опредѣлить общіе законы психической жизни, часто строили только произвольныя и недолговѣчныя гипотезы“.

Не, всѣ однако ученые понимаютъ задачу эмпирической психологіи въ томъ видѣ, какъ это представляется проф. Юркевичу. На основаніи того общеизвѣстнаго факта, что психическія явленія происходятъ въ тѣлесномъ организмѣ, что условія для ихъ возникновенія и измѣненія даны въ физиологическихъ процессахъ организма,—нѣкоторые ученые видятъ въ психическихъ явленіяхъ проявленія *органической* жизни, только болѣе тонкія и развитыя. „И въ нашей русской литературѣ, пишетъ проф. Юркевичъ,—въ самое последнее время появились статьи этого направленія. Если мы не можемъ идти впередъ, то мы не хотимъ и отставать, и все, что интересуетъ ученыхъ въ Германіи, и въ нашихъ ученыхъ легко находятъ себѣ сочувствіе, которое уже само по себѣ много говоритъ въ пользу двигателей науки и образованія въ нашемъ отечествѣ“. Къ разряду такихъ статей П. д-ръ Д. ть относитъ и „Антропологическій принципъ въ философіи“ и т. д. Проф. Юркевичъ хочетъ разобраться въ этой статьѣ съ точки зрѣнія, ея интереса для богословія. „Богословскія науки, говоритъ онъ, особенно нуждаются въ точныхъ психологическихъ наблюденіяхъ и вѣрныхъ теоріяхъ психической жизни. Поэтому современный философскій реализмъ есть явленіе, мимо котораго не можетъ пройти богословъ равнодушно; онъ долженъ изучать эту философію опыта, если желаетъ успѣха своему собственному дѣлу“.

Далѣе изъ обширнаго и весьма интереснаго трактата проф. Юркевича мы приведемъ только тѣ мѣста, которыя

прямо отвѣчаютъ на основныя утвержденія статьи Н. Г. Чернышевскаго.

„Авторъ (т. е. Чернышевскій), пишетъ проф. Юркевичъ,—думаетъ объяснить успѣхи нравственныхъ наукъ указаніемъ на то, что естествознаніе будто доставляетъ имъ „много матеріала“... Это справедливо подъ опредѣленными условіями. Психологія, напр., не можетъ получать своего матеріала ни откуда, кромѣ *внутренняго* опыта: психическія переживанія—представленія, ощущенія, чувствованія, и стремленія, суть такой матеріаль, который не можетъ быть найденъ ни въ какомъ внѣшнемъ опытѣ и, слѣдов., ни въ одной области естествознанія. Правда, психологія не можетъ рѣшать своей задачи *безъ пособія* фізіологіи и даже механической фізики, потому что условія измѣненій въ психическихъ явленіяхъ прежде всего лежатъ въ измѣненіяхъ живого тѣла... Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ имѣетъ свой собственный матеріаль и увеличиваетъ его изъ собственной области. Предметъ психологіи данъ во внутреннемъ опытѣ, и естествознаніе не можетъ дать ей этого предмета или *увеличить* ея матеріаль. Такъ, оптика, развитая математически, объясняетъ только положеніе рисунка въ нашемъ глазѣ, но она ничего не знаетъ о самомъ видѣніи. Точно также для акустики—ухо есть только снарядъ, проходящій въ правильныя сотрясенія подъ вліяніемъ ударовъ волнъ воздуха; но она ничего не знаетъ о томъ, что подъ вліяніемъ однихъ ударовъ душа слышитъ музыкальную мелодію, подъ вліяніемъ другихъ—бой барабана, шумъ, свистъ и т. д.“. Авторъ статей упустилъ изъ виду это различіе, почему и говоритъ о полученіи психологіей своего матеріала отъ естествознанія.

Далѣе „авторъ статей, продолжаетъ П—ль Д—чь, ~~но~~ относитъ психическія явленія въ область фізіологіи: ощущение, по его мнѣнію, есть такой-же процессъ, какъ дыханіе, питаніе, кровообращеніе. Кто не бывалъ въ анатомическомъ театрѣ, тотъ, на основаніи этихъ словъ, можетъ вообразить, что тамъ профессоръ анатоміи простому или вооруженному глазу слушателей показываетъ систему пищеварительныхъ органовъ, кишекъ, нервовъ и *систему* ощущеній, слѣдов., систему представлений и мыслей, страданій и радостей, мечтаній и надеждъ. По мнѣнію автора статей, ощущеніе такъ-

же дано для *внѣшняго* наблюденія, какъ сжатіе и растяженіе мускуловъ, движеніе крови, химическая переработка пищи въ желудкѣ и т. д. Это—основное заблужденіе тѣхъ фізіологовъ, которые въ послѣднее время мечтаютъ замѣнить психологію фізіологіей“. Послѣ этого для П—ла Д—ча становится понятнымъ основное утвержденіе Чернышевскаго о „единствѣ человѣческаго организма“, къ критическому обсужденію котораго Юркевичъ дальше и переходитъ.

„Особенный интересъ, говоритъ проф. Юркевичъ,—имѣетъ основная мысль автора статей о томъ, что основнымъ принципомъ философіи является идея *единства* человѣческаго организма, устраняющая всякую мысль о дуализмѣ въ немъ, потому что она отдѣляетъ научное знаніе о чловкѣ отъ представленій общаго смысла.—Когда Платонъ училъ, что тѣло человѣческое создано изъ вѣчной матеріи, которая не имѣетъ ничего общаго съ духомъ, то онъ допускалъ дуализмъ *метафизическій* какъ въ составѣ міра, такъ и въ составѣ чловка. Христіанство устранило этотъ метафизическій дуализмъ, признавши матерію произведеніемъ духа. Матерія должна носить на себѣ слѣды духовнаго начала, изъ котораго она произошла; въ явленіяхъ матеріальныхъ мы наблюдаемъ форму, законсообразность, цѣль и идею. Если развитіе и совершенствованіе человѣческаго духа тѣснѣйшимъ образомъ связано съ его матеріальнымъ тѣломъ, то эта связь не есть насильственная, положенная безпредѣльнымъ произволомъ божественной воли; она опредѣляется смысломъ, чловческой жизни, ея назначеніемъ, или идеей. По словамъ Шеллинга, матерія не равнодушна къ цѣлямъ духа, она имѣетъ первоначальное и внутреннее отношеніе къ нимъ.... Кромѣ устраненнаго дуализма метафизическаго, возможенъ еще дуализмъ, *гносеологическій*, дуализмъ познанія, и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, дуализмъ не устранимъ. Сколько-бы мы ни утверждали единство чловческаго организма, неловческое существо всегда будетъ познаваться *двоюко*: въ опытѣ внѣшнемъ—его тѣло и органы, въ опытѣ внутреннемъ—психическія переживанія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть фізіологическое знаніе о чловкѣ, во второмъ—психологическое. Авторъ по видимому отрицаетъ и этотъ дуализмъ: мы видѣли, какъ онъ наравнѣ съ системой мускуловъ, кишекъ, нервовъ от-

носить къ области физиологіи и ощущенія... Кто утверждаетъ, что *движеніе* зрительнаго или слухового нерва *есть уже ощущеніе*, тотъ не говоритъ ни одного яснаго слова. Попробуйте провести въ мышленіи и построить въ возрѣннй планъ, по которому *пространственное движеніе*, которое, казалось-бы, при всѣхъ своихъ усложненіяхъ, должно было-бы до конца оставаться пространственнымъ движеніемъ, -- превращается въ *непространственное ощущеніе или желаніе*. Что сказали-бы о васъ, если-бы вы превратили *отношеніе* *необходимой связи* температуры съ объемомъ тѣла въ *отношеніе тождества* и стали утверждать, что *температура тѣла превращается въ объемъ тѣла*, что объемъ тѣла есть ничто иное, какъ его температура. Если-бы насъ спросили, *какимъ образомъ* температура тѣла *начинаетъ быть* его объемомъ, намъ пришлось бы отвѣтить, что она *никакъ* не начинаетъ быть объемомъ: по необходимому физическому закону температура *производитъ* перемѣны въ тѣлѣ, которое безъ объема не мыслимо. Точно такъ мы должны отвѣтить на такой вопросъ и относительно психологіи... Когда отвѣчаютъ наоборотъ, то забываютъ того, *дѣятеля*, которому принадлежитъ эта чудная *превращающая* сила производить въ себѣ ощущеніе *по поводу* движенія нерва. Само движеніе не имѣетъ въ себѣ ни возможности, ни потребности быть чѣмъ либо другимъ, кромѣ движенія“.

„Особенный интересъ имѣетъ гносеологическая теорія автора статей, такъ какъ она-то, по-видимому, и служитъ основаніемъ ученія о всецѣлой матеріальности человѣческаго существа. Основное положеніе этой теоріи можетъ быть формулировано такъ: если нѣтъ слѣдствія, то нѣтъ и основанія. Явленіемъ для автора называется только то, что доступно для *внѣшняго* опыта... Странно то, что авторъ не понимаетъ тѣхъ ученыхъ авторитетовъ, которымъ хочетъ слѣдовать. Эти ученые вовсе не отрицаютъ фактовъ *внутренняго* опыта, они стараются доказать, что эти *явленія, феномены*, только какъ таковые, имѣютъ характеръ *душевныхъ* явленій, въ своей же сущности они суть, *отдаленное развитіе матеріальнаго начала*. Такой ходъ мысли имѣетъ по крайней мѣрѣ формальную, правильность. У нашего-же автора не достаетъ и такой правильности... Своей гносеологической теоріи авторъ придаетъ такую формулировку, кото-

рую нельзя понять по началамъ обыкновенной логики. Вотъ эта формула: „А тѣсно связано съ X; А есть В; изъ этого слѣдуетъ, что X не можетъ быть ни С, ни Д, ни Е“. Попробуйте сдѣлать по этой формулѣ выводы, кто можетъ! А тѣсно связано съ X, съ тѣмъ, о чемъ я ничего не знаю, съ неизвѣстнымъ, съ тѣмъ, что, слѣдов., поставлать съ А въ какую-бы то ни было связь было-бы нелѣпо, потому что это значило-бы, что X есть нѣчто извѣстное и знакомое отчасти, а иначе само А, какъ субъектъ, имѣющій предикатомъ нѣчто неизвѣстное, потеряло-бы всякій смыслъ. Но если-бы даже допустить эту большую посылку, о которой логика ничего не знаетъ отъ Аристотеля до Гегеля,—все же изъ ея связи съ второй посылкой, которая говоритъ, что А есть В, не слѣдуетъ, что X, съ которымъ тѣсно связано А, которое есть В,—не можетъ быть ни С, ни Д, ни Е, и такъ до бесконечности. И съ такой логикой авторъ взялся рѣшать вопросы величайшей важности!

„На ряду съ явленіями матеріальными въ человѣкѣ замѣчаются явленія такъ называемыя нравственнаго порядка, говоритъ авторъ статей. Не противорѣчитъ-ли это единству природы? Естествознание отвѣчаетъ, что нѣтъ предмета, который не имѣлъ-бы *многихъ* качествъ... Логическое разстояніе отъ одного изъ нихъ къ другому, по мнѣнію автора статей,—безмѣрно велико, или, лучше сказать, нѣтъ между ними никакого логическаго разстоянія“...

Но „кто утверждаетъ, что между различными качествами предмета нѣтъ *никакого логическаго разстоянія*, тотъ не имѣетъ права объяснять происхождение одного изъ другого, происхождение, напр., ощущенія изъ дѣятельности нерва. Природа должна предстать взору такого наблюдателя, какъ *mysterium magnum* мистиковъ, гдѣ нѣтъ ни причины, ни дѣйствія, ни основанія, ни слѣдствія, ни предыдущаго, ни послѣдующаго, ни сходнаго, ни различнаго, ни единства, ни множества“...

Какъ-бы предчувствуя такое возраженіе, Чернышевскій допускалъ между явленіями и связь. Такая связь обусловливается различнымъ количествомъ. „различіе количественное переходитъ въ различіе качественное“. „Легко сказать, замѣчаетъ на это допущеніе П—ль Д—ть,—количественное различіе переходитъ въ качествен-

ное, какъ будто количество имѣеть *само въ себѣ* возможность и потребность превращаться въ качество... Природа не обладаетъ такой волшебной силой, чтобы превращать количества въ качества. Все дѣло, по Канту, *въ зритель*, который принимаетъ явленія въ формы, ему одному свойственныя. Явленіе потому и есть явленіе, что оно—продуктъ *сложный*: именно его факторы даны, съ одной стороны, въ предметѣ наблюдаемомъ, съ другой—въ формахъ возрѣнія и представленія наблюдающаго духа. Но слѣдуетъ обратить вниманіе еще и на слѣдующее. Понятно, что наши пять чувствъ вовсе не являются такимъ *безусловнымъ откровеніемъ*, которое давало-бы намъ знать *обо всемъ*, что можетъ только совершаться въ мірѣ. Поэтому многія явленія природы и кажутся намъ *безсвязными*. Но для правильной оцѣнки силъ и средствъ нашего духа нужно сдѣлать и обратное предположеніе. Очень возможно, что мы обладаемъ и такими органами познанія, о которыхъ мы ничего не знаемъ, потому что внѣшній міръ не умѣеть или не можетъ разбудить эти органы къ соотвѣтствующей дѣятельности. Въ обоихъ случаяхъ необходимо принимать во вниманіе при изъясненіи міра явленій ощущающій, представляющій и познающій духъ, какъ одно изъ *первоначальныхъ* условій того, почему вещи являются намъ такими, а не другими.

Торжество естествознанія состоитъ въ томъ, что оно изъ *началъ логическихъ* по даннымъ явленіямъ въ предметѣ опредѣляетъ его будущія состоянія и измѣненія. Это знаніе будущаго было-бы невозможно, если бы въ предметѣ не было *логическаго* перехода отъ одного изъ его состояній къ другому. Бездна, которая отдѣляетъ въ предметѣ одно качество отъ другого лежитъ не въ самомъ предметѣ, а въ насъ, въ степени совершенства орудій нашего чувственнаго возрѣнія. Природа вообще имѣеть логику, какъ имѣеть ее и духъ, и именно въ явленіяхъ природы открывается *умъ математическій*. Богъ создалъ все мѣрою, числомъ и вѣсомъ. Съ этой стороны природа и изслѣдуется естественными науками. Но чтобы понять міръ въ его *полнотѣ и глубочайшей истинѣ*, должно взять въ расчетъ еще и *умъ самосознанный*, который открывается уже не въ матеріи, а въ духѣ. Если вообще духъ переводитъ явленія природы на свой собственный языкъ, то съ другой стороны *умъ самосознанный* выпра-

вляеть и истолковываетъ чувственныя воззрѣнія сообразно со своими метафизическими предположеніями о существѣ міра явленій. Кажущимся перерывамъ и пробѣламъ въ развитіи явленій природы онъ противопоставляетъ *начало непрерывнаго развитія*, и, только благодаря этому, мы можемъ подчинять внѣшнія явленія законамъ математическимъ. Неспокійный и неудержимый потокъ явленій нашъ разумъ задерживаетъ и смыкаетъ невоззрительными понятіями субстанции, вещи, причины, основанія и т. п. Такъ мы получаемъ *философское* понятіе о мірѣ, которое будетъ отлично отъ понятія наукъ естественныхъ. Если нѣкоторые философы говорили, что человѣческій духъ есть *смыслъ* природы, то это предположеніе не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго общеизвѣстнымъ опытамъ. На этомъ положеніи во всѣ времена стояла философія, и вотъ почему она не чувствовала нужды праздно повторять то, что и безъ нея знаютъ медицина, фізіологія, химія, какъ думаетъ авторъ статей“¹⁾).

Ученіе матеріализма о практической, или нравственной дѣятельности человѣка нашло себѣ въ трактатѣ проф. Юркевича такой-же глубокой и мѣткой критической разборъ, какъ и ученіе о теоретической его дѣятельности.

„Авторъ статей, пишетъ проф. Юркевичъ далѣе,—утверждаетъ, что *вообще* человѣкъ, ни добръ, ни золъ, о немъ нельзя сказать, *каковъ онъ вообще*, и только обстоятельства, словно творческія силы, дѣлаютъ изъ этого *нравственнаго ничто*—нѣчто: Когда мы доброе одобряемъ или злое порицаемъ, то, по мнѣнію автора, мы поступаемъ *несправедливо*. Между тѣмъ, нравственная область открывается именно тѣмъ фактомъ, что нѣкоторые поступки человѣка мы одобряемъ, а другіе порицаемъ. Этотъ фактъ тѣмъ замѣчательнѣе, что человѣкъ *самъ себя* одобряетъ или порицаетъ, т. е. имѣетъ, какъ говорятъ, *совѣсть*. Даже когда человѣкъ убѣждается, что его поступки обусловлены необходимыми причинами, онъ не перестаетъ *вмѣнять* ихъ себѣ. Онъ сознаетъ, что другой на его мѣстѣ поступилъ-бы *не такъ*, повелъ бы себя *иначе*, т. е. онъ сравниваетъ себя съ другимъ, требуетъ отъ своего поступка *общечеловѣческаго достоинства*...“

Авторъ статей далѣе опредѣлилъ добро, какъ пріятное...“

См. Тр. Киевск. Д. Акад. за 1880 г., кн. 4, стр. 370—376; 410—418.

не для одного, но для *всѣхъ*, и зло, какъ пріятное для одного, но не пріятное для другихъ.

Юркевичъ на это отвѣчаетъ: „въ человѣческой жизни можно указать множество примѣровъ, во всей точности соотвѣтствующихъ этому опредѣленію автора и однако не имѣющихъ *нравственнаго* достоинства. Когда, напр., я покупаю ветчину, вино, табакъ, нанимаю повара, слугу,—дѣйствительно „для полученія пріятнаго себѣ“ я „долженъ дѣлать пріятное другимъ“. Однако кто же станетъ вмѣнять мнѣ все это въ *личную заслугу*, въ добродѣтель?! Между тѣмъ, то-же самое правило, которое приводитъ авторъ статей, если подвергнуть его анализу, *легко* приведетъ насъ къ понятію о добромъ поступкѣ, какъ *личной* заслугѣ чловѣка. Всѣ люди находятъ нравственную цѣнность только въ тѣхъ поступкахъ, которыми чловѣкъ не только доставляетъ удовольствіе другимъ, но и *хотѣлъ*, имѣлъ *намѣреніе* доставить это удовольствіе. Свободное и охотное подчиненіе себя чловѣкомъ въ своей жизнедѣятельности идеѣ справедливости, долга,—вотъ что сообщаетъ нравственное достоинство нашимъ поступкамъ“.

Авторъ статей выдаетъ далѣе за аксіому, что чловѣкъ любить пріятное и не любитъ непріятнаго.

„Мы, пишетъ П—ль Д—чь,—охотно соглашаемся съ нимъ: въ этомъ случаѣ—*случай сыновъ чловѣческихъ и случай скотскій, случай одинъ есть* (Эккл. III, 19). Но чловѣкъ еще оцѣниваетъ и *тѣ способы, тѣ манеры, тѣ правила*, какими онъ достигаетъ пріятнаго и избѣгаетъ непріятнаго; животное не занимается этимъ знаніемъ о себѣ. Эта чловѣческая *критика* желаній воли сразу переноситъ чловѣка въ область нравственнаго: онъ различаетъ *добрые* и *злые* поступки въ дѣятельности своей и чужой, какъ различаетъ *истину* и *ложь* въ познаніи“.

Наконецъ, по мнѣнію автора статей, добро, являющееся пріятнымъ для меня, есть, съ другой стороны, *польза*.

Въ этомъ мнѣніи, продолжаетъ проф. Юркевичъ,—выражается плохо понятое ученіе философіи о томъ, что нравственно-совершенная дѣятельность чловѣка есть необходимое условіе *для счастья, для блага* его, какъ разумнаго существа. Чловѣкъ имѣетъ разумный духъ, который такъ-же требуетъ своего удовлетворенія, какъ и желудокъ. Этого

стремленія, всякаго желанія долженъ ожидать не отъ своей природы, а отъ милости внѣшнихъ обстоятельствъ; похвальные пѣсни высокому уму и благородному сердцу животныхъ; наконецъ, отрицаніе въ человѣкѣ всякой моральной природы, даже и такой, какую сочинитель приписываетъ животнымъ,—всѣ эти предположенія и положенія далеко не обозначаютъ современнаго состоянія психологіи“¹⁾...

Критическая статья проф. Юркевича, напечатанная въ провинціальномъ спеціально-богословскомъ малораспространенномъ журналѣ (1860-й г. былъ *первымъ годомъ* изданія Трудовъ Кіевской дух. Академіи),—вѣроятно, навсегда осталась-бы неизвѣстною русскому обществу, если бы М. Н. Катковъ не вынесъ ее на широкое поле тогдашней русской журналистики.

Радикализмъ социальныхъ взглядовъ Чернышевскаго и его кружка, постоянныя грубыя нападки на либеральную русскую партію, упреки по ея адресу въ обскурантизмъ и отсталости,—все это мало-по-малу создало крайнее неудовольствіе противъ Чернышевскаго среди той части русскихъ либераловъ, которая во главѣ съ Катковымъ постепенно стала склоняться на сторону консерватизма. Выжидался только благопріятный случай для похода противъ публицистовъ „Современника“. Случай представился въ видѣ появленія трактата Юркевича, и этимъ случаемъ рѣшилъ воспользоваться Катковъ, бывший (въ 50-хъ г.г.) профессоръ Московскаго университета, съ 1851 г. редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и издатель журнала „Русскій Вѣстникъ“, извѣстный уже обществу, какъ талантливый и образованный публицистъ. Еще недавно сотрудничавшій въ либеральныхъ „Отечественныхъ Запискахъ“ и помѣщавшій свои статьи рядомъ съ знаменитыми „Письмами объ изученіи природы“ А. И. Герцена, въ это время уже не находившаго себѣ мѣста въ Россіи за свои крайнія социально-политическія воззрѣнія и эмигрировавшій за границу,—Катковъ, склонившійся къ концу 50-хъ г.г. въ сторону консерватизма, внимательно собиралъ все, что могло послужить въ рѣшительную минуту орудіемъ для борьбы съ радикализмомъ. Трактатъ Юркевича, ярко изобличавшій всю философскую несо-

¹⁾ Т. К. д. А. за 1860 г., кн. 4, стр. 508—509.

стоятельность „русскихъ нигилистовъ“, являлся лучшимъ средствомъ, чтобы поколебать престижъ кружка Чернышевскаго сперва въ научно-философской области, а потомъ, главное, и въ области социальнo-политической¹⁾. Катковъ разсчиталъ это очень хорошо. И вотъ въ апрѣльской и майской кн. „Русскаго Вѣстника“ за 1861 г. онъ предлагаетъ своимъ читателямъ обширную перепечатку изъ статьи Юркевича, снабдивши ее своимъ предисловіемъ. Здѣсь Катковъ рекомендуетъ статью Юркевича, какъ принадлежащую по достоинству своего содержанія къ *лучшему*, что когда либо было написано у насъ по философіи. „Въ лицѣ Юркевича, писалъ Катковъ,—мы привѣтствуемъ появленіе въ нашей литературѣ мыслителя съ истиннымъ призваніемъ, самостоятельнаго и вполне знакомаго съ задачами и способами своей науки... Намъ особенно пріятно то, что онъ въ полной мѣрѣ цѣнитъ требованія научнаго метода относительно тѣхъ предметовъ, которые принадлежатъ къ философскому вѣдѣнію. До сихъ поръ къ философскому вѣдѣнію относились главнымъ образомъ тѣ системы, которыя были порождены творчествомъ мысли; философія была поэзіей, діалектикой, только теперь соглашается она быть наукой въ самомъ скромномъ и истинномъ смыслѣ этого слова?“... Въ своей критикѣ авторъ обнаруживаетъ очень тонкій тактъ. Онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ постороннимъ топикамъ; онъ не вводитъ никакихъ обвиненій; онъ беретъ мысль и судитъ ее по законамъ мысли; разбирая теорію, онъ имѣетъ въ виду только опредѣлить; объясняетъ-ли она то, что обѣщаетъ объяснить? Съ благородной деликатностью онъ тщательно устраняетъ и предупреждаетъ все, что могло-бы быть истолковано къ невыгодѣ разбираемыхъ статей съ какой либо точки зрѣнія, кромѣ чисто научной. Такого рода труды, какъ г. Юркевича, большая рѣдкость въ нашей литературѣ“²⁾. За этимъ предисловіемъ, вѣрно оцѣнивающимъ достоинства трактата Юркевича и его полемико-критическія приемы и обнаруживающимъ въ Катковѣ тонкаго цѣнителя и знатока.

¹⁾ Характеристику М. Н. Каткова см. въ кн. А. Водынскаго, „Русскіе критики, СПб., 1896 г., стр. 292—297.

²⁾ Русск. Вѣстн. за 1861 г., апр., отд. „Литерат. обзорн. и замѣтки“, стр. 79.

³⁾ Тамъ-же стр. 87.

философіи,—слѣдуетъ обширная, болѣе чѣмъ на 48 стр. убористаго шрифта, буквальная перепечатка важнѣйшихъ мѣстъ „Изъ науки о человѣческомъ духѣ“.

Оканчиваетъ свою „замѣтку“ Катковъ слѣдующимъ пожеланіемъ: „въ заключеніе выскажемъ желаніе, чтобы Юркевичъ почаще являлся въ литературѣ, и чтобы преподавательская его дѣятельность приняла еще большіе размѣры, на что, впрочемъ, мы имѣемъ уже нѣкоторое основаніе надѣяться“¹⁾.

Погребенная, было, на страницахъ неизвѣстнаго широкой публикѣ кіевскаго богословскаго журнала, статья Юркевича вдругъ неожиданно возродилась въ распространенномъ московскомъ журналѣ. Авторитетъ Чернышевскаго готовъ былъ поколебаться, положеніе его передъ обществомъ стало щекотливымъ. Необходимо было отвѣчать и Юркевичу, и Каткову. Необходимо было оправдать себя передъ обществомъ въ такой формѣ, которая-бы ошеломила всѣхъ и снова подчинила авторитету Чернышевскаго. „Юркевичъ, приподнятый на видимую для всѣхъ высоту Катковымъ, хорошо говорить г. Волинскій,—не просто какой-то захолустный профессоръ, котораго можно запрятать, задушить въ томъ фельетонномъ застѣнкѣ, въ которомъ смѣлые публицисты сгубили для Россіи не одну громкую, даже европейскую репутацію... Надо отвѣтить такъ, чтобы дрогнули всѣ журналисты. Уже не свистомъ, а рѣзкимъ презрительнымъ ударомъ надо низвести этого ученаго семинариста до нуля, совершенно выбросивъ изъ спора опасный вопросъ о философіи и затѣмъ только вступивъ въ обычную азартную борьбу съ противниками на журнально-публицистической почвѣ, въ области настоящей своей компетенціи. Пусть наивные люди ждуть философскихъ возраженій—они не дождутся. Они не понимаютъ журнальной стратегіи. Они не настоящіе бойцы за прогрессъ“²⁾...

Чернышевскій отвѣтилъ обоимъ своимъ противникамъ заразъ въ статьѣ „Полемическія красоты“³⁾. Статья эта написана въ двухъ настроеніяхъ и обнаруживаетъ въ Чернышевскомъ смущеніе. Онъ дѣлаетъ фальшивый шагъ по отно-

¹⁾ Тамъ-же стр. 59.

²⁾ А. Волинскій „Русскіе критики“, стр. 296—297.

³⁾ Современ. за 1861 г., іюнь.

шенію къ Каткову, не понявши, при всей своей публицистической опытности, его истинныхъ намѣреній, и небывало грубую безтактность въ отношеніи проф. Юркевича. Чернышевскій не понялъ, что для Каткова философія все же дѣло второстепенное, поводъ, и что ему въ сущности мало дѣла до Юркевича. Пустившись въ воспоминанія о прошломъ Каткова, Чернышевскій высказываетъ надежду, что наступитъ время, когда они снова будутъ работать заодно съ нимъ. Но отвѣтъ проф. Юркевичу имѣетъ характеръ непримѣрнаго публицистическаго цинизма и высокомерія. Чернышевскій откровенно заявляетъ въ своемъ отвѣтѣ, что онъ „не читалъ статьи Юркевича и никогда не прочтетъ ее, не прочтетъ ее даже въ извлеченіи „Русскаго Вѣстника“. Онъ напередъ знаетъ, что въ ней найдетъ все напередъ ему извѣстное до послѣдняго слова, многое изъ чего онъ помнитъ наизусть. Чернышевскій предлагаетъ доставить въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ свои семинарскія „задачи“, писанныя имъ въ саратовской семинаріи на заданныя темы. Редакція удостовѣрится, что въ этихъ „задачахъ“ содержится то же самое, что написано проф. Юркевичемъ. „Я, пишетъ Чернышевскій,—самъ семинаристъ. Я знаю по опыту положеніе людей, воспитывающихся, какъ воспитывался г. Юркевичъ: Я видѣлъ людей, занимающихъ такое положеніе, какъ онъ. Потому смѣяться надъ нимъ мнѣ тяжело; это значило бы смѣяться надъ невозможностью имѣть въ рукахъ порядочныя книги; надъ совершенною безпомощностью въ дѣлѣ своего развитія; надъ положеніемъ, невообразимо тяжелымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Я не знаю, какихъ лѣтъ г. Юркевичъ; если онъ уже не молодой человекъ,—заботиться о немъ поздно. Но если онъ еще молодъ, я съ удовольствіемъ предлагаю ему тотъ небольшой запасъ книгъ, какимъ самъ располагаю“.

Въ такомъ тонѣ написанъ весь отвѣтъ Чернышевскаго. Напрасно мы искали бы здѣсь какихъ либо доказательствъ неправоты во взглядахъ Юркевича на тѣ вопросы, которые были имъ затронуты въ его критической статьѣ.

Катковъ отвѣчалъ на „Полемическія красоты“ Чернышевскаго и, воспользовавшись его смущеніемъ, саркастически вышутилъ его. „Намъ, очень прискорбно, отвѣчаетъ Катковъ,—что „Полемическія красоты“ нашего журнала такъ

сильно подѣйствовали на г. Чернышевскаго. Рѣдко намъ приходилось видѣть такую игру аффектовъ, какую возбудила въ г. Чернышевскомъ статья г. Юркевича, изъ которой извлечение мы помѣстили въ нашемъ журналѣ. Эти аффекты отзываются тѣмъ болѣзненнымъ, что г. Чернышевскій употребляетъ неимовѣрныя усилія скрыть ихъ отъ публики... Онъ растерялся до того, что торопливо хватается за все, чѣмъ бы прикрыть свои язвы, но только пуще обнажаетъ ихъ. Ничего не можетъ быть удивительнѣе его выходки противъ г. Юркевича. Вотъ еще исповѣдь, да какая болѣзненная! Вотъ это необыкновенное мѣсто“!.. 1). Слѣдуетъ выписка изъ статьи Чернышевскаго о томъ, что онъ не читалъ и никогда не прочтетъ критики Юркевича... „Такъ г. Чернышевскій, продолжаетъ Катковъ,—не читалъ критики на статью „Антропологическій принципъ въ философіи“? Жаль! Неужели онъ такъ таки и не прочтетъ ее? Но почему же? Что за предубѣжденіе? Г. Юркевичъ преподаетъ философію въ Кіевской академіи,—это правда. Вѣроятно и то, что онъ обучался первоначально въ семинаріи, можетъ быть, въ Кіевской семинаріи. Но что же изъ этого слѣдуетъ? То ли, что Кіевская семинарія—не Саратовская, а Саратовская не Кіевская? Положимъ, что обученіе въ семинаріяхъ—крайне плохо и идетъ по ложной дорогѣ, допустимъ это, не требуя въ доказательство тетрадокъ г. Чернышевскаго, которыя онъ такъ любезно обѣщаетъ намъ выслать. Но не изъ Саратовской ли семинаріи вышелъ самъ г. Чернышевскій? Значитъ, и изъ Галилеи можетъ придти что нибудь хорошее, даже великое и достославное... А какъ же онъ то учился въ семинаріи? Если изъ Саратовской семинаріи вышелъ одинъ молодецъ, то почему же не выйти другому изъ пензенской, Тамбовской или Кіевской? Не прочитавъ, какъ же знать, въ чемъ—дѣло? Можетъ быть, критикъ осуждаетъ г. Чернышевскаго въ интересахъ его же собственныхъ мнѣній? г. Чернышевскій предлагаетъ ему свои книжки для пользованія; а, можетъ быть, критикъ уже прочиталъ воѣ эти книжки; можетъ быть, онъ именно и доказываетъ, что г. Чернышевскій плохо читалъ ихъ или читалъ болѣе духовно, нежели вещественно, что онъ компрометируетъ тѣ самые авторитеты, въ которые до того вѣруетъ, что не хочетъ

1) „Русск. Вѣстн.“ за 1861 г., іюнь, стр. 140. По поводу „Пolemическихъ красотъ“ въ „Современникѣ“.

и читать ничего, еже не отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ г. Юркевичъ не отрицаетъ того, во что такъ вѣрують г.г. Чернышевскій и Антоновичъ; но онъ, кромѣ этого, допускаетъ и еще кое что, чего эти господа не допускаютъ, не допускаютъ именно по чувству слѣплого культа, возбраняющаго употребленіе собственнаго мышленія. Г. Юркевичъ изобличаетъ именно эту слѣпоту поклоненія“... 1).

Въ такомъ саркастическомъ тонѣ написана вся статья Каткова, очень значительная по размѣрамъ.

Въ заключеніе Катковъ, какъ бы принимая примирительный тонъ Чернышевскаго, наставительно пишетъ: „г. Чернышевскій видитъ самъ, что полемика не всегда есть дѣло пріятное, что если по нѣкоторой склонности къ ухарству, по реминисценціямъ школы, намъ бываетъ сладостно, „щелкать“, „тузить“ и „втаптывать въ грязь“ другихъ, кого случится; то непріятно видѣть, какъ дѣлають то же самое другіе. Въ теоріи, впрочемъ, это довольно понятно, но практика требуетъ опытовъ... Мы ни мало не оскорбимся, если г. Чернышевскій или вообще его журналъ приметъ инициативу въ прекращеніи полемики, состоящей въ томъ, чтобы когонибудь и какънибудь уколоть или ущипнуть. Въ его статьѣ мы встрѣтили нѣсколько строкъ, какъ бы имѣющихъ примирительный характеръ“ 2).

Вслѣдъ за „Русскимъ Вѣстникомъ“ выступили противъ Чернышевскаго либеральныя „Отечественныя записки“. Исторія съ Юркевичемъ стала достояніемъ всей Россіи. Авторитетъ Каткова, талантливаго, дублициста, чловѣка, основательно образованнаго научно и философски, такъ сказать, открывшаго Юркевича и первымъ ставшаго на его сторону, оцѣнивашаго высоко и безпристрастно въ Юркевичѣ крупную философскую силу, — заставилъ всю печать съ порицаніемъ отозваться о грубой выходкѣ Чернышевскаго противъ Юркевича. „Отечественныя Записки“, слѣдуя примѣру „Русскаго Вѣстника“, въ июльской книжкѣ за 1861 г. въ отдѣлѣ „Русская литература“ также помѣщаютъ обширную выписку изъ трактата Юркевича съ общей оцѣнкой его философскихъ построеній. Г. Дудышкинъ, авторъ этой статьи, отзывается о Юркевичѣ съ такой же похвалой, какъ и Катковъ: „Черны-

1) Тамъ же, стр. 143—144.

2) Тамъ же стр. 157.

шевскій вступаетъ въ полемику съ „Отечественными Записками“ въ новой статьѣ подъ прежнимъ заглавіемъ—„Пolemическія красоты, собранныя изъ „Отеч. Зап.“, гдѣ унизи-тельно отзывается о всѣхъ главныхъ сотрудникахъ этого журнала 1). „Отечественныя Записки“ въ свою очередь отвѣ-чаютъ Чернышевскому въ лицѣ своихъ сотрудниковъ: Аль-бертини, извѣстнаго историка Бестужева-Рюмина и Громеки. Они указываютъ Чернышевскому на его крупныя ошибки въ различныхъ научныхъ областяхъ 2). Расчеты Каткова оправдались наилучшимъ образомъ. Съ его почина противъ Чернышевскаго выступаютъ и другіе вліятельные тогдашніе публицисты. Съ разныхъ сторонъ раздаются обличенія Чер-нышевскаго въ слабости уже не въ области только филосо-фіи, но и въ другихъ областяхъ. Число противниковъ Чер-нышевскаго увеличивается съ каждымъ днемъ. Они молчали до сихъ поръ, очевидно, изъ нерѣшительности передъ все-обще признаннымъ въ тогдашнемъ, считавшемъ себя пере-довымъ, обществѣ авторитетомъ Чернышевскаго. Самъ Ла-вровъ, статья котораго послужила нѣсколько отдаленнымъ поводомъ къ этой шумной полемикѣ, съ благородной пря-мотой убѣжденій выступилъ на защиту проф. Юркевича отъ нападокъ Чернышевскаго и прямо заявилъ, что онъ считаетъ Юркевича „самымъ сильнымъ современнымъ діалектикомъ“ 3).

Полемика Чернышевскаго съ „Отечеств. Записк.“ во-влекаетъ въ литературно-публицистическій споръ много но-выхъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ, которые единодушно порицаютъ Чернышевскаго за его выходку 4).

Изъ богословскихъ журналовъ въ этой полемикѣ при-няло участіе „Православное Обозрѣніе“ 5).

Въ обширной статьѣ „По поводу полемики изъ-за статьи г. Юркевича“, состоящей изъ 3-хъ частей, анонимный авторъ подводитъ итоги возгорѣвшейся полемики. Воздавая долж-ное „Современнику“ и Чернышевскому, онъ даетъ совер-

1) Современ. за 1861 г., авг.

2) Отечеств. Записки за 1861 г., авг.

3) Русское Слово за 1861 г., кн. VI. Ст. „Моимъ критикамъ“, с. 51.

4) Свѣточъ за 1861 г., кн. VIII; Домашн. Бесѣда за 1862 г., вып. 30—31; 33—35; Русск. Рѣчь за 1861 г., № 86; Библиот. для чтенія за 1862 г., кн. 5.

5) Православн. Обозрѣн. за 1861 г., сент.

шенно безпристрастную оцѣнку какъ матеріалистическаго міровоззрѣнія, такъ и столь шумныхъ споровъ изъ-за него.

„Бываютъ, пишетъ анонимный авторъ,—въ нашихъ журналахъ крѣпкія перебранки. Но нынѣшній годъ на это особенно счастливъ. Такой безцеремонной полемики, кажется, еще не бывало... Въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ журналахъ уже замѣтили г. Чернышевскому неприличіе его выходки. И наша редакція по этому случаю получила нѣсколько писемъ съ разныхъ сторонъ. Насъ просятъ, чтобы мы заявили свой голосъ въ полемикѣ противъ г. Чернышевскаго. Отзывъ его о семинаристахъ оскорбилъ и возмутилъ многихъ. Разбирать личныя оскорбленія мы, пожалуй, не сочли-бы нужнымъ и обязательнымъ для себя... Но выходка г. Чернышевскаго наводитъ мысль на нѣкоторые общіе вопросы, относительно которыхъ *духовный журналъ можетъ сказать кое-что свое*“¹⁾).

Указывая далѣе на то, что спорить съ „Современникомъ и особенно съ Чернышевскимъ не выгодно, потому что онъ „и другіе сотрудники, пишущіе въ „Современ.“, во многихъ отношеніяхъ чувствуютъ себя болѣе „развязными“, чѣмъ кто либо другой“,—авторъ статьи подробно излагаетъ ходъ послѣдняго спора Чернышевскаго (съ „Отечественн. Записками“):

Заканчивается статья слѣдующими поучительными воспоминаніями изъ прошлаго русской журналистики.

„Въ сороковыхъ годахъ“, вспоминаетъ авторъ,—появилась въ печати небольшая книжка: „Введеніе въ философію“? Карпова. Бѣлинскій вздумалъ написать отзывъ въ „Отечеств. Запискахъ“. Бѣлинскій тогда уже держался совсѣмъ другого направленія, чѣмъ г. Карповъ. Тѣмъ не менѣе онъ отнесся къ труду г. Карпова съ полнымъ безпристрастіемъ и уваженіемъ,—онъ сказалъ, что книги „подобнаго рода дороги у насъ по одной своей рѣдкости,—что нужно желать, чтобы болѣе появлялось у насъ книгъ такого рода“, къ какому-бы направленію онѣ ни принадлежали. Бѣлинскаго г. Чернышевскій не можетъ заподозрить ни въ холодности, ни въ шаткости убѣжденій, ни въ какомъ либо расчетѣ, по которому-бы онъ сталъ говорить противное своимъ убѣжденіямъ и осязствіямъ. Память Бѣлинскаго дорога для г. Чер-

¹⁾ Тамъ-же стр. 59—60. 1891

нышевскаго, не только какъ память честнаго и горячаго литературнаго дѣятеля, но и какъ память учителя. Явись статья г. Юркевича при жизни Бѣлинскаго, онъ не такъ-бы отнесся къ ней, какъ г. Чернышевскій. *Какъ далеко ученики ушли отъ учителя!*"¹⁾...

Наконецъ, въ 1862 г. Д. И. Писаревъ, рьяный и талантливый продолжатель проповѣди Н. Г. Чернышевскаго, снова пересматриваетъ всѣ эпизоды полемики съ Чернышевскимъ и откровенно заявляетъ, что не находитъ никакой пользы и надобности въ „невыносимо скучныхъ діалектическихъ тонкостяхъ“. Полемизировать съ Юркевичемъ, характеръ мышленія котораго таковъ, что Писаревъ отказывается считать себя даже его современникомъ,—совершенно бесплодно и Писаревъ, сторонясь „въ нѣмомъ благоговѣніи“ предъ философіей, какъ „буддійской наукой“, предлагаетъ обществу перейти къ очереднымъ практическимъ вопросамъ²⁾... Началась та, къ счастью, кратковременная и не повторявшаяся болѣе въ исторіи русской духовной культуры полоса „практицизма“, изъ за котораго Писаревъ готовъ былъ промѣнять на простые „мужицкіе сапоги“ даже великаго генія Россіи, А. С. Пушкина!

Мы изложили первый періодъ благородной рыцарской борьбы Памфила Даниловича Юркевича вмѣстѣ съ виднѣйшими тогдашними русскими журналами противъ матеріализма по возможности сжато и документально. Эта полемика, какъ увидимъ ниже, имѣла громадное, быть можетъ, роковое значеніе для философской будущности П—ла Д—ча. Не осталась она, однако, безъ серіозныхъ послѣдствій и для Чернышевскаго, а, слѣдовательно, и для проповѣдуемаго имъ міровоззрѣнія.

Важно отмѣтить, что въ процессъ этой, такъ широко развернувшейся и захватившей все тогдашнее передовое русское общество,—борьбы съ Чернышевскимъ дѣйствительный виновникъ ея, проф. Юркевичъ, какъ и прямой предметъ полемики, философія, все болѣе и болѣе отодвигаются на второй планъ. Главное мѣсто мало-по-малу занимаютъ личные счеты съ Чернышевскимъ противниковъ его: социально-

¹⁾ Тамъ-же стр. 103—104.

²⁾ Русское Слово за 1862 г., февр., статья Писарева: „Московскіе мыслители“ и др. вышесказанное связано съ фило-

политической программы. Такой оборотъ событій былъ какъ нельзя болѣе на руку Каткову, дальновидно рассчитавшему планъ своей публицистической кампаніи противъ „Современника“ и Чернышевскаго.

Къ кievскому періоду жизни и дѣятельности Юркевича относится еще одинъ полемическій эпизодъ. Хронологически онъ предшествовалъ полемикѣ съ Чернышевскимъ, но долженъ быть изложенъ въ этомъ мѣстѣ, потому что достояніемъ широкихъ круговъ русскаго общества этотъ эпизодъ сталъ, благодаря именно полемикѣ съ Чернышевскимъ. Грубо извращенный поэтомъ—фельетонистомъ „Русскаго Слова“, Дм. Минаевымъ, этотъ эпизодъ былъ выдвинутъ противъ Юркевича, какъ новое доказательство его научной неспособности и отсталости.

Вотъ въ чемъ онъ состоялъ. Въ началѣ 1860 г. (въ янв.) въ Кіевѣ состоялось открытіе Фундуклеевской женской гимназіи. На торжество освященія былъ приглашенъ Преосвящ. Антоній, бывшій ректоръ Кіевской дух. Академіи, между прочимъ, и во время студенчества П—ла Д—ча. Преосвященный обратился къ присутствовавшимъ на торжествѣ съ рѣчью, въ которой высказалъ пожеланіе, чтобы въ новомъ учебномъ заведеніи процвѣтало религіозное воспитаніе. „Свѣтъ наукъ“, говорилъ между прочимъ Еп. Антоній,—преломляясь въ сердцахъ, не очищенныхъ страхомъ Божиимъ, не озаренныхъ свѣтильникомъ Закона Божія, теряетъ свою свѣтоварность и превращается въ тьму“.. Простая неприязнительная рѣчь еп. Антонія дала поводъ проф. Кіевскаго университета Виталію Шульгину напечатать въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“ замѣтку, извращавшую мысли епископа и приписывавшую ему домостроевскія воззрѣнія на воспитаніе. Приведя цитату изъ Домостроя о тѣлесномъ наказаніи, хотя въ рѣчи еп. Антонія ни о чемъ подобномъ не говорилось,— проф. Шульгинъ писалъ: „если во имя старыхъ началъ вы требуете, чтобы подобными мѣрами внушался дѣтямъ страхъ Божій, то вы правы, современность отрицаетъ ихъ... Ваши недовольства происходятъ отъ безсильной злобы на паденіе злоупотребленій, отъ которыхъ вы тучнѣли и высились. Наше недовольство спасаетъ насъ отъ востоя“ 1).

1) Кіевск. Телегр. за 1860 г., № 4. Нѣсколько словъ по случаю открытія Фундуклеевскаго женскаго училища въ Кіевѣ.

Связанный своимъ общественнымъ положеніемъ, еп. Антоній не могъ печатно разоблачить грубую фальсификацію проф. Шульгина. Тогда на защиту своего бывшего ректора выступили молодые профессора академіи: П—ль Д—чь Юркевичъ и Вас. Ѳеодор. Пѣвницкій. Послѣдній послалъ въ редакцію „Кіевск. Телегр.“ опроверженіе, которое, впрочемъ, здѣсь не было напечатано. Въмѣсто опроверженія редакція напечатала письмо проф. Шульгина, въ которомъ онъ заявляетъ, что по болѣзни онъ лично не присутствовалъ на торжествѣ освященія гимназіи и что въ своей статьѣ не имѣлъ въ виду оскорбить кого-бы то ни было. Но если „кто узнаетъ себя въ моей статьѣ, заканчиваетъ письмо пр. Шульгинъ,—тѣмъ для него хуже... Нечего на зеркало пенять, коли лицо криво... Пріятно дерзкой эпиграммой взбѣсить оплошнаго врага“¹⁾. Проф. В. Ѳ. Пѣвницкій напечаталъ свое опроверженіе отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Странная литературная выходка“. А вскорѣ отдѣльной же брошюрой (въ 17 стр.) вышла въ свѣтъ и „Замѣтка“ проф. П. Д. Юркевича по тому-же поводу. Здѣсь П—ль Д—чь доказываетъ проф. Шульгину, что противъ новѣйшихъ изобрѣтеній и учрежденій вообще, противъ улучшеній въ области педагогики въ частности,—никто не *можетъ* вооружаться и не вооружался, и что Шульгинъ сражается противъ имъ самимъ вымышленныхъ враговъ. „Что въ понятіи умственнаго и нравственнаго воспитанія не лежитъ понятіе тѣлеснаго наказанія, это такъ же очевидно, пишетъ въ своей „Замѣткѣ“ Юркевичъ,—какъ и то, что въ понятіи гражданскаго общества не заключается понятіе тюрьмы и висѣлицы“. Возможно, однако, говорить объ эмпирическихъ условіяхъ, создающихъ это социальное зло. Дальше на многочисленныхъ примѣрахъ П—ль Д—чь иронически выясняетъ проф. Шульгину понятіе „страха Божія“ и оканчиваетъ свою „Замѣтку“ такъ: *„жизнь нуждается въ основахъ и мотивахъ болѣе энергическихъ, нежели отвлеченныя понятія науки, каковы, напр., достоинство человека, человеческое образованіе (совершенствованіе и т. п.“*²⁾. Эти злосчастные „энергическіе мотивы жизни“ и послужили Д. Ми-

1) Тамъ же № 8.

2) „Замѣтка“; стр. 14—15.

наеву основаніемъ для обвиненія проф. Юркевича въ *защитѣ розги* и для издѣвательствъ надъ его педагогической отсталостью ¹⁾. Быть можетъ, въ моментъ напечатанія въ „Русск. Словѣ“ Минаевымъ своей сатиры кто либо изъ легковѣрныхъ читателей этого журнала и повѣрилъ ему; но несомнѣнно, что впослѣдствіи, когда проф. Юркевичъ заявилъ себя въ Москвѣ, какъ опытный и просвѣщенный педагогъ, этотъ обманъ разсѣялся, и нравственная нечистоплотность поступка Минаева была оцѣнена по достоинству. Только неразборчивость въ средствахъ борьбы сторонниковъ Чернышевскаго могла создать эту дикую фальсификацію съ розгой, чтобы ослабить ударъ, нанесенный материализму классической критикой проф. Юркевича.

Мы уже видѣли, что Катковъ, перепечитавши въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ трактатъ проф. Юркевича противъ материализма, еще въ маѣ 1861 г. высказалъ пожеланіе, „чтобы преподавательская дѣятельность Юркевича приняла еще большіе размѣры“. „На это, впрочемъ, прибавлялъ Катковъ, — мы имѣемъ уже нѣкоторое основаніе надѣяться“. Дѣйствительно, Катковъ и Леонтьевъ, которые тогда имѣли большое вліяніе въ Московскомъ университетѣ, сдѣлали представленіе о перемѣщеніи Юркевича изъ Кіева въ Московскій университетъ на кафедру философіи ²⁾. 18 окт. 1861 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о перемѣщеніи Юркевича въ Московскій университетъ въ званіи ординарнаго профессора и съ правомъ полученія черезъ два года степени доктора философіи безъ диссертациі (П—ль Д—чь имѣлъ степень магистра богословія) ³⁾. Московскій университетъ, такимъ образомъ, оказался первымъ университетомъ, въ которомъ, послѣ десятилѣтняго перерыва, была восстановлена кафедра философіи: открытіе этой кафедры въ другихъ русскихъ университетахъ состоялось въ 1863 г. Здѣсь занимаетъ насъ вопросъ о томъ, предпринималъ ли съ своей стороны кто либо Юркевичъ для полученія кафедры въ Московскомъ университетѣ, и съ какимъ настро-

¹⁾ Русск. Слово за 1861 г. сент. „Смѣсь“, стр. 9.

²⁾ Вл. С. Соловьевъ „Три характеристики“ въ 8 т. собр. сочин., стр. 426—427.

³⁾ См. Формулярный списокъ о службѣ проф. Юркевича. Муз. Ргп. № 834.

еніемъ онъ встрѣтилъ свое новое назначеніе? Рѣшить этотъ вопросъ существенно важно какъ для характеристики личности проф. Юркевича, такъ и для надлежащаго уясненія мотивовъ борьбы его съ матеріализмомъ.

Одинъ изъ изслѣдователей жизни и дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго, г. Ю. Стекловъ высказалъ въ самое последнее время взглядъ, что въ борьбѣ противъ Чернышевскаго проф. Юркевичемъ руководили *карьеристическіе расчеты*. „Своей статьей противъ Чернышевскаго, пишетъ Стекловъ,—скромный профессоръ Кіевской дух. Академіи Юркевичъ *сдѣлалъ карьеру*: Катковъ и Леонтьевъ вскорѣ устроили ему переводъ на кафедру философіи въ Москвѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ несчастный человѣкъ такимъ образомъ обезсмертилъ свое имя. Можно ли только позавидовать такому безсмертію!?“¹⁾

Не имѣя нужды подробно останавливаться на этомъ мнѣніи, мы замѣтимъ только слѣдующее. Характерно уже то, что г. Стекловъ своему взгляду на дѣло, сыгравшее столь важную роль не только въ жизни Чернышевскаго, но и всего тогдашняго русскаго общества, отвелъ мѣсто только въ примѣчаніи къ тексту своей обширной работы. Если дѣло обстояло такъ, какъ оно представлено г. Стекловымъ, то необходимо было бы показать тѣ фактическія основанія, на которыя опирается его взглядъ, такъ какъ по этому взгляду представляется, что карьеризму „скромнаго профессора“ слѣпо и покорно служатъ не только Катковъ и Леонтьевъ съ профессорскимъ совѣтомъ Московскаго университета, но и вся лучшая тогдашняя русская журналистика и значительная часть общества! Г. Стекловъ не представляетъ основаній, потому что ими не располагаетъ: его взглядъ видимо покоится на настроеніи „слѣпого культа“, какъ выражался нѣкогда Катковъ,—который помѣшалъ г. Стеклову стать на почву историческаго безпристрастія въ обсужденіи одного изъ самыхъ непріятныхъ событій въ жизни Чернышевскаго²⁾.

¹⁾ Ю. М. Стекловъ „Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность. (1824—1889 гг.)“. Спб., 1909 г., примѣч. на стр. 59.

²⁾ Изъ всѣхъ написанныхъ (въ 1909 г.) по поводу 20-ти лѣтій со дня смерти Н. Г. Чернышевскаго († 1889 г.) многочисленныхъ журнальныхъ статей и отдѣльныхъ книгъ работа г. Стеклова, кажется, вообще отличается наибольшимъ пристрастіемъ къ личности умер-

Въ дѣйствительности дѣло обстояло совершенно иначе. Большой и оригинальный философскій талантъ Юркевича, обнаруженный имъ не только въ трактатѣ „Изъ науки о чело-вѣческомъ духѣ“, направленномъ противъ Чернышевскаго, авторство котораго, возможно, не было даже извѣстно Юркевичу, а и въ раньше написанныхъ статьяхъ (Идея; Матеріализмъ и задачи философіи; Сердце и его значеніе въ духовной жизни челоѣка; Критико-богословскіе отрывки; Доказательства бытія Божія)¹⁾, благодаря Каткову, впервые открывшему Юркевича, привлекъ къ нему вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей Россіи. Такъ какъ отсутствіе философскихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ только содѣйствовало успѣхамъ матеріализма, то настоятельной нуждой времени было возстановленіе этихъ кафедръ. Съ этой цѣлью Министерствомъ народнаго просвѣщенія (въ министерство Головнина) въ 1862 г. было командировано за границу нѣсколько лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ академій (М. Троицкій, Владиславлевъ и Автократовъ) для подготовки къ занятію готовившихся къ открытію философскихъ кафедръ въ университетахъ²⁾. Кандидаты для университетскихъ философскихъ кафедръ были выбраны изъ воспитанниковъ духовныхъ академій, потому что только академи, гдѣ преподаваніе философскихъ предметовъ шло непрерывно и правильно въ періодъ времени съ 1850 по 1862 г.,—могли дать необходимый контингентъ подготовленныхъ людей. Если въ Московскомъ университетѣ открытіе кафедры философіи осуществилось двумя годами раньше другихъ университе-товъ, то это произошло не вслѣдствіе хитраго карьеристиче-скаго такта проф. Юркевича, какъ думаетъ г. Стекловъ, а потому, что этотъ академическій профессоръ оказался способ-нымъ и достойнымъ занять университетскую кафедру и безъ

шаго и субъективностью. Такъ, напр., г. Стекловъ трактуетъ Чернышевскаго, какъ *основателя* научнаго социализма не только въ Россіи, но и въ Европѣ,—основателя, предвосхитившаго нѣкоторыя положенія Карла Маркса. Но такой бесспорный авторитетъ въ этой области, какъ Плехановъ, рѣшительно не соглашается съ г. Стекловымъ.

¹⁾ Катковъ указывалъ на достоинства нѣкоторыхъ изъ этихъ статей въ своемъ предисловіи къ перепечатаннымъ мѣстамъ „Изъ науки о челоѣч. духѣ“. См. Русск. Вѣстн. за 1861 г., апр. „Литер. обзор. и замѣтки“. ²⁾ *Вопр. Философіи и Психологіи* за 1900 г., март.—апр., стр. 155.

заграничной командировки. Старѣйшій и лучший по своимъ ученымъ силамъ московскій университетъ показалъ въ этомъ случаѣ похвальный примѣръ безпристрастной оцѣнки личныхъ дѣйствительныхъ достоинствъ проф. Юркевичъ, какъ ученаго. Оставляя въ сторонѣ формальности и внѣшнія оцѣнки въ видѣ дипломовъ, Московскій университетъ искалъ талантливаго ученаго мыслителя и нашелъ его въ лицѣ проф. П. Д. Юркевича.

Свое новое назначеніе П—ль Д—чь встрѣтилъ, какъ призывъ къ исполненію философскаго долга. Несомнѣнно, жаль было разставаться Юркевичу съ тою обстановкой, которая окружала его въ Кіевской академіи. Братъ П—ла Д—ча свидѣтельствуешь о тѣхъ чувствахъ неизмѣнной любви, уваженія и привязанности къ родной академіи, какія на всегда сохранились въ Юркевичѣ. „Въ своихъ разговорахъ, вспоминаетъ Андрей Юркевичъ, — П—ль Д—чь открыто заявлялъ, что академія развила въ немъ любовь къ философіи и положила прочныя и твердыя основы этой науки. Безъ преувеличенія можно сказать, что рассказы его о жизни въ академіи походили на рассказы благочестивыхъ паломниковъ о святыхъ мѣстахъ; и если кто заводилъ рѣчь о темныхъ сторонахъ жизни въ академіи, то П—ль Д—чь такихъ рѣчей не поддерживалъ: промалчивалъ, ограничиваясь только своимъ „да, да“, „да, да“... Высокимъ уваженіемъ и признательностью отзывались воспоминанія П—ла Д—ча и объ умныхъ, преданныхъ наукѣ, наставникахъ школы. Слушая его рассказы, можно было подумать, что это были гиганты мысли и слова, подобныхъ которымъ не произведетъ современность“¹⁾).

Кіевская академія въ свою очередь любила и дорожила П—ломъ Д—чемъ и не могла безразлично отнестись къ его перемѣщенію въ Москву. 26 ноября 1861 г. сослуживцы и совоспитанники Юркевича по академіи чествовали его прощальнымъ обѣдомъ въ квартирѣ ректора, архимандрита Филарета. Это былъ скорѣе семейный, чѣмъ торжественный обѣдъ. На обѣдѣ, кромѣ сослуживцевъ, присутствовали бывшіе воспитанники академіи: І. Михневичъ, бывший проф. фил—фіи въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицей, помощн. По-

¹⁾ А. Юркевичъ „П. Д. Юркевичъ, проф. фил—фіи“ въ журн. Гимназія за 1888 г., кн. I, стр. 96.

печителя Кіевскаго учебн. Округа, Ѳ. Новицкій и С. Гогоцкій, бывшіе профессора философіи въ Кіевскомъ университетѣ. Въ концѣ обѣда было произнесено нѣсколько рѣчей. Ректоръ академіи высказалъ сожалѣніе, что Кіевская академія съ уходомъ Юркевича лишается одного изъ лучшихъ своихъ и достойнѣйшихъ профессоровъ и желалъ П—лу Д—чу многоплодной дѣятельности на новомъ, болѣе обширномъ поприщѣ, на которое его призвала ученая коллегія Московскаго университета. Михневичъ, охарактеризовавъ неблагоприятныя обстоятельства, сопровождавшія закрытіе университетскихъ философскихъ кафедръ, высказалъ надежду на лучшее будущее и предложилъ тостъ за скрѣпленіе духовныхъ связей между университетами и академіями, „чтобы эти связи скрѣплялись болѣе и болѣе, и чтобы истинные таланты всегда цѣнились такъ, какъ показалъ теперь первый примѣръ этому московскій университетъ“. Проф. Юркевичъ въ простыхъ словахъ благодарилъ собраніе за оказанную ему честь и вниманіе и относилъ это вниманіе къ интересу той науки, которую онъ преподавалъ, и къ ея особенному значенію для духовныхъ заведеній, обязанныхъ преслѣдовать интересы высшаго умственного образованія ¹⁾.

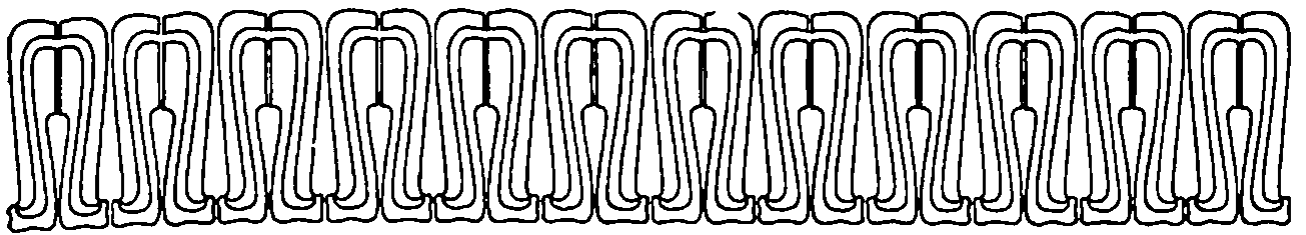
Такъ закончилась профессорская дѣятельность Юркевича въ родной академіи.

Александръ Ходзичій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Правосл. Обзоръ, за 1862 г., янв., стр. 46—48.

МОЛИТВА

**и образъ ея совершенія по ученію Слова Божія и святыхъ отцовъ
и учителей Православной Церкви.**

(Окончаніе *).

4. Христіанскій долгъ молиться за всѣхъ людей.

По ученію Слова Божія (Іак. 5, 16; 1 Тим. 2, 1) и по любви христіанской, которая должна быть отличительною особенностію христіанъ (Іоан. 13, 35), мы должны молиться Богу не только за себя, но и за другихъ людей.

а) Прежде всего наши молитвы должны обнимать близкихъ и дорогихъ для насъ лицъ, каковы: члены семейства—отцы, матери, дѣти, сродники и всѣ живущіе въ нашемъ домѣ люди. Желая имъ отъ всего сердца всякаго истиннаго добра, мы должны возносить о нихъ молитвы Господу, чтобы почилъ на нихъ благословеніе Божіе, чтобы Господь сохранилъ ихъ, какъ „зеницу ока“, отъ всякаго зла и даровалъ имъ все къ временной и вѣчной жизни потребное.

б) Затѣмъ, нужно молиться о всѣхъ лицахъ, облеченныхъ духовною и мірскою властію, служащихъ на пользу обществу и государству. Чѣмъ выше человекъ по своему званію и общественному положенію, тѣмъ отвѣтственнѣе его служебныя обязанности и тѣмъ необходимѣе ему помощь Божія. Самое главное и высшее служеніе на землѣ есть служеніе царское. Государство есть какъ-бы большое семейство, въ которомъ Государь есть отецъ, а всѣ подданные—дѣти. Въ благоустроенной семьѣ всѣ молятся за главу

ея—отца, отъ котораго зависитъ весь порядокъ и благо семьи. Такъ и въ государствѣ всѣ люди должны молиться за своего Царя; ибо отъ Него зависитъ миръ и тишина, отъ Него—безопасность отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, отъ Него—благоустройство и порядокъ во всемъ. Наука, промышленность, торговля, земледѣліе, благотворительность—все имѣетъ въ Немъ поощреніе и покровительство. Вотъ почему, согласно повелѣнію Апостола (1 Тим. 2, 2), въ Церкви Православной за богослуженіями неоднократно возносятся моленія за Царя и за весь Царствующій Домъ.

Въ благодатной помощи Божіей въ высшей степени нуждаются и другія лица, облеченныя властію, а именно: пастыри и священнослужители Церкви, на которыхъ лежитъ великій и священный долгъ воспитывать и утверждать людей въ религіозно-православной жизни посредствомъ Христова ученія, которое они должны проповѣдывать, посредствомъ благоговѣйнаго совершенія св. таинствъ, а также и добрымъ примѣромъ собственной жизни; наставники и учителя въ училищахъ, имѣющіе также отвѣтственный долгъ не только преподавать разныя науки, но и воспитывать подростящее поколѣніе въ духѣ вѣры, любви и благочестія, безъ чего книжное наученіе является бесполезнымъ; военачальники, градоначальники, судьи и всякаго рода начальствующія лица: всѣ они обязаны приносить пользу обществу и государству усерднымъ и честнымъ исполненіемъ своего долга, всѣ должны имѣть чистую, святую любовь къ меньшимъ братьямъ, оказывая имъ многоразличную помощь своею доброю дѣятельностію. О всѣхъ этихъ людяхъ нужно молиться Господу ¹⁾, чтобы Онъ помогъ имъ ревностно испол-

¹⁾ Молитвенныя мысли и чувства по содержанію великой эктени.
«Господи Боже нашъ! Услыши моленіе наше, съ вѣрою приносимое Тебѣ не толю о себѣ самихъ, но и о всѣхъ людехъ Твоихъ. Прости всѣмъ намъ грѣхи и беззаконія наша, примири съ нами, яко Всемилостивый, и спаси души наша. Господи! Ты реклъ еси ученикомъ Твоимъ: «миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ» (Іоан. 14, 27): всели убо миръ Твой и въ наша сердца, да не будутъ въ насъ распри и раздоры, да прекратятся раздѣленія и ереси, и да соединятся вси отступльшии отъ правыя вѣры отеческія во едину, святую, Православную Церковь, въ ней-же вси, связуеши святою любовію,

нять свой служебный долгъ, сохранилъ ихъ отъ всякаго зла и вразумилъ подавать меньшимъ братіямъ добрый примѣръ вѣры, благочестія и правды Божіей. Жизнь и поведеніе начальствующихъ лицъ имѣетъ весьма важное значеніе для всѣхъ людей, потому что съ нихъ всѣ берутъ себѣ примѣръ; а потому имъ необходимо быть осмотрительными, чест-

да пребываемъ въ благочиннѣмъ строеніи и добродѣтельнѣмъ житіи. Сохрани храмъ сей, въ немже возносимъ Тебѣ молитвы; яви милость Твою посѣщающимъ его, а благодетелемъ и украсителемъ его сугубо воздаждь Твоими небесными дарованіи. Спаси, Господи, и помилуй Святѣйшій Правительствующій Синодъ, Господина нашего Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа (имена мѣстныхъ архіепископовъ или епископовъ), вся православныя архіереи, іереи, діаконы, весь священническій и монашескій чинъ и весь причетъ церковный; даруй имъ здравіе душевное и тѣлесное, поспѣшествуй имъ въ молитвахъ, всели въ сердца ихъ ревность и попеченіе о душахъ и помози имъ во всѣхъ дѣлѣхъ пастырскаго и церковнаго служенія. Спаси, Господи, и помилуй Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего Императора Николая Александровича всея Россіи, умудри и настави Его проходить великое царское служеніе по святѣй волѣ Твоей, покори Ему всякаго врага и супостата, исполни Его долготою днй и крѣпостію силъ, царство Его миромъ огради, возглаголи въ сердцахъ Его благая о Церкви Твоей и о всѣхъ людехъ, да совершитъ вся во славу Твою и во благо народа своего. Спаси и помилуй Супругу Его Благочестивѣйшую Государыню Императрицу Александру Феодоровну, Матерь Его Благчрттивѣйшу Государыню Императрицу Марію Феодоровну, Наслѣдника Его, Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича и весь царствующій Домъ. Спаси и помилуй правительствующій синклитъ—военачальники, градоначальники, яже въ палатѣ братію нашу, воинство и вся власти отъ Тебе учиненныя; помози имъ въ исполненіи ихъ служебнаго долга, огради ихъ страхомъ Твоимъ отъ челоуѣкоугодія и всякія неправды, вразуми ихъ свято исполнять волю Твою, всели въ сердца ихъ, любовь къ меньшимъ братіямъ, да благотворятъ имъ, яко приснымъ своимъ, во имя Твое и да вседушнѣ пекутся о благоденственнѣмъ житіи ихъ. Излей Твое небесное благословеніе на градъ сей и на вся грады и страны, и на вся люди, въ нихъ живущія; сохрани всѣхъ насъ отъ всякаго зла, настави на дѣла благая и Тебѣ благоугодная, ниспосли намъ духовныя дары коемуждо благопотребныя,

ными, справедливыми не только въ дѣлахъ, но и въ словахъ и во всемъ поведеніи, чтобы они для всѣхъ окружающихъ служили примѣромъ доброй, истинно христіанской жизни. Святитель Тихонъ Задонскій учитъ: „О, возлюбленніи, пастырь и всякій начальникъ! Вы—свѣтъ обществу христіанскому; на васъ смотрятъ всѣ люди, что дѣлаете и что говорите, какъ всѣ смотрятъ на свѣчу горящую въ нощи: будьте убо свѣтъ, да смотрящїи на васъ просвѣтятся; будьте какъ зеркало, въ которое смотря, люди отираютъ на своемъ лицѣ пороки; будьте какъ разумная голова на тѣлѣ. Если Вы разумны и добры будете, то блаженно и все вамъ подчиненное христіанское общество будетъ, и вы блаженнѣйшіи будете... Будьте убо, возлюбленніи, разумны и добры, да и себѣ самимъ и людямъ Божиимъ блаженство прїобрѣдете“¹⁾.

купно же даруй и земныя блага: благораствореніе воздухъ, изобиліе плодовъ земныхъ и вся къ временнѣй и вѣчнѣй жизни потребная; наипаче яви Твою милость и благоволеніе людямъ бѣдствующимъ, недугующими, страждущимъ, плѣненнымъ и всякой душѣ христіанскѣй, скорбящей, озлобленнѣй, милости Твоея и помощи требующей; пребуди съ ними неотлучно, яко всемогущій Помощникъ и всеблагій Заступникъ въ бѣдахъ и напастехъ, излей въ сердца отраду и успокоеніе; сподоби ихъ обрѣсти въ Тебѣ истинную высочайшую радость духовную;—и да ничтоже отлучитъ ихъ отъ любви Твоея. Избави, Господи, всѣхъ насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды; да Твоею благодатною помощію «тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестїи и чистотѣ» (1 Тим. 2, 2). Господи! Ты еси Отець нашъ Небесный, милуй насъ Тебѣ молящихся. Ты еси всеблагій Любитель Твоихъ созданій, подаваяи намъ вся блага земная и духовная, имъ же нѣсть числа. Ты еси единъ Человѣколюбець, ущедряяи насъ нежареченными добротами и приводяи насъ въ высочайшему блаженству вѣчному. Сего ради припадающе молимъ Тя: заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ Твоею всеосвящающею благодатію; Се бо мы, грѣшніи и немощніи, приводяще Тебѣ въ молитву пресвятую Владычицу Богородицу и Пренодѣву Марію, со всеми святыми Твоими, сами себе и другъ друга и весь животъ нашъ предаемъ Тебѣ—истинному Богу нашему: да будетъ съ нами не наша воля грѣшная, а Твоя воля—святая, всеправедная, всеблагая, спасти насъ, хотящая,—во вѣки вѣковъ». Аминь.

1) Творенія св. Тих. Задонскаго, стр. 103.

в) Изъ прочихъ людей заслуживаютъ нашего особеннаго вниманія и молитвы всѣ скорбящія и бѣдствующія. Земная жизнь, какъ упомянуто, бываетъ преисполнена всевозможныхъ испытаній, напастей, бѣдъ, постигающихъ человѣка нерѣдко совершенно неожиданно. Этимъ людямъ, въ состоянїи гнетущей скорби, трудно и молиться: умъ у нихъ въ смущенїи, сердце полно унынїя и безнадеежїя; не радуется ихъ свѣтъ Божїй; самая жизнь кажется имъ какимъ-то бременемъ. Нашъ христіанскїй долгъ и христіанская любовь требуютъ, чтобы мы возносили о нихъ горячія молитвы¹⁾,

¹⁾ Примѣчаніе. Молитвенныя мысли и чувства къ Богу о всѣхъ скорбящихъ и бѣдствующихъ.

«Владыко Господи, (доровавый ми по милости Твоей великую благодать священства и сподобивый мя вознести Тебѣ молитвы и моленїя о людехъ Твоихъ)! Услыши нынѣ молитву мою о всѣхъ людехъ скорбящихъ и бѣдствующихъ, изнемогающихъ отъ унынїя и печали; даруй имъ Твою благодатную помощь, коемуждо ихъ благопотребную. Посѣти милостїю Твоею болящїя различными недуги воздвигни ихъ отъ одра болѣзни, даруй имъ здравїе душевное и тѣлесное, —и Твоею всесильною благодатїю вразуми прочее время житїи по волѣ Твоей, во всякомъ благочестїи и чистотѣ; а имъ-же судилъ еси прейти отъ житїя сего, симъ послѣ христіанскую кончину—безболѣзненную, непостыдную, мирную, святыхъ и животворящихъ Таинъ причастную. Заступи, спаси и помилуй всѣхъ страждущихъ отъ житейскихъ бѣдъ и золь, отъ навѣтовъ и обидъ злыхъ человѣкъ, отъ внезапныхъ напастей и искушенїй; даруй имъ силы и крѣпость благодушно терпѣти посылаемая испытанїя; избави ихъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды; излей въ сердца ихъ отраду и успокоенїе, и настави возносити всѣмъ сердцемъ молитвы Тебѣ—всемогущему Спасителю нашему, да въ Тебѣ обрящутъ истинный покой и защиту отъ врагъ видимыхъ, и невидимыхъ, и отъ всякаго злаго обстоянїя. Яви, Господи, Твою милость и благоволенїе нищимъ людямъ—вдовицамъ, сирымъ, убогимъ и всѣмъ страждущимъ отъ скудости и нужды; обрати къ нимъ сердца богатыхъ и сильныхъ міра сего, да исполнятся жалости и милосердїя; всели въ нихъ благую ревность къ обильному и доброхотному подаванїю милостыни, къ исполненїю дѣлъ благотворенїя, къ заступленїю и помощи меньшимъ братьямъ, труждающимся и обремененнымъ; нищихъ же и бѣдствующихъ Твоею всесильною благодатїю подкрѣпи, вразуми, защити, отъ всякаго зла сохрани;

дабы Господь Своею Божественною силою подкрѣпилъ и сохранилъ ихъ, дабы Онъ, какъ Всеблагій и Всемогущій, наполнилъ сердца ихъ покоемъ и отрадою, даровалъ имъ крѣпость и мужество благодушно терпѣть посылаемыя испытанія и сподобилъ ихъ сугубой духовной радости о своемъ спасеніи, которое во святомъ Евангеліи обѣщано „претерпѣвшимъ до конца“ (Матѣ. 24, 13). Итакъ, возлюбленный читатель, когда слышишь во храмѣ Божіемъ приглашеніе діакона на эктеніи помолиться „о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ“ или „о всякой души христіанстѣй, скорбящей, озлобленнѣй, милости Божіей и помощи требующей“ (слова на великой и литійной эктеніяхъ); тогда перенесись мыслію ко всѣмъ скорбящимъ и бѣдствующимъ и вознеси о нихъ горячую молитву, да помилуетъ и спасетъ ихъ Господь.

г) Къ числу несчастныхъ людей, нуждающихся въ нашихъ молитвахъ, нужно отнести также и тѣхъ, которые подвержены духовнымъ недугамъ: это — люди впавшіе въ заблужденія или въ отношеніи истинной вѣры, или въ отношеніи жизни христіанской. Къ первымъ принадлежатъ невѣрующіе, маловѣрующіе, раскольники, сектанты — всѣ, которые презираютъ или отвергаютъ Православную Церковь, несмотря на многочисленныя доказательства ея Божественнаго достоинства, несмотря на то, что въ Православной Церкви неизмѣнно сохраняются отъ апостоловъ и ученіе, и

даруй имъ имѣти сугубое утѣшеніе и радость въ общеніи съ Тобою — Источникомъ истиннаго блаженства, да всѣмъ сердцѣмъ взыщутъ небесныхъ Твоихъ благъ; яже уготовалъ еси любящимъ Тя. Господи, Боже щедротъ и всякія утѣхи! Вразуми всѣхъ людей — сильныхъ міра сего и униженныхъ, благородныхъ и худородныхъ, богатыхъ и убогихъ — всегда пребывать въ вѣрнѣй, величѣднѣй святѣй любви, да по слову Твоему, «каждо насъ ближнему угождаетъ во благое къ созиданію» (Римл. 15, 2); да «не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся»; «потщимся вси являти въ вѣрѣ нашей добродѣтели, въ добродѣтели же разумъ, въ разумѣ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, въ благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь»; «яже есть «исполненіе закона», «союзъ совершенства»» (Римл. 12, 16; 2 Петр. 1, 5—7; Римл. 13, 10; Колосс. 3, 14). Аминь.

тайнства, и всѣ порядки жизни христіанской; несмотря, наконецъ, на то, что цѣлые милліоны истинныхъ членовъ Православной Церкви спасались и спасаются, переживая на себѣ существующую въ ней обновляющую и спасающую благодатную силу Божію. Ко вторымъ относятся тѣ люди, которые хотя и вѣруютъ, но не имѣютъ въ себѣ страха Божія, и все свое вниманіе обращаютъ на одну земную жизнь, стараясь обставить ее для себя какъ можно лучше, а объ угожденіи Богу, о религіозно-нравственномъ преуспѣяніи, о смерти, страшномъ судѣ и жизни будущей совершенно не думаютъ и не заботятся. Многіе изъ нихъ, живя въ свое удовольствіе и давая полный просторъ грѣховнымъ склонностямъ, дѣлаются рабами своихъ страстей—пьянства, нецѣломудренной жизни, гордыни, сребролюбія и т. д. Тѣ и другіе глубоко несчастны, потому что они отдаляютъ себя отъ Бога—единственнаго Источника истиннаго блага и высочайшаго счастья, и идутъ широкимъ путемъ—страшно сказать!—къ вѣчной своей гибели. О всѣхъ этихъ людяхъ нужно крѣпко молиться Богу, чтобы Онъ просвѣтилъ ихъ умъ и сердце, дабы они уразумѣли Божественное достоинство христіанскаго ученія и Православной Церкви, дабы всецѣло прониклись этимъ ученіемъ и, какъ убѣжденные христіане, искали болѣе всего спасенія души, идя тѣснымъ путемъ терпѣнія, молитвы, подвиговъ вѣры, добродѣтели и благочестія. Въ особенности на пастыряхъ церкви лежитъ долгъ возносить о нихъ молитвы предъ Господомъ¹⁾.

¹⁾ Мысли и чувства священника въ молитвѣ о всѣхъ людяхъ.
«Господи Іисусе Христе, поставивый мя, яко служителя Церкви, возносить Тебѣ молитвы о людехъ Твоихъ, проповѣдати имъ слово Твое, наставляти ихъ на путь истины и спасенія! Услыши и приими молитву мою о духовныхъ чадѣхъ моихъ и всѣхъ людехъ, вмѣсто моего пастырскаго попеченія о ихъ спасеніи.

Господи! Се нѣщцы, увлекаеміи губельными мудрованіями лжеучителей, уклонишася отъ истинныя вѣры и не исповѣдаютъ Тебе быти «Бога во плоти». Просвѣти, Господи, помраченный умъ людей сихъ, да увѣдятъ, яко Ты учиши во святѣмъ Евангеліи, яко имѣяи Божественную власть; да уразумѣютъ, яко истины Твоего ученія запечатлѣни суть Божественною мудростію, да познаютъ Твою Божественную силу, явленную не точію въ Тебѣ, но и въ подвижцѣхъ свя-

д) Наконецъ, нужно молиться вообще о всѣхъ людяхъ, чтобы Господь вложилъ въ сердце всѣхъ и cadaго любовь къ святому Евангельскому закону и ревность къ его исполненію, чтобы укрѣпилъ душевныя и тѣлесныя силы на добрую, честную дѣятельность, чтобы всѣхъ помиловалъ и

тыхъ Твоихъ и въ судьбахъ Церкви Твоея,—и да вси вѣру имуть, яко Ты еси истинный Сынъ Божій, «Богъ во плоти» (1 Тим. 3, 16), пришедый въ міръ спасти родъ человѣческій.

Господи! Ты реклъ еси во святѣмъ Евангеліи: «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей» (Матѣ. 16, 16). Вопреки симъ Божественнымъ словесемъ Твоимъ иѣщии въ гордыни своей отрицають Церковь Твою, не приѣмлють святыхъ апостольскихъ преданій, отстають уставленные Тобою таинства, не почитаютъ угодниковъ Твоихъ, хулятъ святыя иконы, яже Церковь употребляетъ въ напомианіе о Тебѣ и святыхъ Твоихъ. Смири, Господи, гордыню и противленіе людей сихъ, отъими «лежащее на сердцѣ ихъ покрывало» (2 Кор. 3, 15), да вѣдятъ, яко множество мучениковъ кровію своею запечатлѣша истину Православныя Церкви, многочисленный ликъ святителей утверди ученіе ея, яко святое и Божественное, многочисленныя соборы преподобныхъ и праведныхъ, просіявшихъ святостію житія въ Церкви Православнѣй, воспріяша во спасительныхъ таинствахъ обильныя дары благодати Твоея: да уразумѣютъ вся сія врази святыя Церкви Твоея и да обратятся отъ заблужденія пути своего въ разумъ Твоея Божественныя истины, юже неизмѣнно содержитъ основанная Тобою Православная Церковь. Вразуми, Господи, и хулителей святыхъ иконъ, да вѣдятъ, яко иконы сіи многажды, молитвами вѣрныхъ рабовъ Твоихъ, явша силою Твоею истинныя знаменія и чудеса, яже и древле «пловотязи и убрусцы отъ цота тѣла» Апостола Твоего Павла «наносими на недужныя», даша имъ чудесныя исцѣленія» (Дѣян. 19, 12).

Господи! Семнози, возлюбивше нынѣшній вѣкъ, шепчуться точію о благахъ земныхъ, не помышляють о смерти и жизни будущей, не страшатся Твоего суда и наказанія, и, вознерадивше о молитвѣ и благочестіи христіанствѣмъ, ищуть воспріяти вся благая въ жизни сей. Просвѣти, Господи, помраченныи житейскими сластями умъ людей сихъ, да уразумѣютъ непостоянство благъ земныхъ и пустоту плотскихъ наслажденій, ведущихъ ко грѣху; да познають суету міра и яже въ мірѣ; исправи и обнови ихъ сердце, да воспріимуть въ чувство истинны Твоего Божественнаго ученія, да сподобятся испытати

велъ ко спасенію, ими-же вѣдаетъ судьбами. „Молитесь“, пишетъ о. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій), о всѣхъ близкихъ и дальнихъ искренно, ибо мы можемъ въ сердечной молитвѣ соприкасаться духовно со всѣми любовію своею, хотя съ иными всю жизнь не видимся; молитва всѣхъ объединяетъ,

великое благо молитвы и общенія съ Тобою во спасительныхъ Твоихъ таинствахъ, и да непрестанно пекутся о Твоемъ благоугожденіи; вкорени въ нихъ страхъ Твой Божественный и Твоею всесильною благодатию содѣлай ихъ исполненныхъ вѣры, любви и благихъ дѣлъ; даждь имъ память смертную, да непрестанно помышляютъ о своей кончинѣ, о страшнѣмъ Твоемъ судѣ и жизни будущей, ей же не будетъ конца; настави и укрѣпи ихъ шествовати къ своему спасенію тѣснымъ путемъ воздержанія и обузданія плоти, путемъ молитвы и благочестія, ибо «пространная врата и широкій путь вводитъ въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ», и «узкая врата и тѣсный путь вводитъ въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтають его» (Матѣ. 7, 13—14).

Господи! Се мнози, сластями житейскими ходяще, вдаша себе «въ страсти безчестія» (Римл. 1, 26) и въ «похоти многи несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ ихъ во всегубительство и погибель» (1 Тим. 6, 9); овии одержими суть страстию пѣнства, инии плѣнени суть духомъ гордыни, друзіи суть раби блуда и «страсти похотнѣй» (1 Сол. 4, 5); инии недугуютъ сребролюбіемъ, лихоиманіемъ, злобою, срамословіемъ, завистию, злонравіемъ и прочими страстями, противными святѣй воли Твоей. Умягчи, Господи, сердца людей сихъ и даждь имъ слезное покаяніе и сокрушеніе о своихъ грѣсѣхъ, въ нихъ же многожды впадоша; даждь имъ истинносоть грѣховъ къ Тебѣ обращеніе, всели въ сердца ихъ любовь къ Божественному Слову Твоему, еже есть истинный свѣтъ, указующій намъ путь спасенія; укрѣпи немощныя силы ихъ на преодоленіе борющихся ихъ страстей и на преспѣваніе въ дѣлѣхъ благихъ. Одержимымъ страстию пѣнства даруй познати неразуміе и гибельность страсти сея, научи ихъ воздержанію и трезвости и помози непрестанно памятствовати святыя слова Твоя: «внемлите себе, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ, пѣнствомъ и печальми житейскими» (Лук. 21, 34). Одержимыя духомъ гордыни научи смиренію и даруй имъ слѣдовати Твоему наставленію: «болій въ васъ да будетъ всѣмъ слуга, и иже аще хоцетъ въ васъ быти старѣй, да будетъ всѣмъ рабъ; иже бо вознесетъ смирится, а смиряяй себе вознесетъ» (Матѣ. 23, 11—12; Марк. 10, 44). Недугующимъ похотною страстию даруй цѣломудріе и

согрѣваетъ, освящаетъ, укрѣпляетъ. „Молитесь другъ за друга, да исцѣлѣете“, говоритъ Апостоль (1ак. 5, 16). Напримѣръ: близкаго тебѣ человѣка ты почему либо не можешь видѣть и говорить съ нимъ, но молитвою о немъ искреннею ты можешь приблизить его къ себѣ, къ своему

чистоту помысловъ, да познаютъ благо жизни чистыя и непорочныя; «блудъ же и всякая нечистота ниже да именуется въ насъ, якоже подобаетъ святымъ» (Ефес. 5, 3). Сребролюбцы и лихоимцы вразуми, да вѣдятъ, яко «сребролюбіе есть корень всѣхъ злыхъ» (1 Тим. 6, 10) и «лихоиманіе есть идолослуженіе» (Колос. 3, 5); научи ихъ благотворенію и щедрости, да въ сихъ благихъ дѣлѣхъ обрящутъ истинную радость и веселіе духовное. Имущіи злобу на ближняго да убоятся Божественныхъ словесъ Писанія, яко «всякъ ненавидяй брата своего человѣкоубійца есть» (1 Іоан. 3, 15),—и да тщатся всегда имѣти чистую, святую любовь ко всемъ людямъ, памятуя, яко сія любовь есть «исполненіе закона», «соузъ совершенства» (Римл. 13, 10; Колос. 3, 14). Подугующій срамословіемъ да повинуются наставленію Апостола: «слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ» (Ефес. 4, 29). Одержиміи злонравіемъ и прочими губительными страстями да убоятся Божественныхъ словесъ Писанія: «не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи... ни лихоимцы, ни татіе, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наследуютъ» (1 Кор. 6, 9—10); да обратятъ ихъ словеса сіи къ покаянію и исправленію жизни. Господи милостивый! Осѣни Твоею Божественною благодатию сердца всѣхъ людей сихъ, да возносятъ Тебѣ, яко вѣрніи раба Твои, теплыя молитвы, да воспримутъ во святыхъ таинствахъ обильныя дары, благодати Твоея, да поживутъ по волѣ Твоей и тако спасеніе да удучать.

Яви, Господи, Твою сугубую милость вѣрнымъ рабомъ Твоимъ, тщамся пребывать въ чистотѣ и честнѣмъ жителствѣ; сохрани ихъ, яко «зеницу ока», отъ всякаго зла; помози имъ во всякомъ дѣлѣ блазѣ; испосли на нихъ Твое небесное благословеніе, благостынное; даруй имъ паче и паче преуспѣвати во всякомъ благочестіи и чистотѣ; сподоби ихъ паче и паче познавати Тя—Источника благостыни, и неизреченныя радости—во святыхъ и животворящихъ Тайнахъ Твоихъ, и да ничтоже отлучитъ ихъ отъ любви Твоея. О, милосердый Господи! Со всеми помилуй и мя, многогрѣшнаго раба Твоего, прости вся моя согрѣшенія, вольная и невольная, испосли на мя Твое небесное благословеніе, благостынное; даруй ми

сердцу такъ, какъ бы онъ былъ съ тобою. Онъ будетъ въ сердцѣ твоёмъ, и ты можешь согрѣть сердце его твоею любовію и споспѣшествовать ему въ дѣлахъ его. Такъ и о всѣхъ разумѣй. Много можетъ молитва: она преклоняетъ къ намъ Господа на милость, она низводитъ съ небесъ Матерь

вся сія блага духовныя, яже просихъ другимъ; помози ми, поддержи, вразуми, защити мя, ибо безъ Тебе ничтоже есмь; Твоею всеосвящающею благодатию и всемогущею силою влецы мя къ Тебѣ непрестанно, и всего мя Твоего быти сотвори, да якоже здѣ, милостию Твоею, призвалъ еси мя въ Твое общеніе, тако и въ жизни будущей, молитвами Владычицы Богородицы и всѣхъ святыхъ, сподоби мя недостойнаго быти съ Тобою, и возносити Тебѣ, кунно со Отцемъ и Святымъ Духомъ, молитвы и славословія во вѣки вѣковъ». Аминь.

Примѣчаніе 2. Молитвенныя мысли и чувства ко пресвятѣй Богородицѣ.

«Пресвятая Владычице Богородице, милостивая христіаномъ Помощнице и Заступнице уповающимъ на Тя! Услыши насъ молящихся Тебѣ, яви намъ Твое заступленіе и помощь во-спасеніе. Испроси у Христа Бога, Сына Твоего, всѣмъ намъ: духъ вѣры и страха Божія, духъ смиренія и кротости, духъ любви и милосердія, духъ цѣломудрія и чистоты, со всѣми прочими дарованіи духовными, всѣмъ и коемуждо благопотребными. Сообразны насъ сотвори Сыну Твоему и Богу нашему, и Тебѣ, пресвятѣй Дѣвѣ, Матери Христа, Господа нашего. О, Владычице Богородице! Ты еси пресвятая Молитвенница и Предстательница наша предъ Богомъ: научи и насъ усердно, пламенно, свято молитися. Ты неизреченною святостию и чистотою благоукрашена: содѣлай и насъ причастники Твоей святости, даруй намъ силы побѣждати наша грѣховныя похоти и страсти, настави насъ всегда соблюдать заповѣди Сына и Бога Твоего, всели въ сердца наша любовь и ревность къ жизни святѣй и богоугоднѣй. Ты еси милостивая Покровительница притекающихъ къ Тебѣ съ вѣрою: научи и насъ ко всѣмъ милостивымъ быти, сострадательнымъ, щедрымъ, исполненнымъ вѣры и дѣлъ благихъ. Да будемъ мы помощію Твоею подражатели Господу нашему Іисусу Христу и Тебѣ, пречистѣй и пресвятѣй Богоматери, да будемъ мы, «яко каменіе живо, созидающееся во храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови» (I Петр. 2, 5). О, Владычице, Владычице! Да не вотще и всуе мы именуемъ Тя симъ именемъ! Прійми насъ, грѣшныхъ и немощныхъ, подъ Твое благое попеченіе и не

Божію, св. ангеловъ и св. угодниковъ Божіихъ. Въ Богѣ мы всѣ имѣемъ ближайшее соприкосновеніе, живую связь, хотя бы раздѣлены были огромнымъ пространствомъ и временемъ, или властію, саномъ, званіемъ, состояніемъ“¹⁾).

Кромѣ молитвы за живыхъ, нужно молиться и за умершихъ, ибо любовь и общеніе между людьми не прекращается со смертію тѣла. И мы должны вѣровать, что Господь приметъ наши молитвы за умершихъ и даруетъ имъ упокоеніе. О. Іоаннъ Сергіевъ пишетъ: „Молимся и за умершихъ, и они, если имѣютъ дерзновеніе у Господа, молятся за насъ, не оставаясь у насъ въ долгу, такъ что Господь возмѣриваетъ всегда за любовь, за все доброе, которое мы, по искренней любви, дѣлаемъ въ пользу ближнихъ. Испытующій сердца и утробы награждать за каждый искренній лиши насъ Твоего милостиваго владычества. Ограждай насъ, яко державная Помощница, отъ всякихъ искушеній, находящихъ на ны отъ плоти, грѣшнаго міра и духовъ злыхъ. Избавляй насъ, яко всеблагая Мати, отъ всякихъ бѣдъ, напастей и скорбей житейскихъ, сохраняй отъ паденій грѣховныхъ и соблюдай во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Миръ Сына Твоего и Бога нашего и Твой миръ «да водворяется въ сердцахъ нашихъ» (Котол. 3, 15). Заблудшія же отъ Православныя Вѣры еретики и отступники обрати на путь истины и спасенія; недугующія невѣріемъ утверди въ вѣрѣ и даруй имъ сердцемъ уразумѣти истину и спасительность святыя Православныя церкви; скорбящія и унывающія вразуми и подкрѣпи; кающимся во грѣсѣхъ прощенье испроси; вдовицы, сироты, убогія и вся бѣдствующія прими подъ Твой покровъ и защиту, и всѣмъ намъ ниспосли Твоя богатая милости и щедроты. Въ часъ же смерти предстани намъ, Владычице, и подкрѣпи и сохрани, яко да Твоимъ покровомъ сохраняемъ и защищаемъ, улучимъ христіанскую кончину живота нашего, мирную, радостную, святыхъ и животворящихъ Христовыхъ Таинъ причастную, и добрый отвѣтъ на страшнѣмъ судѣ Сына и Бога Твоего. Можеша бо, Владычице, явити намъ сія милости, ибо имаши велие дерзновеніе у Престола Божія и всемошной молитвы даръ, яко Мати Христа Господа, Бога всемогущаго. Сего ради мы, грѣшніи, все упованіе наше на Тя возлагаемъ и молимъ: Мати Божія! сохрани насъ честнымъ покровомъ Твоимъ, заступи и спаси насъ, Владычице, матерними Твоими молитвами. Аминь.

¹⁾ Прот. І. Сергіева. „Моя жизнь во Христѣ“ Мысли о богослуженіи стр. 187.

вздохъ, за каждую слезу о ближнемъ... Итакъ, будемъ дышать молитвою горячею за всѣхъ, какъ и дѣлаетъ Церковь всегда на каждой службѣ. Особенно каждый священникъ долженъ быть исполненъ горячей любви и молиться за всѣхъ, какъ посредникъ между Богомъ и людьми, какъ самъ обложенный немощами и знающій по опыту немощь челоуѣческой природы¹⁾.

5. Время и мѣсто молитвы.

Богу нужно молиться какъ дома, такъ и во храмѣ. По общепринятому обычаю дома мы молимся до и послѣ принятія пищи, предъ началомъ и по окончаніи дѣла, особенно же молимся утромъ и вечеромъ, совершая тогда болѣе или менѣе продолжительныя молитвы.

Святые отцы и учителя Церкви даютъ наставленія молиться Богу какъ въ указанное время, такъ и въ другіе подходящіе для сего часы дня или ночи, даже всегда, непрестанно. Св. Василій Великій учитъ: „Не должно пренебрегать утра, чтобы первыя движенія души и ума были посвящены Богу, чтобы ничѣмъ другимъ не озабочивались, пока не возвеселены мыслию о Богѣ, по писанному: „помянухъ Бога и возвеселихся“ (Псал. 76, 4); чтобы и тѣло не приводило въ движеніе для дѣланія, пока не исполнимъ сказаннаго: „заутра услыши гласъ мой, заутра предстану Ти и узриши мя“ (Псал. 5, 3—4)... Опять и при наступленіи ночи нужно просить, чтобы успокоеніе наше было непреткновенно и свободно отъ мечтаній²⁾. Въ другомъ мѣстѣ св. Василій Великій даетъ наставленіе молиться Богу всегда, при всякомъ случаѣ. „Сидишь ли за столомъ“, пишетъ онъ, „молись; вкушая хлѣбъ, воздай благодареніе Давшему... Миновалась ли потребность въ снѣдяхъ, да не прекращается память о Благодѣтелѣ. Надѣваешь ли хитонъ,—благодари Давшаго его; одекаешься въ одежду,—усугубь любовь къ Богу, даровавшему намъ покровы, пригодныя для зимы и лѣта. Прошелъ ли день,—благодари Даровавшаго намъ солнце для отправленія дневныхъ дѣлъ и Давшаго огнь освѣщать ночь и служить для прочихъ житейскихъ потребъ. Ночь

¹⁾ Прот. І. Сергіева. „Моя жизнь во Христѣ“ „Мысли о богослуженіи“ стр. 185.

²⁾ Свято-Отеч. Наст. о мол. и трезв. стр. 10—11.

пусть доставитъ тебѣ новыя побужденія къ молитвѣ. Когда возришь на небо и устремишь взоръ на красоту звѣздъ, молись Владыкѣ видимаго и поклонись Художнику всеческихъ Богу, Который вся премудростію сотворилъ. Когда увидишь, что вся животная природа объята сномъ, опять поклонись Тому, Кто посредствомъ сна и черезъ малое успокоеніе опять приводитъ въ бодрость силы. Поэтому и ночь не вся да будетъ у тебя удѣломъ сна,—не допускай, чтобы отъ соннаго безчувствія сдѣлалась бесполезною половина жизни; напротивъ, ночное время да раздѣлится у тебя на сонъ и на молитву. Такимъ образомъ непрестанно будешь молиться, не въ словахъ заключая молитву, но черезъ все теченіе жизни приближаясь къ Богу, чтобы жизнь твоя была непрерывною и непрестанною молитвою“¹⁾. Относительно непрестанной молитвы почти всѣ святые отцы и подвижники христіанскіе даютъ совѣтъ всегда имѣть въ сердцѣ молитву Иисусову: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“. Епископъ Теофанъ пишетъ: „Болѣе всего навикайте молитвѣ Иисусовой: пусть такъ навязнетъ на языкѣ, чтобы онъ сознательно и безсознательно твердилъ ее“²⁾. О той же молитвѣ святой Серафимъ Саровскій такъ заповѣдалъ: „Хотя и сидя, дѣлая и въ церкви стоя, до начала богослуженія, входя и исходя, сіе непрестанно содержи на устахъ и въ сердцѣ твоёмъ. Съ призываніемъ имени Божія ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и тѣлесной, и вселится въ тебя Духъ Святой“³⁾.

Наиболѣе же приличнымъ мѣстомъ для молитвы служитъ храмъ Божій, гдѣ возносится молитва Богу отъ лица всѣхъ людей, гдѣ совершаются св. таинства Церкви, въ особенности же таинство Св. Причащенія. За литургіей, когда оно совершается, молитвы, возносимыя съ вѣрою, особенно сильны предъ Богомъ. Храмъ Божій—это есть небо на землѣ, въ немъ—несомнѣнно—съ нами предстоятъ предъ Богомъ св. ангелы, которыхъ святые нерѣдко сподоблялись видѣть своими тѣлесными очами (патр. Серафимъ Саров. и другіе). Поэтому святые отцы и подвижники христіанскіе заповѣдуютъ намъ посѣщать храмъ Божій какъ можно чаще. Про-

¹⁾ „Свято-отеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи“ стр. 7--8.

²⁾ Еп. Теофана. Письма о хр. жизни стр. 31.

³⁾ Житіе св. старца Серафима над. 6, 1903 г. стр. 83.

тоіерей о. Іоаннъ Сергіевъ пишетъ: „Приходи чаще въ церковь славить Господа или соболѣзновать о своей духовной немощи, о своей бѣдности духовной и грѣховности; никто сильнѣе и искреннѣе не поболитъ съ тобою, какъ Церковь: ея лучшія чада испытали все то, что ты испыталъ, немоществовали какъ и ты, согрѣшали какъ и ты. Она не таитъ отъ тебя, что язва грѣха лютая всѣхъ коснулась, уязвила, растлила;—и всѣ они плакали, молились, страдали, скорбѣли, подвергались великимъ искушеніямъ,—и тебѣ легче будетъ скорбѣть, терпѣть“. „Здѣсь въ Церкви—врачество для великой болящей грѣхами и скорбями души. Блаженъ, кто не чуждается Церкви: онъ вѣрно уврачуется, если будетъ искать врачеванія“¹⁾. Святитель Теофанъ въ своихъ твореніяхъ многократно упоминаетъ о важности и необходимости посѣщенія храма Божія. „Какъ хорошо“, говоритъ онъ, „ходить въ церковь для воспитанія духа молитвеннаго! Устройте же себя бывать чаще въ церкви за обѣденою, или вечернею, или какъ можете. Если-бы всякій день и всѣ службы бывать въ церкви, то скорѣе разверзся бы источникъ молитвы сердечной. Бывайте по крайней мѣрѣ по возможности“²⁾. Говоря о святости храма, какъ мѣста особеннаго присутствія Божія, и совѣтуя всѣмъ нелѣпно посѣщать его, епископъ Теофанъ даетъ прекрасное образное описаніе благоговѣйной молитвы въ немъ, изображая ее въ видѣ креста или въ видѣ птицы. Приведемъ это замѣчательное описаніе. Во главѣ, къ востоку, пишетъ онъ, „надо помѣстить высшія духовныя чувства молитвы. Полагаю: а) *вѣру*, что Господь воистину присущъ во храмѣ особеннымъ Своимъ благодатнымъ присутствіемъ; б) *упокоеніе*, что Господь, какъ Отецъ чадолюбивый, внимаетъ всѣмъ возсылаемымъ къ Нему прошеніямъ и готовъ все исполнить, если того благо наше вѣчное требуетъ; в) *любовь ко храму*, по коей сладостно пребывать въ немъ, какъ въ домѣ родного отца, по коей мирно успокоивается въ немъ духъ, какъ покоится дитя на лонѣ матери. Это—главныя, источныя, сокровенныя расположенія. На противоположной задней сторонѣ, къ западу, надо помѣстить что

¹⁾ Прот. І. Сергіевъ. „Моя жизнь во Христѣ, мысли о богослуженіи“ стр. 13 и 25.

²⁾ Еп. Теофана. Письма о хр. жизни стр. 35.

либо тѣлесное, управляемое однако же духомъ. Помѣстимъ здѣсь тѣломъ подъемлемые труды, кои суть: а) *трудъ не-лѣтностнаго хожденія во храмъ*, безъ отговорокъ, безъ саможалѣнія, по первому зову: б) *трудъ терпѣливаго пребыванія во храмъ*, отъ начала службы до конца, на своемъ всегда одномъ мѣстѣ, безъ передвиженій; в) *трудъ благоговѣйнаго стоянія*—тихаго, съ поклонами, съ очами обращенными долу или горѣ, на иконы или священнодѣйствія, съ ушами, устремленными на поемое и читаемое, безъ озираній и разговоровъ. По правую сторону стануть три положительныхъ дѣла: а) *стояніе умомъ въ сердцѣ въ присутствіи Божіемъ*, сопровождаемое страхомъ, отрезвляющимъ, сообщающимъ бодрость и освѣжающимъ внутреннюю нашу храмину; б) *углубленное вниманіе* въ силу и значеніе всего поемаго, читаемаго, дѣйствуемаго, съ сердцемъ отверстымъ для принятія имѣющихся родиться отъ того чувствъ и расположеній; в) *мирное расположеніе* доброжелательнаго духа ко всѣмъ людемъ, не исключая и враговъ. По лѣвую сторону стануть три отрицательныхъ дѣла: а) *нерасхищеніе мыслей* или непозволеніе уму блуждать по разнымъ мѣстамъ и предметамъ, когда стоишь во храмѣ; б) *необременѣніе сердца заботами житейскими*, нещадно гонящими преданнаго имъ все далѣе и далѣе и неоставляющими ему свободнаго времени для занятія небомъ; в) *непривязанность ни къ чему земному*, или свобода отъ воѣхъ пристрастій земныхъ. Смотрите: вышелъ крестъ молитвенный, духовно устрояющійся въ нашемъ естествѣ, когда ходимъ въ храмы и молимся, какъ должно...

Замѣчаете ли, какъ показанныя чувства и дѣла, будучи расположены въ соотвѣтственномъ порядкѣ, представляютъ собою парящую птицу. Напишите—и увидите, что такъ. Помѣстите тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть главѣ, дѣйствія духа въ молитвѣ, т. е. *вѣру*, что Господь во храмѣ, *упованіе*, что слышитъ молящагося, *любовь* ко храму, какъ къ дому отца. Гдѣ слѣдуетъ быть правому крылу, пишите тамъ положительныя занятія души въ молитвѣ: *стояніе въ присутствіи Божіемъ*, *вниманіе ко всему въ храмѣ* и *миръ со всѣми*. На мѣстѣ лѣваго крыла ставьте то, чего не должна дѣлать душа во время молитвы,—именно: *неразстѣянность*, *безпопеченіе*, *безпристрастіе*. Послѣ сего для хвоста останутся тѣлесные труды въ молитвѣ: *хожденіе во храмъ*, *стояніе въ немъ* и

производство молитвы внѣшними дѣйствіями. А тѣло птицы сей составитъ самая молитва во всѣхъ ея видахъ. Вотъ вамъ молитвенная птица... Какъ птица, вдыхая и выдыхая воздухъ, приводя въ движеніе крылья, голову и другія части, успѣшно летитъ, или только тогда летитъ, когда дѣйствуетъ всѣмъ этимъ: такъ и молитвенное къ Богу восхожденіе не иначе возможно, какъ тогда, когда есть въ насъ всѣ помянутыя дѣла и расположенія. Не будь чего нибудь, дѣло молитвы затруднится или даже прекратится“ ¹⁾.

Въ заключеніе скажемъ словами святителя Тихона Задонскаго:

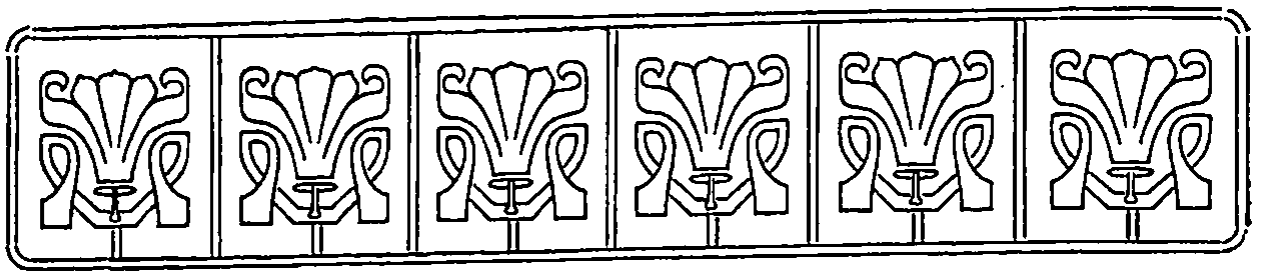
„Приступай убо, христіанине, всегда и вездѣ съ молитвою къ милосердому Создателю твоему, исповѣдуй и признавай нищету твою, бѣдность и окаянство,—и получишь богатство благодати отъ Него“ ²⁾.

Прот. В. Добровольскій.

¹⁾ Еп. Теофана. Письма о хр. жизни стр. 140—143.

²⁾ Творенія св. Тих. Зад. т. 4 стр. 41.

ОСНОВЫ ВѢРЫ И ЗНАВІЯ (РЕЛИГІИ И НАУКИ) ПО ДАНЫМЪ ЯЗЫКА.

(Замѣтки по поводу „Ѳеодицеи“ свящ. Павла Флоренскаго „Столпъ и Утвержденіе Истины. Опытъ православной Ѳеодицеи въ 12 письмахъ“. Москва, 1914 г. с. 809. Ц. 3 р. 50 к.).

„Вопросы вѣры не какіе нибудь вопросы, а существенно необходимые для самой жизни нашей. Мы вынуждены выбрать либо вѣру, либо невѣріе, пока живы“.

(„Ѳеодицея“, с. 797.).

(Продолженіе)*).

II.

Итакъ, люди самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, вкусовъ и требованій сошлись въ одномъ: трудъ о. Павла явленіе привлекательно выдающееся; не познакомиться съ нимъ всякому истинно образованному челоуѣку—потерять многое. Книга разумомъ проникаетъ *in medias res* челоуѣческой души, написана горячею *любовью* къ страждущему собрату, а за такую „мыслью добраго“ желанія послѣдуетъ нѣкая ревность, горячностью своею уподобляющаяся огненнымъ углямъ, и не допускаетъ, чтобы приблизилось къ ней какое-либо сопротивленіе, препятствіе и преграды... Стремленіе къ Столпу и Утвержденію Истины осуществляется и сохраняется *ревностью*, этою для современнаго сознанія загнанною и презрѣнною силою нашего духа“¹⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 19 за 1914 г.

¹⁾ „Ѳеодицея“, с. 482.—Во избѣжаніе разнотолковъ при передачѣ чужого мнѣнія, памятуя знаменательныя слова Потебни: „Всякое пониманіе есть пониманіе по-своему—“по-возможности буду держаться текста авторскаго.

Эти три силы даютъ мощь изслѣдованію, и оно „хватаетъ за сердце“, вызывая горячія нападки и живѣйшій обмѣнъ мыслями въ самыхъ существенныхъ моментахъ: вѣдь роль разума въ вѣрѣ—это на протяженіи вѣковъ камень преткновенія, мѣсто, гдѣ поломано много копій, а поле все еще не очистилось отъ ратей борцовъ. Неудивительно, что отецъ Павелъ какъ бы мѣстами подмѣняетъ свою тему, добываясь рѣшенія вопроса, возможенъ ли разсудокъ (разумъ) въ дѣлахъ вѣры и какъ, въ какой мѣрѣ. Отсюда—мучительно захватывающія страницы о скепсисѣ и блестящія, глубокія толкованія антиномій.

Обратимся къ самой книгѣ и пройдемъ по ея обширнымъ, тучнымъ полямъ вслѣдъ за авторомъ, чтобы дать хотя самое общее представленіе о послѣдовательности его хода мыслей. Подзаголовокъ ея гласитъ: „опытъ православной Теодицеи въ двѣнадцати письмахъ“ (къ другу).

— „Теодицея—„оправданіе Бога“—религіозно-философское доказательство совмѣстимости существованія мудраго и благого Провидѣнія съ наличностью зла и несчастья. Древнѣйшій опытъ теодицеи—книга Іова. Строго научное опредѣленіе теодицеи получила въ 1712 г. въ сочиненіи Лейбница „Essai de theodicée, sur la bonté de Dieu, la liberté de l'homme et l'origine du mal“.—А вотъ предъ нами и „православная теодицея“ по такому пути: „Два міра.—Сомнѣніе.—Триединство.—Свѣтъ Истины.—Утѣшитель.—Противорѣчіе.—Грѣхъ.—Геена.—Тварь.—Софія.—Дружба.—Ревность“¹⁾.

— Въ чемъ же сущность этого новаго опыта?

¹⁾ Кромѣ этихъ основныхъ 12 „писемъ“ книга заключаетъ въ себѣ еще слѣдующее: „Къ читателю.—Послѣсловіе.—Нѣкоторыя понятія изъ ученія о безконечности.—Задача Льюиса Керроля и вопросъ о догматѣ.—Ирраціональности въ математикѣ и догматѣ.—Понятіе тождества въ схоластической философіи.—Понятіе тождества въ математической логикѣ.—Время и Рокъ.—Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка по ученію Слова Божія.—Икона Благовѣщенія съ космическою символикою.—Къ методологіи исторической критики.—Бирюзовое окруженіе Софіи и символики голубого и сянго цвѣта.—„Амулетъ“ Паскаля.—Къ исторіи термина „антиномія“.—Эстетизмъ и религія.—Гомотипія въ устройствѣ человѣческаго тѣла.—Замѣтки о Троичности.—Основные знаки и простѣйшія формулы логики (для справокъ).—Примѣчанія и мелкія замѣтки (—огромной цѣнности).—Разъясненія нѣкоторыхъ символовъ и рисунковъ.

— „Единственный законный способъ познанія догматовъ—живой религіозный опытъ... Только опираясь на непосредственный опытъ, можно обозрѣть и оцѣнить духовныя сокровища Церкви“¹⁾.—„Многими вѣками, изо дня въ день собиралось сюда сокровище... Какъ лучшія жемчужины, сыпались сюда слезы чистыхъ сердець... Затаеннѣйшія чаянія, сокровеннѣйшіе порывы къ богоуподобленію, лазурныя, послѣ бурь наступающія, минуты ангельской чистоты, радости богообщенія и святыя муки остраго раскаянія, благоуханіе молитвы и тихая тоска по небу, вѣчное исканіе и вѣчное обрѣтеніе, бездонно глубокія прозрѣнія въ вѣчность и дѣтская умиренность души, благоговѣніе и любовь—любовь безъ конца... Текли вѣка, а это все прибывало и накапливалось“²⁾.

— „Вѣдь, церковность—вотъ имя тому пристанищу, гдѣ умиряется тревога сердца, гдѣ усмиряются притязанія разсудка, гдѣ великій покой нисходитъ въ разумъ“³⁾.—„Церковность первѣе отдѣльныхъ проявленій своихъ... она есть та бого-человѣческая стихія, изъ которой, такъ сказать, сгущаются и выкристаллизовываются въ историческомъ ходѣ церковнаго человѣчества чино-послѣдованія таинствъ, формулировки догматовъ, каноническія правила и, отчасти даже, текущій и временный укладъ церковнаго быта... Тамъ, гдѣ нѣтъ духовной жизни,—необходимо нѣчто внѣшнее, какъ обезпеченіе церковности. Определенная должность папы, или совокупность, система должностей, іерархія,—вотъ критерій церковности для католика. Определенная вѣроисповѣдная формула, символъ, или система формулъ, текстъ писанія,—вотъ критерій церковности для протестанта. Въ конечномъ счетѣ тамъ и тутъ рѣшающимъ является понятіе... Но, становясь высшимъ критеріемъ, понятіе тѣмъ самымъ дѣлаетъ уже ненужнымъ всякое проявленіе жизни... Всякое движеніе жизни неизбежно переливается за намѣченныя понятіемъ границы и, тѣмъ самымъ, оказывается вреднымъ, нетерпимымъ... Если въ католицизмѣ можно усматривать фанатизмъ каноничности, то въ протестантствѣ—ни сколько не меньшій фанатизмъ научности.—Неопредѣлимость

1) „Феоидея“, с. 3.

2) Ib., 4.

3) Ib., 5.

православной церковности есть лучшее доказательство ея жизненности... Нѣтъ понятія церковности, но есть сама она, и для всякаго живого члена Церкви жизнь церковная есть самое опредѣленное и осязательное, что знаетъ онъ... Если ужъ надо къ ней примѣнять какія-нибудь понятія, то ближе всего сюда подойдутъ понятія не юридическія и не археологическія, а біологическія и эстетическія.—Что такое церковность? Это новая жизнь, жизнь въ духѣ. Каковъ же критерій правильности этой жизни?..—Особая красота духовная... неуловимая для логическихъ формулъ... Православіе показуется, но не доказуется... Можно стать католикомъ или протестантомъ по книгамъ, нисколько не соприкасаясь съ жизнью,—въ кабинетѣ своемъ. Но чтобы стать православнымъ, надо окунуться разомъ въ самую стихію православія, зажить православно,—и нѣтъ иного пути“¹⁾).

— Но вотъ вопросъ, какъ же „зажить“ этой новой жизнью, какъ окунуться въ ея нѣдра; гдѣ и какъ „показуется“ православіе?—Конечно, въ общеніи тѣснѣйшемъ людей, составляющихъ эту церковь, это собраніе вѣрующихъ, а таковое—въ молитвѣ, въ общей рѣчи о Христѣ, въ живомъ языкѣ народномъ, шагающемъ, пока онъ живъ и дѣйственъ, черезъ мертвыя понятія. Не даромъ о. Павелъ склоненъ, если ужъ примѣнять къ жизни церковной понятія, то біологическія и эстетическія, на коихъ постоянно вѣется живая жизнь языка, отлагая въ запасный капиталъ понятія юридическія. Не даромъ славянскій языкъ наиболѣе емокъ (на-ряду лишь съ греческимъ) для Евангельскихъ истинъ (стоитъ—для наглядности—лишь сравнить тексты славянскій и латинскій или французскій). Здѣсь быть можетъ у о. Павла не вполне сознаваемое—основаніе и отрицательнаго отношенія къ „интеллигентскому“ умствованію по поводу вопросовъ вѣры, какъ антиподу „чистой непосредственности народа, невольно тянущейся къ праведникамъ“, находящей себѣ у нихъ „и утѣшеніе въ нѣмой скорби, и радость прощенія, и красоту небснаго празднества“²⁾. Вѣдь языкознаніе, понимающее сущность рѣчи живой, давно уже борется съ логизмомъ, съ его мертвящими формулами, признавая даже возможность мышленія безъ словъ,—формулами, но въ то

1) Ib., 6, 7 и 8.

2) Θεοδιцеα, с. 3.

же время и отмѣчая въ нихъ грозное *memento mori* для живой, развивающейся рѣчи, предѣлъ захвата коей не положенъ; въ ней образъ вѣчнаго—„богоподобія“. Не даромъ и о. Павелъ, не будучи по образованію языковѣдомъ, такъ часто и такъ тонко-глубоко пользуется данными научнаго языкознанія¹⁾, проникая этимъ путемъ въ „нутро“ народнаго пониманія насущнѣйшихъ вопросовъ. Слово, по своей гибкости и емкости, приспособлено для овладѣванія новыми горизонтами по мѣрѣ развитія человѣка: тамъ, гдѣ оно перестаетъ захватывать какъ знакъ понятія (прозаическое, научное), оно становится образомъ, символомъ (поэзія, религія), давая возможность заглянуть въ самыя отдаленныя дали и глубочайшія глубины вѣдѣнія. А русскому слову, русскому народу, въ силу многихъ благопріятно стекшихся обстоятельствъ, дана особенная воспримчивость въ вопросахъ Богопознанія. Я позволю себѣ привести часть одного изъ „примѣчаній“ о. Флоренскаго, освѣщающаго одновременно и данный вопросъ и характеризующаго, какія важныя мысли убранны имъ въ петитъ „мелкихъ примѣчаній“.—„На долю народа русскаго выпало рѣдкое счастье получить христіанство тогда, когда еще почти не успѣли выразиться черты національнаго самоопредѣленія. Христіанство не сталкивается тутъ ни съ оформившимся ученіемъ, ни съ богатымъ культомъ какой-либо иной религіи; не находитъ укоренившихся нравственныхъ привычекъ или государственныхъ стремленій. Самый языкъ, еще незапятнанный и гибкій, доврчиво даетъ устроить изъ себя сосудъ благодати. Однимъ словомъ, хр—во попадаетъ въ души младенческія, и все дальнѣйшее возрастаніе ихъ, все внутреннее устроение

¹⁾ Однако съ примѣчаніемъ о. Павла подъ № 773—о томъ, будто бы „философія творитъ языкъ“ или „творецъ языка—поэтъ или философъ“ (с. 786) согласиться никакъ нельзя: опредѣлить творца языка какъ личность, какъ индивидуальное лицо, невозможно: это происходитъ исподволь, „подготовляясь“ годами, вѣками въ толщѣ народной (гдѣ даже творца пѣсни, пословицы, сказки уловить нельзя), что же касается поэтовъ, философовъ и ученыхъ, то они могутъ лишь по-своему использовать то или иное слово или сочетаніе таковыхъ, придать новый оттѣнокъ („развитіе ума“—не существ. до Ломоносова сочетаніе) по-своему примѣнить готовое; созданіе же новыхъ словъ отдѣльными лицами—явленіе рѣдчайшее,—образецъ „нападъ“ (мысли) вм., „ажтъ“ у Потебни.

ихъ совершалось подъ прямымъ водительствомъ Церкви. Весьма понятно, что народный духъ, такъ сложившійся, не могъ не быть существенно православнымъ. Если же прибавить сюда еще природную мягкость русскаго характера, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что православіе должно было запечатлѣться на этомъ воскѣ со всеми особенностями той передачи, къ которой предназначило Провидѣніе первоучителя славянъ, духовнаго родителя русскаго народа, — св. равноапостольнаго Константина, въ монашествѣ Кирилла... Все житіе его пронизано софійными тонами. Это не египетскій или палестинскій авва, въ истощаніи своемъ нашедшій свое спасеніе, а мужъ царственныхъ богатствъ и пышности, житіемъ своимъ благословляющій не отсѣченіе, а преображеніе полноты бытія. Не рѣзкій поворотъ отъ грѣха къ чистотѣ характеренъ для подвига св. Константина, но благодатная непрерывность въ его ростѣ... Извѣстно, какіе успѣхи проявилъ сей отрокъ въ ученіи... Онъ изучилъ Гомера, геометрію, діалектику, философію подъ руководствомъ Льва и Фотія, изъ коихъ второй былъ патріархомъ цареградскимъ. Кромѣ того, онъ изучилъ риторику, ариметику, астрономію, музыкальное искусство и вообще все свѣтскія науки и зналъ, кромѣ греческаго языка, языки латинскій, сирскій и др. Онъ былъ прозванъ философомъ... Отказавшись отъ знатной, богатой и прекрасной невѣсты, онъ былъ возведенъ въ іерейскій санъ и сдѣланъ бібліотекаремъ при храмѣ св. Софіи. Вотъ отъ этого-то избранника Софіи и получило начало русское православіе. Удивительно ли, что Та, которая избрала Константина на просвѣщеніе народа русскаго и побудила его къ этому подвигу, стала, особенно на первыхъ порахъ, особой Покровительницей новопросвѣщеннаго народа-младенца и что икона ея возникла впервые именно здѣсь и стала народною святынею¹⁾).

Отсюда быть можетъ столь яркое отграниченіе у насъ двухъ міровъ: „того свѣта“, гдѣ все умиротворяется, разрѣшается въ гармонію, и этого—суетнаго. „Да, въ жизни все мятется, все зыблется въ миражныхъ очертаніяхъ. А изъ глубины души подымается нестерпимая потребность опереть себя на „столпъ и утвержденіе Истины“... τηληθείας, а не

¹⁾ „Θεοδιцея“, примѣч. № 694 (см. стр. 772—4).

просто ἀληθείας—не одной изъ истинъ, не частной и дробящейся истины человѣческой... Но Истины всецѣлостной и вѣко-вѣчной,—Истины, единой и Божественной... Той Правды, которая... есть „солнце міру“¹⁾, а по народной мудрости: „все минется, одна Правда останется“.

Какъ же подойти къ этому Столпу, какъ узнать его? „Этотъ вопросъ неизбежно вводитъ насъ въ область отвлеченнаго знанія. Для теоретической мысли „Столпъ Истины“ это—достоверность, certitudo... что Истина, если она достигнута мною, дѣйствительно есть то самое, чего я искалъ“²⁾. Это вопросъ логическаго мышленія, мыслительныхъ выкладокъ, а живая мысль прежде всего поставитъ вопросъ, а что же такое сама Истина, и, сообразно даннымъ и средствамъ каждаго языка, въ зависимости отъ индивидуальных данныхъ языка (для личности) и національно индивидуальных—для народа, дастъ рядъ отвѣтовъ, порою быть можетъ весьма неожиданныхъ, даже странныхъ для логическаго ожиданія, для юридической нормы мысли. И здѣсь ясно скажется степень подготовленности народа къ воспріятію тѣхъ или иныхъ высотъ Богооткровеннаго.

„Наше русское слово „истина“ лингвистами сближается съ глаголомъ „естъ“ (истина—естина). Такъ что „истина“, согласно русскому о ней разумѣнію, закрѣпила въ себѣ понятіе абсолютной реальности. Истина—„сущее“, подлинно существующее“³⁾.

„Русскій языкъ отмѣчаетъ въ словѣ „истина“ онтологическій моментъ этой идеи. Поэтому „истина“ обозначаетъ абсолютное само-тожество, и следовательно, само-равенство, точность, подлинность“⁴⁾. Съ точки зрѣнія исторической (этимологической) тотъ корень, отъ котораго происходитъ это слово—„есмь, естъ“, звучитъ по гречески „εἶμι“ (εἶμι) по лат. „(e) sum, est“, по нѣм. „ist“, въ санскритѣ—*as'mi, asti*—первоначально означалъ „дыханіе, дуновеніе“—какъ основу всякой жизни, что сохранилось и въ современномъ русскомъ языкѣ: „Живъ?—Да, дышитъ“ или „Есть!—живъ.—живетъ!—силенъ!“⁵⁾ Ступени убывающей конкрет-

¹⁾ Феодисея, с. 12.

²⁾ Ib. 15.

³⁾ Феодисея, с. 15.

⁴⁾ Ib., 16.

ности основного значенія таковы: „дышать, жить, быть“.— „Возвращаясь теперь къ понятію истины въ *русскомъ* ея разумѣніи, мы можемъ сказать: истина—это „*пребывающее существованіе*“; это—„*живущее*“, „*живое существо*“ (—ср. польское *istota*—существо), „дышащее“, т. е. владѣющее существеннымъ условіемъ жизни и существованія. *Истина, какъ существо живое по преимуществу,—таково понятіе о ней у русскаго народа.* Не трудно, конечно, подмѣтить, что именно такое пониманіе истины и образуетъ своеобразную и самобытную характеристику русской философіи“¹⁾. „*Совсѣмъ другую сторону подчеркиваетъ въ понятіи истины древній Эллинъ*“.—„*Α—λήθεια*—т. е. нѣчто способное пребываетъ въ потокѣ забвенія (—отъ „*λήθη*—*λανθάνω*“), въ летеискихъ струяхъ чувственнаго міра,—*нѣчто превосходящее время, нѣчто стоящее и не текущее*—вѣдь въ жизни „*πάντα ῥεῖ ἀὶ κινεῖται, καὶ οὐδὲν μένει*“—жаловался уже Гераклитъ). *Нѣчто вѣчно памятуемое.* Истина есть вѣчная память какого то Сознанія; истина есть цѣнность, достойная вѣчнаго памятованія и способная къ нему... Память хочетъ остановить движеніе... *Незабвенное сущее, котораго ищетъ сознаніе*, эта *ἀλήθεια* есть покоящійся потокъ, пребывающее теченіе, неподвижный вихорь бытія. Самое стремленіе памятовать, эта „*воля къ незабвенности*“, превышаетъ разсудокъ... Тѣмъ не менѣе, древній Эллинъ требовалъ отъ *Истины того же самаго признака, который указывается и Словомъ Божиимъ*, ибо тамъ говорится, что „*Истина Господня пребываетъ во вѣкъ*“²⁾.

И вотъ эти данныя въ языкѣ, въ національномъ сознаніи Эллина создали возможность въ этой языческой средѣ возрасти столь высокимъ и глубокимъ философскимъ умамъ (Сократъ, Платонъ), что ихъ нерѣдко именуютъ „христи-

¹⁾ Пб. 17.—См. весьма характерное примѣчаніе подъ № 16 (на с. 614—5): „На почвѣ этой особенности, онтологизма, возникаетъ у русскихъ мыслителей тяготѣніе къ реализаціи своихъ идей, жажда осуществленія высшей правды. Эта характерная черта подмѣчалась даже людьми весьма нечуткими къ религіозному духу нашей философіи. Такъ, по Мечникову, перенесеніе западныхъ идей на русскую почву совершается съ неизбѣжнымъ субъективнымъ отгѣнкомъ, и выражающимся гл. обр. въ стремленіи провести теоретическіе принципы на практикѣ“.

²⁾ Пб., с. 17, 18 и 19.

анами до Христа“; и эта подготовленность рѣчи къ наполненію ея новымъ содержаніемъ дала возможность передавать на этомъ языкѣ такія тонкости Евангельскаго ученія, каковыя часто не укладываются въ формы и болѣе новыхъ языковъ (хотя бы нѣмецкаго, гдѣ положимъ для слова „бѣсы“ — *τὰ δα, μόνια* — не находится подходящаго термина, схватывающаго сущность явленія). Римляне, — согласно своей всемирной извѣстности въ области законодательства, правовой, юридической, — высшими своими устремленіями народнаго духа и языка упираются въ этотъ предѣлъ, не отпускающій далеко отъ земли. „Латинское слово *veritas*, истина происходитъ, какъ извѣстно, отъ *V var*... сокореннаго русскому слову „вѣра“ (вѣрить) (— ср. нѣм. *Wahr, Wahrheit* и франц. *verité* прямо происходящее отъ латин.)... „Культовая область *V var* и тѣмъ болѣе слова *veritas* наглядно выступаютъ при обзорѣ латинскихъ же сокоренныхъ словъ. Такъ глаголь *ver-e-or* или *re-ver-e-or*... остерегаюсь, берегу, боюсь, благоговѣю со страхомъ, первоначально безспорно относился къ мистическому страху и происходящей отсюда осторожности при слишкомъ близкомъ подхожденіи къ священнымъ существамъ, мѣстамъ и предметамъ... Отсюда — католическій титулъ духовныхъ лицъ. — *Reverendus* или *reverendissimus pater* — это лицо, съ которымъ надо обходиться уважительно, осторожно, боязненно, — иначе можетъ худо выйти... *Verus* означаетъ собственно защищенный, обоснованный, въ смыслѣ табуированный, заклятый. *Verdictum* — вердиктъ, приговоръ судей, — конечно, въ смыслѣ религиозно-обязательнаго постановленія лицъ, завѣдывающихъ культомъ, ибо право древности есть не болѣе, какъ одна изъ сторонъ культа... Слово *veritas* вообще поздняго происхожденія, всецѣло принадлежало къ области права и лишь у Цицерона получило значеніе философское, да и вообще теоретическое, относящееся до области познанія“, но все же и въ этой стадіи оно „лишь изрѣдка равняется „истинѣ“ приблизительно въ нашемъ пониманіи. — Религиозно-юридическое по своему корню, морально-юридическое по своему происхожденію отъ юриста, слово *veritas* и въ послѣдствіи сохраняло и отчасти усилило свой юридическій оттѣнокъ“. (Болѣе позднія значенія *veritas* — отводъ свидѣтеля, судебное разслѣ-

дованіе, право, привиллегія—особенно въ отношеніи имущества и т. п.)¹⁾.

„Древній еврей, да и семитъ вообще, въ языкѣ своемъ запечатлѣлъ опять особый моментъ идеи Истины, моментъ историческій или, точнѣе, *эоократическій*. Истиною для него всегда было Слово Божіе. *Неизмѣняемость* этого Божія обѣтованія, *вѣрность* его, *надежность* его—вотъ что для еврея характеризовало его въ качествѣ Истины. *Истина это надежность*. „Скорѣе небо и земля прейдутъ, нежели одна черта изъ закона пропадетъ; этотъ безусловно непреложный и неизмѣнный „законъ“ есть то, чѣмъ въ Библии представляется Истина“.

Соотвѣтствующее нашему „истина“ слово „эмет“ (v. эмес) и происходящій отсюда глаголь „аман“ (=подперъ, поддержалъ) имѣютъ множество ступеней значеній: „Былъ крѣпокъ, твердъ (—какъ подпертый, поддержанный—), поэтому,—былъ непоколебимъ; слѣдовательно, *былъ таковъ, что на него съ безопасностью для него можно опереться*, и, наконецъ, былъ вѣренъ. Отсюда, слово *аман* или новозавѣтное *αμην*, *аминь* означаетъ: „слово мое крѣдко воистину, конечно, такъ должно быть, да будетъ, fiat“ и служить формулою для скрѣпленія союза или клятвы, а также употребляется въ заключеніи доксологіи или молитвы.

...Смыслъ слова „аминь“ хорошо уясняется изъ Откр.: „сіе глаголетъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный“; ср. Ис. — „элогэ 'аманъ—Богъ, которому должно довѣриться“. Отсюда понятна вся совокупность значеній слова „эмет“... *Твердость, устойчивость, долговременность*; отсюда—*безопасность*. Далѣе *вѣра—вѣрность, fides*, въ силу которой, кто постояненъ въ себѣ, тотъ сохраняетъ и выполняетъ обѣщаніе,—понятія Treue и Glaube. Понятна, затѣмъ, связь этого послѣдняго понятія съ *честностью, цѣлостностью души*. Какъ признакъ судьи или судебного приговора... *справедливость, истинность*. Какъ признакъ внутренней жизни, она противопоставляется притворству и имѣетъ значеніе *искренности*, — по преимуществу въ *богопочитаніи*. И наконецъ соотвѣтствуетъ нашему слову *истина, въ противоположность лжи*... Итакъ, *Истина для еврея, дѣйствительно,*

¹⁾ Ib., с. 19, 20, 21.

есть „вѣрное слово“, „вѣрность“, „надежное обѣщаніе“. А такъ какъ надѣяться „на князи, на сыны челоуѣчестіи“—тщетно, то подлинно надежнымъ словомъ бываетъ лишь Божіе Слово; Истина есть непремѣнное обѣтованіе Божіе, обезпеченіемъ котораго служить вѣрность и неизмѣнность Господа. *Истина, слѣдовательно, есть понятіе не онтологическое, какъ у славянъ, и не гносеологическое, какъ у эллиновъ, и не юридическое, какъ у римлянъ, а историческое или скорѣе священно-историческое, евократическое*. — И опять таки какъ ярко въ языкѣ отразились основныя національныя черты еврейства!— „Терминъ русскій и греческій—характера философскаго, тогда какъ латинскій и еврейскій—соціологическаго. Я хочу этимъ сказать, что въ пониманіи русскаго и эллина Истина имѣетъ непосредственное отношеніе къ каждой личности, тогда какъ для римлянина и еврея она опосредствована обществомъ“¹⁾.

Итакъ, русское „истина“—непосредственно личное отношеніе по содержанію, греческое „*Αλήθεια*“—личное лишь по формѣ; еврейское „эметъ“—уже посредственное (черезъ общество), хотя и по содержанію, а латинское „*veritas*“ и опосредствовано лишь по формѣ.—Слѣдовательно самыя основы воспріятія „Истины“, основы вѣры заложены у различныхъ народовъ въ языкѣ своеобразно. А такъ какъ „изученіе“, т. е. науко-образное постиганіе всего воспріятого непосредственно нашими чувствами, начинается съ установленія культа, съ такой или иной ступени богопочитанія и богопознанія, то здѣсь же, въ языкѣ, въ народномъ укладѣ богопониманія необходимо искать и корней знанія (науки въ собственномъ смыслѣ), иначе мы должны будемъ отказаться отъ историческаго взгляда. Объ этомъ рѣчь ниже, а пока продолжимъ слѣдовать за о. Павломъ.

Легче всего подойти вплотную къ истинѣ тому, кто видитъ въ ней „существо живое по преимуществу“.—Истину, для кого она прямо таковою „показывается, а не доказуется“; для кого „достоувѣрность—есть чувство истины“; для кого „критерій истины—состояніе обладающаго истиной духа, состояніе полной удовлетворенности, радости, въ которомъ отсутствуетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что выставленное

¹⁾ Ib. с. 21, 22.

положеніе соотвѣтствуетъ подлинной дѣйствительности“¹⁾. Такъ оно было у первыхъ христіанъ, чему рядъ свидѣтельствъ въ Евангеліи. Такъ оно было и на Руси во времена Владиміра Святого, когда радость, веселье, пиры царили за княжескимъ столомъ христіанина князя, когда это безмятежіе духа ставилось даже въ укоръ аскетическими теченіями востока. Такъ оно есть и понынѣ въ нѣдрахъ русскаго народа, гдѣ жива вѣра въ эту Истину, гдѣ Его святая воля превышаетъ нашего крайняго разумѣнія, гдѣ для „народа-младенца“ открыты двери царствія по слову Христа: „не браните приходите ко мнѣ, таковыхъ бо есть царствіе Божіе“.

И, наоборотъ, Пилать, даже предрасположенный видѣть во Христѣ нѣчто необычное, стоя передъ самой Истиной, вопрошаетъ „что есть истина“, т. к. юридическаго критерія для признанія этой Истины за истину у него нѣтъ. А еврейство, не находя въ живой Истинѣ признаковъ для узнанія своей истины, кричитъ: „распни Его, распни!“—Что же долженъ предпринять эллинъ для познанія истины по своему мѣрилу? Приблизительно то же, что современный челоуѣкъ науки, современный интеллигентъ, взросшій и воспитавшійся *mutatis mutandis* на началахъ эллинской культуры: онъ долженъ ее лично, своими средствами, разумомъ попытаться доказать ея незыблемость, вѣчность. Это путь тернистый, мучительный, ужасный, черезъ зіяющій проломъ между конечнымъ и безконечнымъ, между смертью и жизнью. И ужасы этой борьбы разума съ вѣроу, адскія муки скепсиса, пережиты о. Флоренскимъ, очерчены имъ захватывающе-мучительно.—„Истина, какъ истина открывается мнѣ посредствомъ моего утвержденія ея... Всякое сужденіе или черезъ себя или черезъ другого, т. е. оно или дано непосредственно или посредственно, какъ слѣдствіе другого, имѣя въ этомъ другомъ свое основаніе... Всѣ три вида самоочевидной интуиціи (чувственно-эмпирическая, трансцендентально-раціоналистическая и подсознательно-мистическая)—имѣютъ одинъ общій недостатокъ: это голая ихъ данность, ихъ неоправданность. Такую данность сознаніе воспринимаетъ какъ что-то внѣшнее для себя, принудительное, механическое, напирющее, слѣпое, тупое, наконецъ, неразумное, и потому условное!..

¹⁾ Феодицея, с. 23.

Въ чемъ разумъ этого само-тождества непосредственной данности?—Въ томъ, что и вообще всякая данность есть она сама: всякое A есть A .— $A=A$. Таковъ послѣдній отвѣтъ. Но эта тавтологическая формула, это безжизненное и потому бессмысленное тождество ...переносить нашъ частный вопросъ съ единичной данности на данность вообще... Если мы натолкнулись ранѣе на камень, то теперь намъ заявлено, что это—не отдѣльный камень, а глухая стѣна, охватывающая всю область нашей пытливости... Эта формула обрекаетъ на пребываніе въ конечномъ и, слѣдовательно, случайномъ. Она заранѣе утверждаетъ раздѣльность и эгоистическую обособленность послѣднихъ элементовъ сущаго, разрывая тѣмъ всякую разумную связь между ними.

...Законъ тождества ¹⁾, претендующій на абсолютную всеобщность, оказывается не имѣющимъ мѣста рѣшительно нигдѣ... Разъ наличная данность является критеріемъ, то такъ—абсолютно вездѣ и всегда. Поэтому всѣ взаимно-исключающія A , какъ данныя, истинны—все истинно...,—внутреннее противорѣчіе... Только фикціи (атомъ, монада и т. п.), только впостазированное отвлеченіе отъ момента и точки, въ себѣ не „сущихъ“, подлежатъ формулѣ $A=A$; это царство смерти.

Итакъ, непосредственная данность интуиціи всѣхъ 3 родовъ (объективной, субъективной и с.-объективной) не даетъ достовѣрности ²⁾.—То же и въ дискурсіи,—сужденіи опосредствованномъ, являющемся въ другомъ оправданнымъ, т. е. безконечнымъ рядомъ переходовъ отъ одного къ другому, и нѣтъ конца этому оправдыванію данной дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, разъ ужъ кто оставилъ дѣтскую вѣру, вступилъ на путь объясненій и обоснованій, для того неизбежно... безпредѣльное отступленіе назадъ, regressus in inde-

¹⁾ Понимаемый какъ „совокупность аналитическихъ законовъ мышленія“ (т. е. закона тождества, з. противорѣчія и з. исключеннаго третьяго), т. к. всѣ они говорятъ съ разныхъ сторонъ объ одномъ,—иначе называемый „логическимъ з. формы“ (Ib. 486).

„Законъ тождества означаетъ просто связность нашего мышленія... поведеніе нашего разума относительно объекта... Во всѣхъ 3 аналитич. законахъ раскрывается одна дѣятельность—отъединеніе, разграниченіе и установленіе объекта мышленія; статика мышленія“ (Ib. 486).

²⁾ Ib., с. 24—30.

finitum—нисхождение въ сѣрый туманъ „дурной“ безконечности, никогда не останавливающееся паденіе въ непредѣльность и въ бездонность“... Правда, здѣсь есть оправдываемость, но лишь возможная in potentia, ирреальная: „слѣпая интуиція—синица въ рукахъ, тогда какъ разумная дискурсія—журавль на небѣ“; первая въ корнѣ осуждала рѣшительно всѣ философскія системы, вторая лишь регулятивный принципъ, правило дѣятельности разума, дорога, по которой мы должны вѣчно идти, чтобы... чтобы никогда не придти ни къ какой цѣли. Разумный критерій есть направленіе, а не цѣль. Если слѣпая и нелѣпая интуиція можетъ еще дать успокоеніе уму нефилософскому, въ его практической жизни, то разумная интуиція, конечно, годится лишь для литературныхъ упражненій школы или для научнаго самодовольства кабинета,—для „занимающихся“ философіей, но самое ее ни разу не вкусившихъ... Дилемма весьма грустная. Первый выходъ: тупо опереться въ очевидность интуиціи, въ концѣ концовъ сводящейся къ данности известной организациі, разума, откуда и вытекаетъ пресловутый спенсеровскій критерій достовѣрности. Второй выходъ: безнадежно устремиться въ разумную дискурсію, являющуюся пустою возможностью спускаться ниже и ниже въ глубину мотиваціи.—Но ни тамъ, ни тутъ нѣтъ удовлетворенія въ поискахъ Нетлѣнной Правды. Ни тутъ, ни тамъ не получается достовѣрности. Ни тутъ, ни тамъ не видать „Столпа Истины“¹⁾.

„Нельзя ли подняться надъ обоими препятствіями“?

„Исчерпавъ средства реализма и рационализма, мы невольно поворачиваемся къ скепсису, т. е. къ разсмотрѣнію, къ критикѣ сужденія самоочевиднаго... Основное требованіе скепсиса—...не допускать абсолютно никакихъ недоказанныхъ предпосылокъ, какими бы самоочевидными онѣ не были... Любящій Истину необходимо заботится о томъ, чтобы подъ личиною очевидности не проскользнула къ нему не—истина. Но именно такимъ сомнительнымъ складомъ отличается очевидность. Она—тупое первое, дальше не обосновываемое. А такъ какъ она и не доказуема, то философъ впадаетъ въ *апорію*, въ затруднительное положеніе. Единственное, что

¹⁾ Гб., с. 30, 33.

онъ могъ бы принять, это—очевидность, но онъ и ее не можетъ принять“ 1).

Философъ, мыслитель, „не будучи въ состояніи высказать достовѣрное сужденіе, обреченъ „ἐπέχειν“—медлить съ сужденіемъ, воздерживаться отъ сужденія.—'Ἐποχή или состояние воздержанія отъ всякаго высказыванія—вотъ послѣднее слово скепсиса.—Но что такое ἐποχή какъ устройство души? Есть ли это „невозмутимость, ἀταραξία“,—то глубокое спокойствіе отказавшагося отъ какихъ бы-то ни было высказываній духа, та кротость и тишина, о которыхъ мечтали древніе скептики?.. Выраженная въ словахъ, ἐποχή сводится къ слѣдующему двухъ—составному тезису: „я ничего не утверждалъ; не утверждаю и того, что ничего не утверждаю... Вскроемъ первую половину тезиса:... „Я утверждаю, что ничего не утверждаю (А'); я не утверждаю, что ничего не утверждаю (А'')“, т. е. высказываемъ „объ одномъ и томъ же подлежащемъ,—объ утвержденіи своемъ, А,—въ одномъ и томъ же отношеніи, противорѣчивыя сказуемыя. Но мало того. И та и другая часть тезиса является утвержденіемъ: первая—утвержденіемъ утвержденія, вторая у—мъ неутвержденія... Процессъ пойдетъ далѣе и далѣе, при каждомъ новомъ колѣнѣ удваивая число взаимно-противорѣчащихъ положеній. Рядъ уходитъ въ бесконечность, а рано или поздно, будучи вынуждены прервать процессъ удвоенія, мы ставимъ въ неподвижность, какъ застывшую гримасу, явное нарушение закона тождества. Тогда получается властное противорѣчіе, т. е. заразъ А есть А, А не есть А.—Не будучи въ состояніи активно совмѣстить эти двѣ части одного по-

1) Гр., с. 33, 34, 35. — Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести выдержку изъ одного „филологическаго“ примѣчанія о Павла (подъ № 37, нас. 827—8). „Слово ἀπορία образовано изъ ἀprivativum“ и ὑπορία въ которомъ содержитсяъ понятіе доставленія именно черезъ рожденіе, какъ дѣятельность, приносящую нѣкій плодъ. Поэтому въ сущности выражаетъ идею *безплодія*, производительнаго, слабо—или без-силія, отсутствіе мощи рожденія. Философскіе же термины „ἀπορείν“ и „ἀπορία“, при сравнительно вѣншемъ ихъ пониманіи, означаютъ затруднительное положеніе ума, умственное недоумвіе, интеллектуальную безвыходность, а для болѣе глубокаго разумѣнія, должно означать *безоиміе творческой мысли, неспособность рождать мысли, умственное безплодіе*.. Вотъ почему древніе скептики выбрали слово столь специфическаго оттѣнка.

ложенія, мы вынуждены пассивно предаться противорѣчіямъ, раздирающимъ сознание. Утверждая одно, мы въ этотъ же самый мигъ нудимся утверждать обратное; утверждая это послѣднее—немедленно обращаемся къ первому.

...„Да“ и „нѣтъ“ неразлучны.

Теперь далеко уже сомнѣніе,—въ смыслѣ неуверенности. Началось абсолютное сомнѣніе, какъ полная невозможность утверждать что бы-то ни было, даже свое не-утвержденіе... Скепсисъ обращается въ безконечно-мучительное томленіе, въ потуги, въ агонію духа.

...Вообрази утопающаго, который силится ухватить полированную облицовку отвѣсной набережной; онъ царапается ногтями, срывается, снова царапается и, обезумѣвъ, цѣпляется еще и еще...

Представь себѣ медвѣдя, старающагося спихнуть въ сторону колотушку, подвѣшенную предъ бортевою сосною; чѣмъ дальше толкаетъ онъ бревно, тѣмъ болѣзненнѣе обратный ударъ, тѣмъ болѣе вздымается внутренняя ярость, тѣмъ слаще представляется медъ.—Таково и состояніе послѣдовательнаго скептика. Выходить даже не утвержденіе и отрицаніе, а безумное вскидываніе и корча, неистовое топтаніе на мѣстѣ, метаніе изъ стороны въ сторону,—какой-то нечленораздѣльный философскій вопль. Въ результатѣ же—воздержаніе отъ сужденія, абсолютная ἐποχή, но не какъ спокойный и безстрастный отказъ отъ сужденія, а какъ затаенная внутренняя боль, стискивающая зубы и направляющая каждый нервъ и каждый мускулъ въ усиліи, чтобы только не вскрикнуть и не завѣть окончательно безумнымъ воемъ. Ужъ, конечно,—это не атараксія. Нѣтъ *это наисвирѣпѣйшая изъ пытокъ*, дергающая за сокровенныя нити всего существа, пирроническое, поистинѣ огненное (πυρ—огнь) терзаніе. Расплавленная лава течетъ по жиламъ, темный огонь проникаетъ внутренность костей и, одновременно, мертвящій холодъ абсолютнаго одиночества и гибели леденитъ сознание... Нѣтъ помощи, нѣтъ средствъ остановить пытку, ибо *паллящій огонь Прометея идетъ изнутри, ибо истиннымъ очагомъ этой огневой агоніи является самый центръ философа, его „Я“, домогающееся не-условнаго знанія*... Но это предѣльно-скептическое сомнѣніе возможно лишь какъ неустойчивое равновѣсіе, какъ граница абсолютнаго безумія... *Тутъ за тонкой*

перегородкою,—начало духовной смерти. И потому состояніе предѣльнаго скепсиса возможно лишь въ мгновеніе ока, чтобы затѣмъ—либо вернуться къ огненной пылкѣ Пиррона, къ *ἐποχή*, либо погрузиться въ безпросвѣтную ночь отчаянія, откуда нѣтъ уже выхода и гдѣ гаснетъ самая жажда Истины“ 1).

Я позволилъ себѣ такъ долго остановиться на этой части, такъ какъ она затрагиваетъ особенно наболѣвшій вопросъ современности; около этой темы въ свѣтскихъ журналахъ, по духу далекихъ какъ бы отъ религіозныхъ вопросовъ, является цѣлый рядъ статей, глубоко переживаемыхъ, очевидно терзающихъ лучшіе умы современной науки. Въ концѣ своей статьи я дамъ хотя самые краткіе наброски о нихъ въ связи, конечно, съ настоящей книгой. Да и появившіяся уже критическія замѣтки о „*Θεοδιцеῖς*“ въ этотъ пунктъ главнымъ образомъ устремляютъ свое вниманіе и свои нападки: очевидно здѣсь „*жалю системы*“.

Ниже я приведу нѣсколько соображеній изъ области языкознанія, которыя быть можетъ дадутъ возможность взаимопониманія о Павла и его сторонниковъ—противниковъ во взглядѣ на законъ тожества.

Итакъ, и скепсисъ въ дѣлѣ разысканія настоящей истины не привелъ ни къ чему.—Однако, всѣ пройденные разумомъ пути въ поискахъ Истины не могли остаться безслѣдными, и мы въ нихъ научились подняться и нашимъ разумомъ, не постигающимъ и не могущимъ постигнуть Истину, ступенькой выше. Вѣдь мы все искали положенія, которое абсолютно было бы доказано, а межъ тѣмъ приняли за догматическую предпосылку „утвержденіе насчетъ изначальности абсолютно доказаннаго сужденія... Вѣдь возможно, что искомое положеніе будетъ въ нашихъ рукахъ, но не какъ первое, а какъ некоторый результатъ другихъ положеній,—недостовѣрныхъ“ 2).

Правда, здѣсь опять появится „*ἐποχή*“, но наше теперешнее состояніе будетъ нѣсколько новымъ... Если бы была Истина, то можно было бы поискать ее, можетъ быть, мы найдемъ ее, проходя нѣкоторый путь наудачу, и тогда, можетъ быть, она заявитъ намъ себя, какъ таковая, какъ Истина... Гдѣ основаніе для моего утвержденія? Его нѣтъ... То, что

1) Ib., с. 33—39.

2) Ib. 39.

я вкладываю въ свои слова, есть нѣчто вовсе не логическое... Оно тонъ надежды но не логическое высказываніе надежды. И изъ этого тона слѣдуетъ только то, что *я все-таки попыталось сдѣлать предлагаемую неоправданную, но и не осужденную попытку найти Истину*. Если меня спросятъ объ основаніяхъ, я уйду въ себя, какъ улитка. Я вижу, что мнѣ грозитъ либо безуміе воздержанія, либо суетный, можетъ быть, трудъ попытокъ,—*работа съ полнымъ сознаніемъ, что она не имѣетъ для себя основанія и что оправданіе ея мыслимо лишь какъ случайность, лучше сказать, какъ даръ, какъ gratia quae gratis datur...* „Если человѣкъ, изъ любви къ Богу, не имѣетъ излишняго попеченія о себѣ, то это—мудрая надежда“ говорить преп. Серафимъ Саровскій... Я вступаю на новую почву—пробабилизма, однако, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что мое вступленіе будетъ лишь пробой. Истинной родиною все еще остается „*ἐποχή*“. Но если бы я сопротивлялся своему предчувствію и хотѣлъ вовсе не уходить отъ *ἐποχή*, то нужно было бы опять таки доказать свое упорство, чего я такъ же не могъ бы, какъ я теперь не могу доказать своего сходженія. Ни для того, ни для другого у меня нѣтъ оправданій; но практически, конечно, естественнѣе искать пути, хотя бы даже надѣясь на чудо, нежели сидѣть на мѣстѣ въ отчаяніи, однако, для исканія необходимо оказаться внѣ разсудка... По какому же праву мы выходимъ за предѣлы нашего разсудка?... По тому праву, которое даетъ намъ самъ разсудокъ: онъ насъ къ тому вынуждаетъ; да и что же остается дѣлать, когда, все равно, разсудокъ отказывается служить... Я хочу сдѣлать проблематическое построеніе, имѣя въ виду, что оно, можетъ быть, случайно окажется достовѣрнымъ. „Окажется!“

Этимъ словомъ я перенесъ свои исканія съ почвы умозрѣнія въ область опыта, фактическаго воспріятія, но такого, которое должно соединить въ себѣ еще и внутреннюю разумность.—Каковы же формальныя, умозрительныя условія, которыя удовлетворились бы, если бы такой опытъ былъ на дѣлѣ?... Эти сужденія слѣдующія: 1) абсолютная Истина есть, т. е. она безусловная реальность, 2) она познаваема, т. е. она безусловная разумность и 3) она дана, какъ фактъ, т. е. является конечною интуиціей, но она же абсолютно доказана, т. е. имѣетъ строеніе безконечной дискурсіи...

(Ergo), *Истина есть интуиція—дискурсія...* Если Истина есть, то она—реальная разумность и разумная реальность; она есть конечная бесконечность и бесконечная конечность, или, выражусь математически,—актуальная бесконечность.—Бесконечное, мыслимое какъ цѣлокупное Единство, какъ единый, въ себѣ законченный Субъектъ. Она единство противоположнаго. Она—*coincidentia oppositorum...* *Разъ такъ, то скепсисъ, дѣйствительно, не можетъ уничтожить истины* и, дѣйствительно, она „сильнѣе всего“, она всегда даетъ скепсису оправданіе себя, она—всегда „отвѣтчива“. На каждое „почему?“ есть отвѣтъ, и, при томъ, всѣ отвѣты эти даны не разрозненно, не внѣшне цѣпляясь одинъ за другимъ, но свитыми въ цѣлостное, изнутри сплоченное единство. Единый мигъ воспріятія Истины даетъ ее со всѣми ея основаніями (—хотя бы они никѣмъ,—нигдѣ и никогда—не мыслились раздѣльно!—). Мгновеніе она даетъ всю полноту вѣдѣнія.

Такова абсолютная Истина, буде она существуетъ. *Въ ней долженъ находить себѣ оправданіе и обоснованіе законъ тождества.* Пребывая выше всякаго внѣшняго для себя основанія, выше закона тождества, Истина обосновываетъ и доказываетъ его. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней объясненіе, почему бытіе неподвластно этому закону...

Если бы, въ сознаниі у насъ оказалось реальное воспріятіе такого самодеказательнаго Субъекта, то оно было бы именно отвѣтомъ на вопросъ скепсиса и, слѣдственно, уничтоженіемъ эпохи. *Какъ же временно—пространственная множественность не нарушаетъ тождества?*—Онъ не нарушаетъ тождества, только въ томъ случаѣ, если множество элементовъ абсолютно синтезировано, въ Истинѣ, такъ что „другое“,—въ порядкѣ существованія и въ порядкѣ слѣдованія,—есть въ то же время и „не другое“ *sub specie aeternitatis*,—если *eterotus*, „инаковость“, отчужденность „другого“ есть только выраженіе и обнаруженіе *tautotus*, тождественности „этого же“. Если „другой“ моментъ времени не является уничтожающимъ и пожирающимъ собою „этотъ“,—но будучи „другимъ“, онъ есть въ то же время и „этотъ“, т. е. если „новое“, открывающееся какъ новое, есть „старое“ въ его вѣчности, если внутренняя структура вѣчнаго „этого“ и „другого“, „новаго“ и „старого“ въ ихъ реальномъ единствѣ

такова, что „это“ должно появиться внѣ „другого“ и „старое“ ранѣе „новаго“; если,—говорю—„другое“ и „новое“, является таковымъ не черезъ себя, а черезъ „это“ и „старое“, а „это“ и „старое“ суть то, что они суть, не черезъ себя, а черезъ „другое“ и „новое“; если, наконецъ, каждый элементъ бытія есть только членъ субстанціональнаго отношенія, отношенія—субстанціи, то тогда законъ тождества, вѣчно нарушаемый, вѣчно восстанавливается самымъ своимъ нарушеніемъ... Тождество, мертвое въ качествѣ факта, можетъ быть и непременно будетъ живымъ въ качествѣ акта. Законъ же тождества тогда окажется не всеобщимъ закономъ бытія, такъ сказать поверхностнаго, а поверхностью бытія глубиннаго, не геометрическимъ образомъ, а внѣшнимъ обликомъ недоступной разсудку глубины жизни; и въ этой жизни онъ можетъ имѣть свой корень и свое оправданіе.

Слѣпой въ своей данности законъ тождества можетъ быть разуменъ въ своей созданности, въ своей вѣчной создаваемости; плотяный, мертвый и мертвящій въ своей статикѣ, онъ можетъ быть духовнымъ, живымъ и животворящимъ въ своей динамикѣ... Т. о., законъ тождества получить обоснованіе не въ своемъ низшемъ, разсудочномъ видѣ, но въ нѣкоторомъ высшемъ, разумномъ. Эта высшая форма закона тождества—основное открытіе о. архимандрита Серапіона Машкина; впрочемъ, цѣнность открытія обнаруживается только при конкретной разработкѣ системы философіи“¹⁾.

Съ выходомъ въ свѣтъ трудовъ этого философа быть можетъ станетъ яснѣе формулировка этого новаго пониманія закона тождества, пока изложеннаго въ крайне недоступной формѣ. Однако долженъ сказать, что современная наука (въ различныхъ своихъ отрасляхъ) начинаетъ вступать на путь, подходящий къ этому теченію, находя современныя понятія о времени и пространствѣ узкими, тѣсными для взросшей

¹⁾ *Ив.*, с. 39—47.—Объ этомъ о. Машкинъ см. примѣч. на с. 619—621, гдѣ говорится о близкомъ сродствѣ духа о. Павла съ его философіей настолько близкой ему, что о. Павелъ мѣстами затрудняется отграничить его идеи и свои.—Въ своемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ (въ концѣ сего іюня) о. Павелъ пишетъ, что онъ въ нынѣшнее время занятъ всецѣло большой и трудной работой—приготовленіемъ монографіи и трудовъ о. Машкина къ печати, такъ что вскорѣ мы увидимъ болѣе яркое обоснованіе этого з. тождества.

науки, представители коей, на высотахъ, какъ извѣстно, отнюдь не чуждались исканія Бога; равно какъ и—наоборотъ отцы церкви, учителя церковные въ своею очередь были на высотѣ научной своего времени, а нерѣдко опережали ее.

Такъ въ 1905 г. Эйнштейномъ и Минковскимъ положено было основаніе такъ назыв. „принципу относительности“¹⁾, переворачивающему современную науку и даже представленія обыденной жизни, съ которыми мы свыклись съ малолѣтства, опровергающимъ даже истины „самоочевидныя“ (понятія о времени, длинѣ, пространствѣ). Второй изъ названныхъ ученыхъ объединилъ съ математической точки зрѣнія пространство и время, рассматривая послѣднее, какъ, 4-е измѣреніе пространства, а Эйнштейнъ утверждаетъ, что абсолютнаго времени (на которомъ покоились всѣ наши познанія объ одновременности двухъ событій) не существуетъ: каждая изъ 2 движущихся другъ относительно друга системъ фактически имѣетъ свое время, поэтому, напр., совершенно невозможно говорить, что событія на землѣ и на Сатурнѣ произошли одновременно.

Нечего говорить, какой коренной переворотъ эти идеи должны были произвести въ физикѣ: понятія о скорости, силѣ, массѣ должны въ основѣ измѣниться. Нынѣ „матерія и ея механика“ устранены изъ основъ, но математика осталась... т. е. на мѣсто доступныхъ нашимъ чувствамъ образовъ классической механики становятся символы, имѣющие смыслъ письменъ, необходимыхъ для выраженія новыхъ идей“²⁾—„Миръ въ представленіи ньютоновской механики раскололся на двѣ части—матерію и пустоту. Аксиомы классической механики имѣютъ мѣсто при допущеніи такого дуализма“³⁾. „Земная механика упраздняется, и выдвигаются устои механики вселенной... Матерія перестаетъ быть законодательницей міра“⁴⁾. Въ то же время химія открываетъ, что „простѣйшихъ ма-

1) См. На эту тему хотя бы доступную книжку Хвольсона „Принципъ относительности“, появившаяся въ н. г. 2-мъ изданіемъ.

2) Проф. Н. Умовъ „Эволюція физическихъ наукъ и ея идейное значеніе“ (См. „Вѣстн. опыты физики и элем. математики“, 1914, № 607, страница 181).

3) Тамъ же, 182.

4) Тамъ же, 191; 192.

терій существуетъ нѣскольکو, а не одна... Вокругъ насъ неизмѣнно и безостановочно возникаютъ матеріи“¹⁾).

Раньше другихъ на этотъ путь новаго пониманія міра вступило языкознаніе философское, пытавшееся проникнуть въ жизнь и духъ живого слова. Выдвинувъ принципъ; „всякое пониманіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и непониманіе“ т. е. индивидуальное, личное пониманіе, по своему, оно нанесло тяжкій ударъ статическому закону тожества. Лишь слова препаратнаго характера, не только не вышедшія изъ нѣдръ народной мысли, но и не поддающіяся облеченію ея плотію и кровію, (въ родѣ „атомъ, монада, функція, эфиръ“ и проч. и проч., которыя и въ научной спеціальной книгѣ, если очень часто падаются, претяютъ, не говоря уже о трудности пониманія)—удовлетворяютъ требованіямъ логическаго, мертваго (хотя для своихъ цѣлей, въ своей области, тоже крайне важнаго: „всякъ знакъ на пользу человѣка“ и въ мыслительномъ лугу) закона тожества. Но это не живыя слова, а условныя формулы, въ родѣ математическихъ, представляемыя всегда на точно опредѣленномъ мѣстѣ, когда въ томъ является надобность. А настоящія живыя слова постоянно рвутся изъ этихъ мертвящихъ оковъ и именно по тому способу, который съ такими потугами намѣчается о. о. Машкинѣмъ¹⁾ и Флоренскимъ. Образное слово всегда въ жизни языка раньше отвлеченнаго, и когда послѣднее опустошается, изсякаетъ въ своей мощи, силѣ,—ему на помощь приходитъ снова образное пониманіе, но уже по новому. Этому указанію языка¹⁾ и мысли народной послѣдую и я. „Верста“ въ извѣстную пору, какъ прозаическое (оно же и научное для своего времени), значило „поворотъ плуга“, пожалуй, и „борозда“ (путь плуга вообще); но вотъ жизнь меня натолкнула на сопоставленіе такихъ явленій, какъ работа плуга на пашнѣ, и трудъ человѣка на своей нивѣ—жизни, и получается сочетаніе: „верста=борозда“ (оставляемая въ жизни по себѣ человѣкомъ) и стало возможнымъ сказать, что они (Кириллъ и Меѳодій), „какъ два вола-супруга, вели свою версту“. Верста стала мѣрою длины не только поля земли („верста=500 саж.“), но изв. протяженій жизни: „они сверстники“¹⁾. Отсюда возможность и тройственнаго сочетанія: „верста=борозда=жизнь“, при

¹⁾ Гь 189.

чемъ каждое *новое*, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *старое*, и, наоборотъ, и новымъ дѣлается непременно *черезъ* старое, и *внѣ* его, и, значить, законъ тождества, вѣчно нарушаемый, вѣчно восстанавливается самымъ своимъ нарушеніемъ“, или по другому: „Потому А есть А, что вѣчно бывая не—А, въ этомъ не—А оно находитъ свое утвержденія какъ А“. Возможенъ, конечно, и обратный порядокъ, въ сложеніи такого тріединого: „жизнь=коловоротъ“ (вѣдь „верста“ происходитъ отъ корня „верт“ (врат., вращ; ворот) и значить собственно „поворотъ“). Только срываніе такихъ рядовъ со своихъ гнѣздъ, только потеря ихъ разумности охраняется логическимъ закономъ тождества, субъективная же жизнь ихъ свободна и вѣчно подлежитъ новому осмысливанію, наполненію новымъ содержаніемъ, при чемъ наполняющимъ м. б. любое изъ трехъ привходящихъ въ составъ единого („борозда=верста“, т. е. слѣдъ новаго поворота плуга-ли, жизни, дѣятельности,—это говоритъ сама жизнь). Теперь, пожалуй, станетъ болѣе—менѣе яснымъ и слѣдующее мѣсто у о. Павла: „чтобы не было простого тождесловія „А=А“, чтобы было реальное равенство „А есть А, ибо А есть не—А“, необходимо, чтобы В само было реальностью, т. е., чтобы В было заразъ и В и не В; послѣднее, т. е. не—В, для ясности обозначимъ черезъ В. Черезъ В кругъ можетъ замкнуться, ибо въ его „другомъ“,—въ „не—В“,—А находитъ себя какъ „А“¹⁾. Поясню примѣромъ—образомъ. „Бразды пушистыя взрывая, летитъ кибитка удалая“,—здѣсь „бразды“=„не—В“ оно не можетъ быть замѣнено, (въ приведенномъ выше трійственномъ сочетаніи словомъ „жизнь“, но „верста“ въ немъ живо узнается и бытуетъ въ видѣ „поворота“ саней, создающаго „борозды“ снѣга).—Въ В переставая, быть А, А отъ другого, не отъ того, которому приравнивается, т. е. отъ В, опосредствованно, получаетъ себя, но уже „доказаннымъ“ уже установленнымъ. То же относится и къ каждому изъ субъектовъ А, Б, В трійчнаго сочетанія²⁾. Непременно „субъектовъ“ потому, что эти явленія возможны, сначала лишь при содѣйствіи при *соработѣ* по крайней мѣрѣ двухъ *лицъ* о третьемъ, быть можетъ, и не принимающемъ въ томъ непосредственнаго участія

1) Феодицея, стр. 48.

2) Феодицея, стр. 48.

въ данный моментъ.—„Самодоказательность и самообоснованность Субъекта Истины Я есть отношеніе къ Онъ черезъ Ты. Черезъ Ты субъективное Я дѣлается объективнымъ Онъ, и въ послѣднемъ имѣетъ свою предметность какъ Я. Онъ есть явленное Я. Истина созерцаетъ Себя черезъ Себя въ Себѣ. Но каждый моментъ этого акта самъ абсолютенъ, самъ есть Истина“¹⁾. Снова къ примѣру. Извѣстное, любое сочетаніе звуковъ, произнесенныхъ мною, становится словомъ (осмысленнымъ, имѣющимъ свою самообоснованность) лишь тогда, когда *другой*—„Ты“—пойметъ это сочетаніе звуковъ, надѣлитъ его личнымъ содержаніемъ, но въ данномъ мною направленіи, и въ свою очередь переброситъ его другому „Ты“; тогда уже *наше* слово въ устахъ этого третьяго („другого Ты“) являетъ меня какъ Онъ, а не какъ Ты. А въ словѣ своемъ, какъ во всякомъ личномъ творествѣ, мое „Я“ непременно отразится во всей своей сущности, а значитъ черезъ это другое „Ты“ я буду имѣть возможность созерцать себя уже объективно. (Такъ поэтъ въ критикахъ, въ многообразіи пониманій его твореній созерцаетъ себя черезъ себя же, черезъ свои творенія).

Значитъ „Истина—созерцаніе Себя черезъ Другого въ Третьемъ: Отецъ, Сынъ, Духъ... Истина есть безконечный актъ Трехъ въ Единствѣ... *Истина есть сущность о трехъ ипостасяхъ*. Не три сущности, но одна; не одна ипостась, но три. Однако при всемъ томъ ипостась и сущность—одно и то же“²⁾.

— Только въ единствѣ Трехъ каждая ипостась получаетъ абсолютное утвержденіе, устанавливающее ее, какъ таковую. Въ трехъ нѣтъ ни одной, нѣтъ Субъекта Истины. А больше трехъ?—Да, можетъ быть и больше трехъ,—черезъ принятіе новыхъ ипостасей въ нѣдра Троичной жизни. Однако эти новыя ипостаси уже не суть члены, на которыхъ держится Субъектъ Истины, и потому не являются внутренне необходимыми для его абсолютности; онѣ—условныя ипостаси, могущія быть, а могущія и не быть въ Субъектѣ Истины. Поэтому-то ихъ нельзя назвать ипостасями въ собственномъ смыслѣ, и лучше обозначить именемъ обоженныхъ личностей и т. п... Въ абсолютномъ единствѣ Трехъ нѣтъ

¹⁾ Ib.

²⁾ Θεοδιцея, с. 48—49.

„порядка“, нѣтъ послѣдовательности. Въ трехъ вностахъ каждая—непосредственно рядомъ съ каждой, и отношеніе двухъ только можетъ быть опосредствовано третьей. Среди нихъ абсолютно немислимо первенство. Но всякая четвертая вноста вноситъ въ отношеніе къ себѣ первыхъ трехъ тотъ или иной порядокъ и, значитъ, собою ставитъ вностахъ въ неодинаковую дѣятельность въ отношеніи къ себѣ, какъ вностахъ четвертой. Отсюда видно, что съ четвертой вностахъ начинается сущность совершенно новая, тогда какъ первыя три были одного существа.—Другими словами Троица можетъ быть безъ четвертой вностахъ, тогда какъ четвертая—самостоятельности не можетъ имѣть. Таковъ общій смыслъ троичнаго числа“¹⁾.

— Такъ въ приведенномъ нами выше примѣрѣ—„бразды пушистыя“ примыкаетъ, конечно, къ основному тройственному сочетанію, мож. б. принято въ его нѣдра, но такъ, что выходитъ за предѣлы заложенной тамъ сущности: устранены и плугъ и земля (нива—пашня), осталось общее лишь „повороты“, но уже въ снѣгу, на поверхности земли. А „бразды правленія“ будутъ еще болѣе удалены отъ основной сущности.

Конечно, мое пониманіе этого „нарушенія закона тождества“, непременно должно субъективно отличаться отъ пониманія о. Павла, равно какъ и послѣдній, сколь бы онъ ни сливался въ общности идеи съ о. Мацкинымъ, обязательно будетъ расходиться и съ нимъ, поскольку они все же не одна личность. Вѣдь даже въ пониманія (субъективномъ, личномъ) даже самыхъ обыденныхъ предметовъ (въ родѣ „домъ“, „лошадь“ и т. п.) при тѣснѣйшей близости мировоззрѣній и культуры употребляющихъ эти слова, когда хорошенько надъ этимъ призадумаемся, окажется много различнаго (напр. горожанину—при общихъ признакахъ дома, свойственнаго этому ряду пониманій—каменный, высокій и проч., все же будутъ въ подсознаніи мерещиться личные признаки—съ зеленой, крашеной крышей, грязный и проч.)—И не это, конечно, разнопониманіе меня тревожитъ, а, быть можетъ, мы въ родовомъ понятіи, устанавливаемомъ обычнымъ закономъ тождества, разошлись, т. е. говоримъ о разныхъ предметахъ.

¹⁾ Феодисея с. 50.

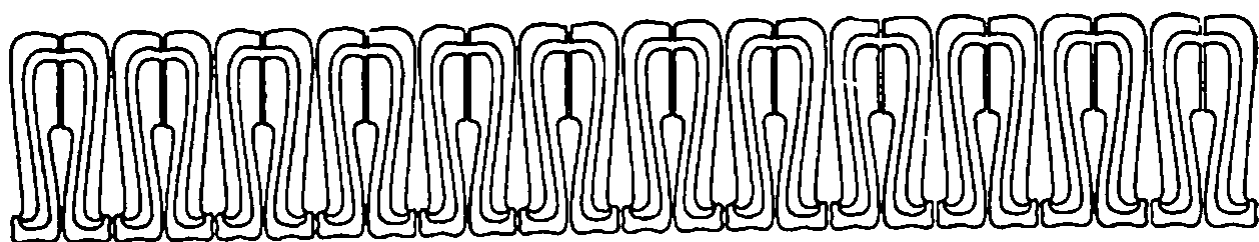
Тогда это будетъ во многомъ и дальше мѣшать правильности взаимопониманія по существу. На этотъ вопросъ желателенъ, даже необходимъ для существа дѣла отвѣтъ о Павла.

Здѣсь, на мой взглядъ, проложенъ новый путь къ пониманію истины какъ Истины все еще въ предѣлахъ,—хотя и крайнихъ, весьма напряженныхъ,—разума; здѣсь положена надежда и для „интеллигента“¹⁾ найти возможность доступа къ Истинѣ,—владѣніе коей все же—въ области сердца, и только сердца,—любовью.

А. Ветуховъ.

¹⁾ Въ лучшемъ смыслѣ слова, все же, хотя и по своему, „взыскающаго“ Бога, не упершагося исключительно въ тупую интуицію; да и послѣдняго слѣдуетъ лишь пожалѣть и пожелать ему поскорѣе выбраться изъ своего тупика, сдѣлавъ изъ него хотя узкую улицу къ истинѣ.

СУЩНОСТЬ ЖИЗНИ.

(Продолженіе *).

Часть первая.

Жизнь, какъ научная проблема.

Опредѣленіе жизни.

Когда говорятъ о жизни, всякій, безъ сомнѣнія, знаетъ о какомъ предметѣ идетъ рѣчь; каждый можетъ отличить живое отъ неживого, но когда зайдетъ рѣчь о томъ—почему данный предметъ называется живымъ, а другой—неживымъ, когда требуется дать опредѣленіе жизни,—тогда возникаютъ непреодолимые затрудненія.

А между тѣмъ дать строго научное опредѣленіе жизни очень важно для науки и для ея адептовъ.

Такое опредѣленіе даетъ намъ возможность, во первыхъ, вкратцѣ резюмировать результаты продолжительныхъ біологическихъ изслѣдованій, во вторыхъ, такое опредѣленіе, сводя явленія жизни къ немногимъ основнымъ свойствамъ, указываетъ на истинный характеръ біологическаго изслѣдованія, на его границы и направленіе и, въ третьихъ, правильное опредѣленіе жизни даетъ возможность изучающимъ охватить весь предметъ въ самой общей формѣ. Вотъ почему вопросъ объ опредѣленіи жизни издавна занималъ философовъ и біологовъ и въ настоящее время въ наукѣ существуетъ такое обиліе опредѣленій жизни, что разобраться въ нихъ очень трудно.

Но возможно ли вообще дать строго научное опредѣленіе жизни и что такое опредѣленіе вообще? Всякое опре-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 19, за 1914 г.

дѣленіе должно быть послѣднимъ, конечнымъ словомъ науки, оно должно заключать въ себѣ виртуально результатъ всей науки. Отвѣтить на эти вопросы—что такое растеніе, что такое жизнь, что такое атомъ или элементъ,—это значитъ сказать послѣднее слово тѣхъ наукъ, которыя занимаются рѣшеніемъ этихъ вопросовъ. То, что мы обыкновенно понимаемъ подъ опредѣленіемъ есть только временное или условное опредѣленіе въ зависимости отъ даннаго состоянія науки. Съ развитіемъ науки, данное опредѣленіе считается несоотвѣтствующимъ истинѣ и замѣняется новымъ. Клодъ Бернаръ справедливо говоритъ по этому поводу: „въ естествознаніи нельзя ничего опредѣлить: всякая попытка опредѣленія выражаетъ только простую гипотезу. Мы узнаемъ предметъ только постепенно съ разныхъ точекъ зрѣнія и не въ началѣ науки мы получаемъ полное и цѣльное познаніе о предметѣ, какое необходимо для его опредѣленія, но въ концѣ ея, какъ конечный и недостижимый идеалъ ея изученія. Методъ, состоящій въ томъ, чтобы сначала дать опредѣленіе и потомъ все выводить изъ опредѣленій, можетъ быть пригоденъ только для теоретическихъ и отвлеченныхъ наукъ, но онъ противенъ самому духу опытныхъ наукъ.“¹⁾

Указанныя соображенія дѣлаютъ невозможнымъ опредѣленіе жизни, какъ предмета научнаго изслѣдованія, а всѣ существующія опредѣленія носятъ условный, гипотетическій характеръ, подающій поводъ къ двусмысленностямъ и недоразумѣніямъ.

Все, что мы можемъ сдѣлать въ данномъ случаѣ—это указать признаки изслѣдуемаго предмета, дать не существенное опредѣленіе жизни, которое невозможно, а, такъ сказать, описательное, охарактеризовать явленіе, указать условія его бытія, его отношеніе къ другимъ явленіямъ жизни, распределить признаки предмета въ естественномъ порядкѣ ихъ подчиненности.

Существующія опредѣленія жизни или страдаютъ полною, неопредѣленностью и неполнотой, или представляютъ изъ себя одну лишь тавтологію: „жизнь есть жизнь“. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ такихъ опредѣленій. По Аристо-

1) К. Бернаръ. „Опредѣленіе жизни“ (Собр. Фаус. „Сущность жизни“), стр. 132.

телю жизнь есть питаніе, ростъ и одряхлѣніе, причиной которыхъ служить принципъ, имѣющій цѣль въ себѣ самомъ—энтелехія“. Но этотъ-то именно принципъ у Аристотеля и не выясненъ съ достаточной опредѣленностью.

Биша даетъ такое опредѣленіе жизни: „жизнь есть совокупность отправленій, противящихся смерти. Это опредѣленіе, во первыхъ, носить отрицательный характеръ, а не положительный, какимъ должно быть всякое опредѣленіе, ибо отрицаніе извѣстныхъ признаковъ еще не даетъ намъ понятія о тѣхъ, которые существуютъ. Во вторыхъ, о смерти мы знаемъ столь же мало, сколько и о жизни, если не меньше, и понятіемъ о смерти нельзя опредѣлить жизнь; если бы мы знали что такое смерть, тогда, по противоположности, могли бы охарактеризовать жизнь. Получается, такъ образомъ, объясненіе одного неизвѣстнаго чрезъ другое неизвѣстное: жизнь есть совокупность отправленій, противящихся смерти, а смерть совокупность отправленій, уничтожающихъ жизнь и въ результатѣ—никакого понятія ни о жизни, ни о смерти.

Существуетъ цѣлый рядъ опредѣленій, являющихся простыми перифразами, по которымъ жизнь есть жизнь. Для примѣра приведемъ три такихъ опредѣленія: Дюже говорить, что „жизнь есть дѣятельность, специально свойственная органическимъ существамъ“. Ришеранъ утверждаетъ, что „жизнь есть совокупность явленій, послѣдовательно происходящихъ въ продолженіи опредѣленнаго времени въ организованныхъ тѣлахъ“; по Моргану „совокупность тѣхъ отправленій, которыя можетъ производить каждая особь, составляютъ ея жизнь“.

Опредѣленіе Блэзивилля, наиболѣе популярное въ французскихъ ученыхъ кругахъ, гласитъ: „жизнь является общимъ и непрерывнымъ динамическимъ процессомъ двойственнаго химическаго соединенія и разложенія“. Это опредѣленіе, носящее физико-химическій характеръ, является, съ одной стороны, слишкомъ обширнымъ, а съ другой—слишкомъ узкимъ. Оно обширно, потому что можетъ быть приложимымъ не только, напр., къ явленіямъ органическаго питанія, но и къ явленіямъ, происходящимъ въ гальванической батарее и пламени горящей свѣчи. Оно слишкомъ узко, ибо исключаетъ изъ своей области цѣлый рядъ высшихъ и наиболѣе утонченныхъ формъ жизнедѣятельности—психическія явленія.

Наконецъ, Спенсеръ даетъ такое опредѣленіе жизни: „жизнь есть опредѣленная комбинація разнородныхъ измѣненій, опредѣленныхъ и послѣдовательныхъ, въ соотвѣтствіи со внѣшними сосуществованіями и послѣдовательностями“. Это опредѣленіе слишкомъ отвлеченно и такъ высоко паритъ надъ фактами жизни, что почти вовсе и не напоминаетъ о нихъ. Эта отвлеченность и общность опредѣленія даетъ возможность примѣнить его также и къ нѣкоторымъ непрерывно происходящимъ химическимъ явленіямъ.

Приведенныя опредѣленія жизни указываютъ на большее разнообразіе въ попыткахъ дать опредѣленіе жизни. Но при всемъ разнообразіи этихъ попытокъ можно подмѣтить въ нихъ одну общую основу, которая является въ то же время и ихъ недостаткомъ. Давая то или другое опредѣленіе жизни, каждый ученый непремѣнно допускаетъ или скрыто предполагаетъ, что всѣ явленія жизни имѣютъ своей причиной особый жизненный принципъ, который ихъ производитъ. Но говорить, что жизнь производится особымъ жизненнымъ принципомъ, — не значитъ ли это давать такое опредѣленіе жизни, по которому жизнь есть жизнь, не значитъ ли это вводить опредѣленное въ опредѣленіе?

Чтобы выйти изъ этого затрудненія и не вдаваться въ чисто иллюзорныя опредѣленія жизни, способныя лишь плодить въ наукѣ недоразумѣнія и двусмысленности, — мы постараемся составить собѣ понятіе о жизни какъ совокупности явленій, которыя наблюдаются въ организмѣ, попытаемся охарактеризовать тѣ типы жизненныхъ явленій, которыя отличаютъ живое существо отъ неорганическаго тѣла.

Существующія классификаціи жизненныхъ явленій могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ. Обычно между явленіями, наблюдающимися въ организмѣ, различаютъ двѣ группы: общія жизненныя явленія, которыя можно наблюдать во всемъ органическомъ царствѣ, какъ-то: питаніе, дыханіе, размноженіе, органическія движенія и др.; этого рода явленія присущи и человѣку, и животнымъ, и растеніямъ, и простѣйшимъ организмамъ. Существуетъ еще особый видъ жизненныхъ явленій, которыя присущи только опредѣленнымъ организмамъ, таковы: кровообращеніе, выдѣленіе мочи, свѣченіе и др. По другой классификаціи группировка жизненныхъ явленій получаетъ болѣе сложный видъ. Эта груп-

пировка дѣлитъ явленія жизни соотвѣтственно съ измѣненіемъ въ живомъ организмѣ его существа, формы и энергіи. При такой группировкѣ мы получаемъ три вида жизненныхъ явленій: 1) явленія, относящіяся къ измѣненію вещества выдѣленія, 2) явленія, относящіяся къ измѣненію формы: ростъ, размноженіе, наслѣдственность, развитіе; 3) явленія, относящіяся къ измѣненію энергіи: движеніе, теплообразование, раздраженіе и др. Сюда присоединяютъ еще особый видъ иннервационныхъ явленій—чувствительность, дѣятельность органовъ чувствъ, мышленіе и др., составляющихъ высшую степень дифференціаціи живаго существа и являющихся предметомъ особой научной дисциплины. Относительно указанной нами классификаціи жизненныхъ явленій соотвѣтственно съ измѣненіями существа, формы и энергіи организма должно замѣтить, что такъ какъ въ живомъ организмѣ матерія, форма и энергія мыслимы только въ ихъ единствѣ, то, собственно говоря, всѣ указанныя группы жизненныхъ явленій можно разсматривать лишь какъ три различныхъ стороны одного и того же жизненнаго процесса.

Во всякомъ случаѣ приведенный перечень жизненныхъ явленій съ несомнѣнностью свидѣтельствуешь о томъ, что жизнь, въ своихъ обнаруженіяхъ безконечно разнообразна, какъ по формѣ, такъ и по выраженію; явленія жизни характеризуютъ цѣлый рядъ измѣненій въ организмѣ, начиная съ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными. Для нашей цѣли, для составленія понятія о жизни по ея признакамъ, необходимо отдѣлится существенные, основные или первоначальные признаки жизни отъ признаковъ второстепенныхъ, подчиненныхъ главнымъ.

Разсматривая жизнь, мы видимъ, что явленіемъ общимъ для всѣхъ организмовъ является питаніе, совершающееся въ организмахъ непрерывно; оно есть процессъ чисто органическій, чисто эволютивный. Въ организмѣ потерян или разрушеніе, равно какъ созданіе или воспроизведеніе, суть необходимыя условія жизни. Мы не можемъ представить себѣ жизнь безъ этихъ двухъ факторовъ—разрушенія и возстановленія, расхода и прихода. Оба эти процесса жизненнаго созданія, органическаго (разрушенія) неотдѣлимы отъ понятія о жизни; они происходятъ въ организмѣ постоянно и одновременно. Въ организмѣ вѣтъ, гдѣ чего-то отсутствіе

жизни чужда идея неизмѣняемости, неподвижности, она есть постоянная смѣна явленій созиданія и разрушенія, нѣкоторый постоянный процессъ развитія, въ ней все развивается, пока живетъ, а то, что перестаетъ развиваться, становится мертвымъ. Если о неорганической природѣ можно сказать, что въ ней ничего не теряется и ничто не творится, то съ точки зрѣнія органической жизни этого нельзя сказать. Здѣсь все организуется, создается морфологически и все умираетъ, разрушается. Этотъ неизмѣнный процессъ возстановленія, или организующаго синтеза необходимо предполагаетъ питаніе, какъ одинъ изъ постоянныхъ фазисовъ развитія. Клодъ Бернаръ говоритъ по поводу этого жизненнаго фактора: „питаніе есть единственный въ своемъ родѣ жизненный факторъ, не имѣющій прямыхъ аналогій; онъ составляетъ специальное свойство живого существа; въ этомъ факторѣ, сопровождаемомъ развитіемъ, и заключается настоящая жизненность. Относительно роли этого фактора въ жизни можно сказать:— жизнь—это твореніе или созиданіе“¹⁾. Способность питанія принадлежитъ всѣмъ живымъ частямъ безъ изъятія: жить и питаться суть выраженія почти синонимическія.

Усвоеніе питательныхъ веществъ ведетъ къ росту и развитію организма,—поскольку пищевые продукты соотвѣтствуютъ потребностямъ послѣдняго. Каждое живое существо рождается, растетъ и умираетъ, отстаивая въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени съ большимъ или меньшимъ трудомъ органическое равновѣсіе во внѣшней средѣ. Ростъ организма, состоящій въ увеличеніи анатомическихъ элементовъ живого существа, въ сущности явленіе довольно простое; оно можетъ быть названо частнымъ случаемъ питанія, при которомъ процессъ усвоенія до извѣстной степени преобладаетъ надъ выключеніемъ и вслѣдствіе этого совокупность анатомическихъ элементовъ больше пріобрѣтаетъ, чѣмъ утрачиваетъ, вслѣдствія чего масса ихъ размѣется увеличивается. Летурно говоритъ въ своей „Біологій“, „Продолженіемъ роста является размноженіе, какъ ростъ представляетъ изъ себя избытокъ питанія, такъ размноженіе является избыткомъ роста. Организованная особь, не достигшая еще полнаго развитія, заключаетъ въ себѣ новорожден-

¹⁾ К. Бернаръ: Опредѣленіе жизни (Собрн. Фауссека „Сущность жизни“) стр. 142.

ные элементы, которые увеличиваютъ ея объемъ; когда же достигнуть предѣлъ возрастанія въ организмѣ и въ послѣднемъ не оказывается болѣе мѣста для включенія новыхъ гистологическихъ элементовъ, то послѣдніе, отдѣляясь отъ особи, превращаются въ самостоятельные организмы, испытывая ту же эволюцію, что и взрослый организмъ“ 1). Существуютъ различные виды и способы размноженія, о которомъ рѣчь ниже. Говоря о размноженіи, необходимо упомянуть еще объ особомъ жизненномъ явленіи, присущемъ исключительно живымъ существамъ. Мы разумѣемъ регенерацию, или возрожденіе утраченныхъ тканей и даже цѣлыхъ органовъ. Въ данномъ случаѣ элементы новыхъ тканей образуются изъ плазмы, при чемъ дифференцированные ткани появляются не сразу: имъ предшествуетъ появленіе переходныхъ ядеръ или клѣтокъ, которыя потомъ уже смѣняются специализированными гистологическими элементами. Тѣсная связь процесса регенерации съ питаніемъ открывается изъ того, что этотъ процессъ совершается тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ моложе организмъ и чѣмъ усиленнѣе въ немъ происходитъ процессъ питанія.

Въ непосредственной связи съ процессомъ размноженія находится развитіе, самая замѣчательная черта живыхъ существъ, а слѣдовательно и жизни. Живое существо, выходя изъ зародыша, изъ яйца, или изъ сѣмени, претерпѣваетъ цѣлый рядъ дифференціацій, образуетъ органы то постоянные, то временные, доходить до извѣстнаго конечнаго пункта развитія и потомъ разрушается. Этотъ признакъ определеннаго непрерывнаго хода въ направленіи, этого начала и конца принадлежитъ опять таки только живымъ существамъ. Подъ самимъ терминомъ „развитіе“ строго говоря, должно понимать не только формированіе зародышей растений, животныхъ и человека, но вообще цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій организма отъ оплодотворенной яйцевой клѣтки и до смерти. (Въ тѣсной связи съ развитіемъ организма находится удивительное явленіе жизни, извѣстное подъ именемъ наследственности. Наследственность состоитъ въ томъ, что всѣ свойства отца и матери концентрируются въ зародышевыхъ клѣткахъ въ такой формѣ, изученіе которой не поддается

1) Летурно. Біологія. Спб. 1908 г., стр. 308.

ни химическимъ экспериментамъ, ни микроскопическимъ. Здѣсь, въ зародышевой клѣткѣ эти свойства дѣйствуютъ въ качествѣ импульса къ развитію и заставляютъ зародышъ развиваться въ особъ того же самаго вида, съ такими же характерными чертами организаціи какъ ближайшихъ родичей, такъ и самыхъ отдаленныхъ предковъ. Вслѣдствіи этого при половомъ размноженіи въ дѣтищѣ могутъ преобладать то качества отца, то матери, или тѣ и другія могутъ встрѣчаться и до нѣкоторой степени нейтрализовать другъ друга.

Указанныя нами явленія органической жизни, служащія выраженіемъ организующаго синтеза, не поражаютъ насъ своей рѣзкостью; работа здѣсь носитъ молчаливый, скрытый характеръ и мы не видимъ прямо явленій организаціи, только ученый, слѣдя за живымъ существомъ, схватываетъ общіе законы этихъ измѣненій и формообразованій. Напротивъ, явленія жизненнаго разрушенія, смерти, поражающія всякаго наблюдателя, носятъ рѣзкій характеръ въ силу своей неизбежности и дисгармоничности съ міромъ живымъ. Явленіе смерти очень характерно для жизни. Когда работаетъ железа, нервъ, мышца, мозгъ, то ихъ гистологическіе элементы дезорганизуются, растрачиваются, истощаются и, такимъ образомъ, всякое обнаруженіе жизни необходимо соединено съ разрушеніемъ организма. Отсюда извѣстный парадоксъ Клода Бернара: „жизнь—это смерть“.

Итакъ, мы рассмотрѣли жизнь со стороны ея наиболѣе характерныхъ и первостепенныхъ признаковъ. Этотъ бѣглый обзоръ приводитъ насъ къ тому заключенію, что организмъ сначала растетъ, развивается, потомъ поддерживается нѣкоторое время въ состояніи зрѣлости или совершенства и, наконецъ, ослабѣваетъ, и умираетъ. Родиться, жить и умереть—вотъ вкратцѣ вся исторія органической жизни. Во всякомъ случаѣ какія бы явленія мы не соединяли съ понятіемъ жизни, носителемъ всѣхъ этихъ явленій является организмъ; вмѣстѣ съ нимъ жизнь зарождается, развивается, приходитъ къ концу и разрушается. Въ этихъ стадіяхъ жизни организма мы можемъ отмѣтить слѣдующіе наиболѣе важные моменты, или, отличительные признаки: питаніе, ростъ, размноженіе, развитіе, организація, наследственность, регенерація, болѣзнь и смерть.

Эти типы жизненныхъ явленій наиболѣе характерны для жизни и, являясь результатомъ наблюденія, служатъ выраженіемъ дѣйствительнаго факта. Въ качествѣ фактической истины это дѣленіе жизненныхъ проявленій имѣетъ за собой и то преимущество, что даетъ намъ возможность ближе изучить эти явленія, подвергнувъ ихъ строгому анализу.

Прежде, чѣмъ приступить къ изученію каждаго изъ указанныхъ нами явленій жизни въ отдѣльности, мы должны сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о характерѣ жизненныхъ проявленій вообще.

Исслѣдуя явленія міра физическаго, мы замѣчаемъ, что тѣла физическія не содержатъ въ себѣ начала, которое опредѣляло бы ихъ форму или образъ существованія, а также эти тѣла сами по себѣ не содержатъ никакой необходимости рожденія или разрушенія на опредѣленномъ времени. Въ мірѣ физическомъ мы видимъ два постоянно дѣйствующихъ фактора: матерію и силу, изъ которыхъ послѣдняя служитъ средствомъ взаимодействія между тѣлами въ явленіяхъ притяженія, отталкиванія, свѣта, теплоты, электричества и пр. Спрашивается: возможно-ли при помощи этихъ двухъ факторовъ неорганической природы объяснить явленія органической жизни? Для этого прежде всего пришлось бы признать, что тѣла неорганическія и физическія по существу идентичны. Но это немислимо. Неорганическое тѣло во всѣхъ своихъ частяхъ гомогенно однородно: его можно раздѣлить на куски и оно будетъ отличаться отъ тѣлаго лишь размѣромъ, но не качествомъ, оно можетъ неопредѣленно долгое время оставаться въ одномъ и томъ же положеніи, пока какая-либо внѣшняя сила не выведетъ его изъ даннаго состоянія. Органическому тѣлу, напротивъ, совершенно чужда идея однородности, оно состоитъ изъ различныхъ органовъ, приспособленныхъ къ опредѣленному роду функцій и взятый въ отдѣльности такой органъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ является въ единствѣ тѣлаго организма, наконецъ, и химическій составъ живыхъ тѣлъ перажаеть разнообразіемъ своихъ составныхъ элементовъ. Живому тѣлу чужды тотъ внѣшній покой, который характеризуетъ неорганическое тѣло; первое образуется изъ зародыша, растетъ и развивается на счетъ окру-

жающей среды и покой его составныхъ частей невозможенъ въ немъ безъ того, чтобы оно не пришло къ своему неизбѣжному концу, смерти, съ которой оно обращается въ тѣло совершенно подобное тѣламъ неорганической природы. Что одни только живыя тѣла рождаются, растутъ, зрѣютъ и умираютъ,—это ясно сказалъ еще Аристотель и въ этомъ должно всегда видѣть существенное отличіе жизни. Говорятъ, что всѣ жизненныя явленія могутъ быть сведены къ простому измѣненію формъ, наблюдаемому въ неорганическомъ мірѣ. Но нужно замѣтить, что самое понятіе формы въ приложеніи къ физическому міру совсѣмъ иное, чѣмъ обычная физическая категорія. Для физики форма—нѣчто совершенно случайное и не существенное. Изъ куска дерева мы можемъ сдѣлать сколько угодно тѣлъ и придать имъ какую угодно форму, но нельзя того же сказать относительно органическаго вещества. Только въ органическомъ тѣлѣ, въ силу того, что оно есть организмъ, живое существо, нѣчто единое,—его составныя части связаны между собой и образуютъ одно цѣлое. Подобно тому какъ въ тѣлѣ человѣка всѣ элементарныя части различныхъ органовъ сводятся къ одной общей формѣ, къ однородному элементу, къ клѣткѣ, такъ и всѣ живыя тѣла оказываются составленными изъ подобныхъ же клѣточекъ. Слѣдовательно, жизнь клѣточки есть общее основаніе всякаго организма. Въ клѣточкѣ намъ даны всѣ характерныя особенности органическаго тѣла.

Въ сужденіяхъ о жизни органической и неорганической природы иногда не должно забывать еще одного капитальнаго свойства органической жизни. Разсматривая явленія неорганической жизни, мы замѣчаемъ, что всѣ процессы химическіе и физическіе—обратимы. Если они потекли въ извѣстномъ направленіи, то ихъ можно заставить пойти и въ обратную сторону. Напр., кристаллы могутъ увеличиваться и уменьшаться въ зависимости отъ химическихъ реакцій. Но при развитіи растений и животныхъ—этотъ процессъ невозможенъ: органическія явленія необратимы. Проф. I. Reinke говоритъ: „подобно тому какъ нельзя заставить повторяться въ обратномъ порядкѣ исторію XIX в., составить въ обратномъ порядкѣ стихотвореніе, рѣчь, или музыкальную пьесу, точно такъ же невозможно повернуть назадъ органическій процессъ роста.“ Въ этомъ отношеніи

развитію растеній и животныхъ не хватаетъ одного существеннаго признака механическихъ явленій. А если такъ, то въ процессѣ роста необходимо допустить не механический факторъ“ 1).

Резюмируя сказанное нами, мы должны отмѣтить на поставленный выше вопросъ такимъ образомъ, что хотя физикъ или химикъ можетъ прилагать свои приемы къ объясненію явленій органической жизни (напр., химикъ всегда можетъ опредѣлить составъ давнаго организма, вліяніе на него пищевыхъ веществъ), но въ то же время, при изученіи жизненныхъ явленій необходимо имѣть въ виду и другую точку зрѣнія, не имѣющую ничего общаго съ физикой и химіей. Организмы представляются намъ какъ нѣкоторыя единицы, особо недѣлимые, но не какъ тѣла, способныя раздробляться и видоизмѣняться независимо отъ цѣлаго. Всѣ свойства и весь составъ организма не принадлежатъ ему неизмѣнно, но вначалѣ они постепенно имъ приобрѣтаются, усвояются, затѣмъ теряются, расходуются. Величина и форма въ организмѣ далеко не безразличны, а имѣютъ извѣстную опредѣленность, видоизмѣняемую соотвѣтственно съ такимъ или инымъ состояніемъ организма.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія о характерѣ жизненныхъ явленій, мы рассмотримъ теперь каждый изъ указанныхъ нами выше типовъ жизненныхъ явленій, стараясь, по возможности, выяснитъ его зависимость отъ общихъ физико-химическихъ законовъ и его состоятельность въ связи съ общей жизнью органическаго тѣла.

Организация

Безконечное разнообразіе формъ, которое мы наблюдаемъ въ органическомъ царствѣ, поражаетъ насъ своей стройностью и своимъ поразительнымъ единствомъ въ разнообразіи частности. Во первыхъ, организмы суть существа, представляющія безграничное разнообразіе. Во всемъ органическомъ царствѣ мы не найдемъ существъ совершенно тождественныхъ другъ съ другомъ. Если насъ иногда поражаетъ сходство близнецовъ, то это сходство нужно приписать недостаточности нашихъ наблюденій. Каждый организмъ есть особь въ полномъ смыслѣ слова, и при томъ особь отличная отъ

1) J. Reiske, Die Welt als Phän. 1904, p. 184.

другихъ. Въ неорганической природѣ разнообразіе явленій сравнительно ничтожно по сравненію съ разнообразіемъ въ органическомъ царствѣ. Замѣчательна также и та особенность организмовъ, въ силу которой характеристическія черты послѣднихъ, проникающія извѣстную особь, неизмѣнно обнаруживаются во всѣхъ частяхъ даннаго организма, во всѣхъ его проявленіяхъ и при томъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Въ наукѣ по одному листочку опредѣляютъ родъ и видъ растеній, по одной кости ископаемаго опредѣляютъ родовые признаки животнаго и принадлежность его къ тому, или другому классу. Даже въ общежитіи мы очень часто узнаемъ людей по походкѣ, по шелесту платья, даже почеркъ мы считаемъ выраженіемъ нѣкоторыхъ индивидуальныхъ особенностей человѣка. Но при всемъ томъ, каждое живое существо, каждая особь остаются вѣрны сами себѣ, своему типу. Разнообразные люди одной и той же народности носятъ на себѣ печать одного и того же типа, проявляющуюся во всѣхъ его поступкахъ, въ характерѣ, во внѣшнемъ видѣ и проч.

Какъ вообще должны мы представлять себѣ организацію живого существа и каковъ ея характеръ? Клодъ Бернаръ, даетъ такое опредѣленіе организаціи: „организація есть результатъ смѣси сложныхъ веществъ, реагирующихъ другъ на друга. По нашему мнѣнію, свойства, присущія живой матеріи, зависятъ отъ группировки этихъ веществъ, группировки, особенной и весьма сложной, но тѣмъ не менѣе подчиненной общимъ химическимъ законамъ группировки матеріи. Жизненные свойства въ сущности, ни что иное, какъ физико-химическія свойства организованной матеріи“¹⁾. Изъ этого опредѣленія организаціи, видно, что Клодъ Бернаръ, понимаетъ подъ послѣдней особую группировку свойствъ живой матеріи въ ихъ физико-химическомъ обнаруженіи.

Нужно сказать, что такое пониманіе организаціи далеко отъ того, чтобы признать его истиннымъ. Это опредѣленіе организаціи, носитъ чисто матеріалистическій характеръ и есть результатъ смѣшенія разнородныхъ понятій—структуру живого существа и его организаціи. Структура и организація въ живомъ существѣ—два понятія діаме-

¹⁾ К. Бернаръ. Опредѣленіе жизни, стр. 138 (Сборникъ Фауссека).

трально-противоположныя. Въ этомъ случаѣ проф. Schneider прекрасно выясняетъ смыслъ и истинное значеніе организаци. По Schneider'у „организмъ есть существо съ субстанціей всякаго рода: съ одной стороны онъ состоитъ изъ имматеріальныхъ, неразрушимыхъ началъ, которыя можно назвать психической субстанціей, а съ другой изъ матеріальной субстанціи и въ этомъ отношеніи онъ подлѣжитъ дѣйствию всѣхъ тѣхъ физико-химическихъ законовъ, которые господствуютъ въ неорганической природѣ“¹⁾. Матеріальныя свойства организма воплощаются въ особомъ веществѣ организма—плазмѣ. Для плазмы характерна ея разнообразная структура, выражающаяся въ разнообразныхъ видахъ органическихъ тканей: волокнистой, зернистой, сократительной и др. Плазма является ареной, на которой разыгрываются матеріальные процессы организма, организаци служитъ въ качествѣ нематеріальнаго начала, которое обуславливаетъ разнообразіе въ строеніи живого существа. Отсюда Schneider выводитъ два закона: законъ плазмы и законъ организаци. Первый гласитъ: „тѣло cadaго живого существа въ матеріальномъ смыслѣ состоитъ изъ плазмы, строящейся изъ структуры, которая можетъ расти и дифференцироваться и развиваться соотвѣтствующія ткани“²⁾; второй законъ гласитъ слѣдующее: „въ нематеріальномъ смыслѣ организмъ состоитъ изъ организаци, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выведена изъ роста или дифференціаци тканей, напротивъ она выступаетъ какъ нечто совершенно отдѣльное отъ плазмы и обуславливающее разнообразіе въ строеніи живого тѣла“³⁾.

Итакъ, согласно съ Schneider'омъ, мы должны въ организаци живого существа строго различать матеріальную сторону и нематеріальную. Первая подчинена физико-химическимъ законамъ, во второмъ должны признать особый нематеріальный факторъ, который регулируетъ то разнообразіе въ живомъ организмѣ, которое обнаруживается въ его строеніи, въ противномъ случаѣ было бы непонятно, почему то, что въ одномъ мѣстѣ составляетъ такъ, въ другомъ мѣстѣ—совсѣмъ иначе. Мы должны признать тотъ несо-

¹⁾ K. C. Schneider, Grundgesetze der Deszendenztheorie, p. 32.

²⁾ K. C. Schneider, патер. соч., p. 40.

³⁾ Ibid.

мнѣнный фактъ, что, напр., химическіе элементы, входящіе въ составъ живого существа, соединяются или распадаются въ немъ по тѣмъ же законамъ, которые управляютъ ими и въ мірѣ физическомъ, но, очевидно, что химическое средство этихъ элементовъ въ организмѣ, ихъ разнообразная комбинація чѣмъ то регулируется и направляется въ одушевленномъ существѣ; необходимо предположить, что эти элементы находятся въ распоряженіи нѣкоторой власти, которая увеличиваетъ или уменьшаетъ ихъ энергію, управляетъ тѣми формами и условіями, въ силу которыхъ дѣлается возможнымъ такая или иная организація живого существа. Возможно-ли допущеніе такого нематеріальнаго фактора и если возможно, то какова должна быть его природа, — это мы увидимъ во второй части настоящаго труда, а теперь намъ необходимо коснуться машинной теоріи организмовъ, теоріи, которая въ опредѣленіяхъ объ организаціи живыхъ существъ получила весьма широкое распространеніе.

Машинная теорія организмовъ ведетъ свое начало изъ глубокой древности, но свое яркое выраженіе она нашла у Декарта, который сводилъ къ передачѣ движенія отъ одной матеріальной системы къ другой всякій естественный процессъ, независимо отъ того, происходитъ ли онъ въ живомъ тѣлѣ или нѣтъ. Основанія для аналогіи между организмомъ и машиной очень соблазнительны. Характерныя черты жизни, — гармонія, и ритмъ въ движеніяхъ, полное согласіе отдѣльныхъ частей, съ изумительной точностью повторяющихся извѣстныхъ отправленій, разнообразіе частей, функционирующихъ по одному общему плану, раздражимость организмовъ; восполненіе запасовъ энергіи, — все это такія черты, которыя находятъ для себя извѣстную аналогію и въ машинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя въ извѣстномъ смыслѣ назвать растительную клѣтку аппаратомъ, въ которомъ лучистая энергія солнца превращается въ химическую? Развѣ животное нельзя назвать въ извѣстномъ смыслѣ организмомъ, нуждающимся въ восполненіи энергіи, въ нѣкотораго рода ремонтировкѣ? Наконецъ, развѣ машина не обладаетъ своего рода интеллектномъ, душой, которые воплощаютъ въ себѣ духъ и мысль своего изобрѣтателя? Когда машина работаетъ, она какъ бы мыслить по тому плану, который вложенъ въ

нее ея изобрѣтателемъ. Эта одухотворенность машины, эти безконечныя аналогіи подали поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ изучать явленія жизни по аналогіи съ дѣятельностью машины, что, разумѣется, повело къ печальнымъ недоразумѣніямъ.

Различіе между машиной и организмомъ, безъ сомнѣнія, очень существенно. И прежде всего въ отношеніи матеріала, изъ котораго созданы машины и организмы: первыя строятся преимущественно изъ элементовъ твердыхъ, крѣпкихъ,—въ то время какъ организмъ состоитъ изъ частей мягкихъ, водянистыхъ, а твердыя части организма служатъ для поддержанія его мягкихъ частей. Далѣе развитіе организма—столь существенный признакъ живого тѣла, что въ этомъ случаѣ недопустимы никакія аналогіи въ сравненіи съ машиной. Наконецъ, ростъ организма, начиная съ клѣтки и вплоть до развитого тѣла, характеризуется особой чертой, присущей лишь одному организму—самосознаніемъ, явленіемъ, котораго мы напрасно искали бы въ машинѣ. Правда, и машина создается строителемъ, но въ этомъ случаѣ сила, создающая машину, находится внѣ послѣдней, тогда какъ сила, создающая органическое тѣло, находится въ самомъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, живыя тѣла очень существенно отличаются отъ машинъ, чтобы можно было говорить объ ихъ полной аналогіи.

Но при всемъ томъ аналогія между организмомъ и машиной возможна и даже необходима въ цѣляхъ изученія нѣкоторыхъ свойствъ живого существа, и въ такомъ случаѣ эта аналогія, не касаясь субстанціальной стороны организма, его развитія и самосозиданія, должна носить, такъ сказать, *инструктивный* характеръ. Выясняя характеръ этой аналогіи, проф. I. Reinke говоритъ: „машина строится изъ матеріальнаго вещества, но въ конфигураціи этого вещества она воплощаетъ доминанты своей работоспособности. Въ этомъ смыслѣ доминанты растений и животныхъ тождественны съ доминантами машины. Когда оркестръ выполняетъ знаменитую арію, то эта послѣдняя не только соответствуетъ конфигураціи аппарата, но причинно обусловлена этимъ послѣднимъ: мускульная энергія, передаваемая моею рукой въ аппаратъ необходимо вызываетъ чрезъ эту конфигурацію

извѣстную мелодію“¹⁾. Однако Reinke указываетъ и на различія между машиной и организмомъ: „я признаю, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ Декартомъ, что съ одной стороны, организмъ аналогиченъ съ машиной, а съ другой стороны говорю вмѣстѣ съ Кантомъ, что его своеобразность далеко возвышается надъ уровнемъ машины. Это убѣжденіе приводитъ меня къ динамической теоріи организма и жизни, которая (теорія) признаетъ въ организаціи три дѣйствующихъ группы силъ. Двѣ группы изъ этихъ силъ общи организмамъ и машинамъ, третья группа возвышается надъ всеми другими и можетъ быть сравнена только съ духовными силами человѣка“²⁾. Первая группа силъ—двигательная энергія, вторая—система силъ, имѣющая дѣло съ упругостью и эластичностью машиннаго матеріала и третья группа—доминанты. Мы видимъ, такимъ образомъ, что проф. Reinke пользуется аналогіей машины и организма, не затрагивая субстанціальной основы сравниваемыхъ предметовъ и въ этомъ случаѣ эта аналогія очень полезна ему въ додактическихъ цѣляхъ. Проф. Schneider очень часто прибѣгаетъ къ этой же аналогіи и построетъ на ея основѣ проблему субстанціи живого существа, о чемъ рѣчь ниже.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другого характернаго признака жизни, извѣстнаго подъ названіемъ размноженія.

Размноженіе.

Организація служитъ въ живомъ существѣ для поддержанія извѣстнаго равновѣсія дѣйствующихъ въ немъ химическихъ элементовъ,—рожденіе или размноженіе служитъ для поддержанія органической породы т. е. опредѣленной формы жизни, которую мы отличаемъ отъ другихъ формъ подъ именемъ вида.

Подъ именемъ размноженія извѣстенъ процессъ увеличенія численности животныхъ чрезъ воспроизведеніе себѣ подобныхъ. Этотъ процессъ—одно изъ тѣхъ загадочныхъ явленій жизни, которое разительнѣе всего отличаетъ живые организмы отъ безжизненныхъ. Благодаря этому великому

¹⁾ I. Reinke. Einleitung in d. Theoret. Biologie. Berlin, 1901. p. p. 170, 610.

²⁾ Ib., p. 189.

жизненному акту между организмами существуетъ непрерывная и постоянная связь, которая существенно ихъ характеризуетъ. Каждый данный типъ есть типъ наследственный и не отъ однихъ ближайшихъ родителей, но отъ отдаленныхъ предковъ и самый процессъ развитія, наблюдаемый въ данномъ организмѣ, не есть, такъ сказать, первоначальный совершенно обособленный процессъ, но есть процессъ послѣдовательный, начало котораго кроется въ безмѣрной цѣпи племенъ и поколѣній. Если мы представимъ себѣ такую безконечную цѣпь поколѣній, то какъ бы она не развѣтвлялась,—мы должны будемъ признать, что, въ сущности, это одно и то же существо, безконечно разнообразящееся въ каждомъ поколѣніи и что въ данномъ случаѣ наблюдается одинъ безконечно-разнообразный процессъ, начинающійся и развивающійся въ постоянной смѣнѣ эпохъ, племенъ и родовъ. Такимъ образомъ, значеніе этого процесса въ системѣ мировой жизни—громадно: оно сообщаетъ единство громадному числу живыхъ существъ на землѣ.

Въ чемъ же сущность этого процесса?

Не имѣя возможности входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ видовъ размноженія и ихъ характерныхъ особенностей, мы, вкратцѣ, напомнимъ лишь общія черты этого процесса.

Размноженіе можетъ совершаться половымъ способомъ (амфигонія) и бесполомъ (моногогонія). Послѣдній видъ размноженія присущъ простѣйшимъ организмамъ — амебамъ, инфузоріямъ, монерамъ и состоитъ въ дѣленіи и почкованіи, въ обновленіи и копуляціи или конъюгаціи. Послѣдній видъ бесполого размноженія, считающійся, впрочемъ, простѣйшимъ видомъ оплодотворенія и поэтому видятъ въ немъ переходъ къ половому размноженію. У растений, бесполое размноженіе имѣетъ самые разнообразные виды: 1) путемъ непосредственнаго явленія; 2) спорами (у споровыхъ растений); 3) клубнями или шишками; 4) луковицами (у высшихъ стѣнныхъ растений); 5) частями различныхъ органовъ (отводки, черенки, прививки и проч.). Микроскопическіе, одноклѣточные организмы, размножающіеся по способу дѣленія, издавна занимали вниманіе ученыхъ, такъ какъ эти организмы аналогичны съ клѣтками высшихъ животныхъ, которыя (кѣтки) размножаются точно такимъ же образомъ.

Процессъ дѣленія животныхъ и растительныхъ клѣтокъ, а также и одноклѣточныхъ организмовъ, каковы: амеба, haematococcus, heteromita, euglena, протомуха, мусетозоа и др. сопровождается весьма характерными и сложными измѣненіями въ клѣточномъ ядрѣ, на которыя необходимо обратить вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время создалась цѣлая теорія о первенствующемъ значеніи клѣточного ядра, какъ носителя жизненныхъ свойствъ организма.

Процессъ дѣленія одноклѣточныхъ организмовъ и животныхъ клѣтокъ происходитъ весьма сложнымъ путемъ и при томъ совершенно одинаковымъ какъ въ растительномъ, такъ и въ животныхъ клѣткахъ. Какъ извѣстно, животная клѣтка состоитъ изъ прозрачнаго полужидкаго вещества, пронизованнаго нѣжнымъ сѣтчатымъ остовомъ. Ядро клѣтки имѣетъ сферическую форму, окружено нѣжной оболочкой и содержитъ двѣ составныя части: хроматинъ и ахроматинъ, или ядерный сокъ; первый густо окрашивается реактивами, второй неокрашивается вовсе. Ядро имѣетъ свою оболочку, такъ какъ въ состояніи покоя оно рѣзко отграничено отъ плазмы. Въ ядрѣ находится одно или нѣсколько шаровидныхъ тѣлецъ, такъ назыв., ядрышки, которыя либо помѣщены въ хроматиновыхъ петляхъ, либо въ связи съ послѣдними. Въ тѣлѣ клѣтокъ находится еще шаровидный участокъ, окруженный лучисто расположенной протоплазмой; это такъ назыв. сфера, она лежитъ обычно около ядра и содержитъ маленькое зерно, такъ называемое центральное тѣльце, или центрозома.

Въ началѣ дѣленія клѣтки дѣлятся сфера съ центрозомой и продукты ея дѣленія удаляются къ противоположнымъ полюсамъ ядра. Хроматиновая сѣть превращается постепенно въ длинную извилистую нить, распадающуюся на опредѣленное число сегментовъ, называемыхъ хромосомами. Число хромосомовъ у даннаго вида животныхъ и растений постоянно, но у различныхъ видовъ—оно различно: у одного вида 2 хромоз., у другого 12, у третьяго 24 и т. д. Дальнѣйшій процессъ дѣленія состоитъ въ томъ, что исчезаетъ оболочка ядра и ядрышко и между обѣими сферами появляется веретено изъ ахроматиновыхъ нитей. Въ то же время каждая хромосома раздѣляется по длинѣ (иногда поперекъ) на двое, а затѣмъ изъ каждой хромозомы отдѣляется пара

параллельныхъ, тѣсно примыкающихъ другъ къ другу, и такимъ образомъ, число хромозомовъ удваивается. Эти дуги располагаются по экватору веретена въ радіальномъ направленіи и образуютъ фигуру звѣзды. Послѣ этихъ подготовительныхъ процессовъ начинается дѣленіе. Двѣ хромозомы изъ каждой пары расходятся къ противоположнымъ полюсамъ веретена, образуя двѣ отдѣльныя группы и отъ каждой пары одна дуга отходитъ къ одной группѣ, другая къ другой. Можно видѣть, что суть этого сложнаго процесса направляется къ тому, чтобы подѣлить вещество хроматинныхъ элементовъ ядра поровну между дочерними клѣтками. Это процессъ распредѣленія направляется сферами съ ихъ центрозомами, а нити веретена суть пути, по которымъ двигаются хромозомы. Послѣднія, достигнувши полюса веретена, соединяются и образуютъ сѣть, вокругъ которой появляется оболочка. Такъ формируются дочернія ядра. Въ клѣткѣ, такимъ образомъ, мы видимъ два ядра и двѣ сферы, при чемъ хромозомы дочернихъ ядеръ произошли путемъ дѣленія хромозомъ материнскаго ядра, а сферы путемъ дѣленія материнской сферы. Остается еще дѣленіе тѣла клѣтки. Этотъ процессъ гораздо проще и происходитъ двоякимъ путемъ: или путемъ перетягиванія, подобно тому какъ можно раздѣлить кусокъ тѣста, накинувъ на него петлю и стянувъ послѣднюю; или путемъ, такъ назыв., клѣточной пластинки. Послѣдняя замѣчается преимущественно у растений. Она появляется въ видѣ нѣкотораго количества зернышекъ, исходящихъ изъ экваторіальной части веретена, эти зернышки потомъ расширяются, образуютъ экваторіальную пластинку, которая и дѣлитъ тѣло клѣтки на двѣ половины.

Описанный нами процессъ дѣленія животныхъ клѣтокъ и одноклѣточныхъ организмовъ носитъ специальное названіе каріокинезиса¹⁾ и имѣетъ весьма важное значеніе въ біологій при рѣшеніи вопроса о наследственности, о чемъ рѣчь ниже.

Половое размноженіе характеризуется тѣмъ, что организмы готовятъ внутри себя, въ органахъ размноженія особыя клѣтки—зародышевыя (яйца) и сперматозоиды, которые сливаются между собой для образованія зародыша

¹⁾ См. подробное описаніе каріокинетическаго дѣленія у *Бордина*. *Анатомія растений*, стр. 83—86 и у *Паркера*. *Лекціи по элемент. біологій*, стр. 57—61. Тамъ же и соответствующіе рисунки.

новаго организма. У растений оплодотвореніе происходитъ чрезъ опыленіе женскаго полового органа пылью мужскихъ органовъ. Всѣ зернышки цвѣточной пыли, сѣмянные живчики и сперматозоиды надѣлены оплодотворяющей способностью, но изъ опытовъ искусственнаго оплодотворенія обнаружилось, что одно зернышко цвѣточной пыли, или одинъ живчикъ не въ силахъ оплодотворить женское яичко. Необходимо, чтобы оно въ изобиліи пропиталось оплодотворяющимъ веществомъ.

Между половымъ и бесполомъ размноженіемъ можно поставить случаи такъ назыв. партеногенезиса (дѣвственнаго размноженія), когда яйцо развивается безъ оплодотворенія. Партеногенезисъ можетъ быть постояннымъ и случайнымъ. Первый наблюдается у пчелъ, яйца которыхъ, отложенныя для самцевъ, не оплодотворяются и развиваются дѣвственнымъ образомъ. Случайный партеногенезисъ наблюдается у шелковичныхъ бабочекъ, яйца которыхъ случайно не будучи оплодотворены—тѣмъ не менѣе даютъ новое животное. У травянистыхъ вшей въ теченіе извѣстнаго періода времени наблюдается исключительно дѣвственное размноженіе, чередующееся съ обычнымъ половымъ.

Кромѣ обычно раздѣльно-полового размноженія наблюдается еще размноженіе гермафродитное, при которомъ оплодотвореніе происходитъ въ одномъ и томъ же существѣ, заключающемъ въ себѣ и мужскіе и женскіе половые органы.

Этотъ краткій очеркъ видовъ размноженія и ихъ характерныхъ особенностей показываетъ намъ, съ какимъ удивительно сложнымъ и до крайности разнообразнымъ жизненнымъ явленіемъ мы имѣемъ дѣло. Уже въ царствѣ одноклѣточныхъ организмовъ насъ поражаетъ чрезвычайно сложная процедура дѣленія, рядъ весьма сложныхъ, до сихъ поръ лишь въ очень малой долѣ раскрытыхъ наукой химическихъ, физическихъ и механическихъ процессовъ, которые въ концѣ концовъ, приведутъ къ заранѣе намъ извѣстному результату—къ сформированію живого существа. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы получился жизнеспособный зародышъ—сколько требуется самыхъ разнообразныхъ условій! Достаточно взглянуть на цвѣтковые растения, чтобы встрѣтить цѣлый рядъ своеобразнѣйшихъ приспособленій, служащихъ къ тому, чтобы соединить пыльцевыя клѣтки одной особи съ ядрами другой. А это непреодолимое стремленіе разнополыхъ

существовъ другъ къ другу, эти разнообразныя способы оплодотвореній, наконецъ, это удивительнѣйшее строеніе оплодотворяющихъ и оплодотворяемыхъ тѣлецъ,—развѣ не способно все это повергнуть въ глубочайшее изумленіе самаго самоувѣреннаго и вмѣстѣ глубокомысленнаго ученаго?

И тѣмъ не менѣе приходится слышать и читать отвѣты на вопросы о причинѣ того или другаго жизненнаго явленія самыя поразительныя. Обычно говорятъ: процессы органической жизни совершаются роковымъ образомъ, при чемъ одни предшествующіе неминуемо влекутъ за собой другіе, послѣдующіе. Такъ съ высоты утеса, на горной вершинѣ, сорвался камень, или снѣжный комъ и скатываясь, захватываетъ все новыя и новыя массы снѣга, льду и камней, растеть съ минуты на минуту, пока не обрушится съ грохотомъ въ долину...

Такой же преемственный механизмъ совершается, по мысли нѣкоторыхъ, и въ органической жизни. Въ частности, что касается, напр., размноженія, то ходячее понятіе объ этомъ явленіи, приведенное нами выше (см. стр.) и вошедшее во многіе учебники біологіи ¹⁾, страдаетъ крайней односторонностью и неполнотой.

По мнѣнію Э. Геккеля есть „полная возможность свести функціи размноженія, которую обычно считаютъ изъ ряда вонъ выходящимъ „чудомъ жизни“ къ чисто физическимъ условіямъ. Распаденіе растущей особи на нѣсколько молодыхъ особей всегда необходимо должно наступать тогда, когда „естественный предѣлъ роста“, или его избыточность (*crescentia transgressiva*) перейдены, когда химическій характеръ растущаго тѣла и сцѣпленіе его молекулъ не позволяютъ никакого дальнѣйшаго увеличенія путемъ вбирания новой субстанции. Здѣсь наблюдается то же самое, что и у неорганическихъ кристалловъ. Каждый кристаллъ растеть въ пресыщенномъ маточномъ растворѣ только до известной величины, опредѣляемой его химическимъ молекулярнымъ строеніемъ. Разъ эта граница, высшая точка роста достигнута, то на большемъ старшемъ кристаллѣ отлагается много новыхъ маленькихъ кристалловъ. Этотъ процессъ совершенно тождественъ съ (органическимъ размноженіемъ“ ²⁾. Итакъ, согласно Геккелю, въ процессъ размноженія совер-

¹⁾ Ш. Летурно. Біологія. Спб. 1903, стр. 308.

²⁾ Э. Геккель. Чудеса жизни. СПб. 1908, стр. 20—21.

шенно уничтожается всякое разграничение между явлениями органической и неорганической природы.

Согласно другому взгляду явление размножения ничто иное какъ чисто случайный процессъ. „Случайное мѣстное совпадение физико-химическихъ условій повело къ возникновению на землѣ способнаго къ размноженію организма и эта способность организма, въ силу своей повторяемости, приобрѣла характеръ постоянства и неизмѣнности“¹⁾.

Это послѣднее воззрѣніе уже потому, что оно вводитъ случай въ научное объясненіе размноженія, не можетъ считаться основательнымъ. Согласно этому воззрѣнію случайное повтореніе извѣстнаго процесса придаетъ ему характеръ цѣлесообразности и поэтому самое учение о цѣлесообразности имѣетъ въ своей основѣ случай. Воззрѣніе это въ самой основѣ своей неправильно. При цѣлесообразныхъ явленияхъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто извѣстная повторяемость явлений, но смыслъ этой повторяемости тотъ, что мы необходимо допускаемъ вѣроятное и даже необходимое слѣдованіе одного процесса за другимъ, слѣдованіе, которое обусловлено извѣстными потребностями организма, условіями его существованія, его природой и проч. Если, напр., птицѣ, вьющей гнѣздо, попадаетъ въ клювъ та или другая соломина, или пушинка, то эти случайности не имѣютъ ни малѣйшаго значенія для сужденія о цѣлесообразной постройкѣ этой птицы гнѣзда, здѣсь дѣло скорѣе въ умѣньи пользоваться этой случайностью. Въ этомъ смыслѣ могутъ считаться случайными тѣ или другія внѣшнія условія размноженія, напр., время спариванія, но считать случаемъ самую способность органическаго тѣла къ размноженію—такое допущеніе явно противорѣчитъ нашему казуальному мышленію. Въ данномъ случаѣ властное требованіе нашего разума дать казуальное объясненіе органической цѣлесообразности въ механизмѣ замѣняется жалкимъ суррогатомъ случайнаго объясненія.

Теорія „избыточнаго роста“, предложенная Геккелемъ для объясненія явления размноженія еще менѣе можетъ удовлетворить насъ. Прежде всего, для насъ остается далеко невыясненнымъ—когда наступаетъ этотъ предѣльный ростъ организма и какимъ образомъ онъ можетъ вліять на размноженіе, чѣмъ вызывается импульсъ къ размноженію? Или

¹⁾ О. Бюкли. Биомеханизмъ и витализмъ (сборн. Фауссека)

1968 г. Москва. Издательство „Миръ“

быть можетъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло со „случайнымъ физико-химическимъ комплексомъ условій“? Аналогія съ явленіями роста и размноженія и кристалловъ нисколько не помогаютъ дѣлу, такъ какъ ростъ кристалловъ и организмовъ—двѣ вещи совершенно различныя и протекающія въ различныхъ условіяхъ. Какъ извѣстно, ростъ кристалловъ происходитъ чрезъ простую аппозицію, накладываніе новыхъ элементовъ на существующій остовъ, въ то время какъ ростъ организма происходитъ чрезъ интуссусценцію, внѣдреніе новыхъ элементовъ въ существующій организмъ. Наконецъ размноженіе кристалловъ происходитъ при искусственныхъ условіяхъ и лишено той сложности и законмѣрности, которыя наблюдаются при естественномъ размноженіи организмовъ.

Но допустимъ, что размноженіе есть результатъ избыточнаго роста организма, который какимъ-то непостижимымъ для насъ образомъ даетъ толчекъ къ возникновенію новаго организма,—въ такомъ случаѣ какой смыслъ носить оплодотвореніе, почему яйцевая клѣтка должна соединяться со сперматозоидомъ, прежде чѣмъ начнетъ процессъ развитія? Нечего и говорить, что при такомъ пониманіи размноженія проблема наследственности тоже не получаетъ никакого объясненія. Если все дѣло въ избыточномъ ростѣ, въ физико-химическихъ условіяхъ, то какимъ образомъ при помощи одного маленькаго тѣльца, которое едва замѣтно подъ самыми сильными микроскопами,—передается отъ отца къ сыну все богатство ихъ физическаго и духовнаго наследія?

Вѣдь зародышевая клѣтка потенциально заключаетъ въ себѣ всѣ особенности взрослага организма, между тѣмъ самыя точныя изслѣдованія, самыя сильныя микроскопы не приводятъ насъ къ открытію этихъ психо-физиологическихъ особенностей. Очевидно, что при посредствѣ этихъ клѣточекъ передаются не одни только физико-химическія соединенія, но, главнымъ образомъ, вся структура организма, въ которой соединены всѣ тѣ особенности, которыя мы наблюдаемъ въ живомъ существѣ.

Механизмъ надѣется, что въ будущемъ, съ развитіемъ науки, всѣ тѣ явленія, которыя претендуютъ на автономность, будутъ сведены къ явленіямъ міра неорганическаго.

Весьма возможно, что научныя изслѣдованія со временемъ настолько подвинутся впередъ, что будетъ вполне изучена

структура зародышевой клетки. Но, спрашивается, что дает намъ въ настоящее время изслѣдованіе этой структуры, подвинуло-ли оно хоть нѣсколько впередъ разрѣшеніе проблемъ размноженія или наследственности? Быть можетъ, эти изслѣдованія подвинули научное знаніе по пути къ признанію нѣкоторой гармоніи между явленіями фізіологическими и психическими, но, напр., удовлетворительное объясненіе проблемы размноженія еще и до сихъ поръ не дано намъ.

Итакъ, и здѣсь при рѣшеніи проблемы размноженія мы встрѣчаемся съ тѣмъ необъяснимымъ „X-мъ“, который приводитъ насъ къ необходимости признать наличность особаго нематеріальнаго начала, которое управляетъ этимъ загадочнымъ явленіемъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другого не менѣе важнаго процесса органической жизни—питанія.

Питаніе.

Размноженіе, какъ мы выше указали, служить въ организмѣ для поддержанія видовъ живыхъ существъ, но для того, чтобы данный видъ организма могъ существовать, необходимо его сохраненіе въ данной организаціи, для этой цѣли сохраненія организмовъ служить питаніе. Каждое живое существо большое или малое, съ такой или иной организаціей, животное или растеніе отличается отъ мертваго, неорганическаго вещества прежде всего тѣми явленіями, которыя мы обычно обозначаемъ обмѣномъ веществъ или питаніемъ. Сюда принадлежатъ явленія ассимиляціи и диссимиляціи и запасъ питательныхъ веществъ. При ассимиляціи данное вещество превращается въ специфическую субстанцію *упомянутаго* живого существа. У животныхъ процессы, имѣющіе въ виду эту цѣль, сравнительно просты, такъ какъ питаніе, растительная пища состоитъ изъ сложныхъ органическихъ соединеній. Гораздо труднѣе въ этомъ отношеніи работа растеній. Матеріалы, служащіе для нихъ въ качествѣ питательныхъ веществъ, суть простыя, неорганическія соединенія и элементы, какъ они находятся въ воздухѣ, водѣ и землѣ и прежде всего сама вода, затѣмъ фосфоръ, сѣрная кислота, уголь и пр. Растеніе сперва должно изъ этихъ простыхъ веществъ создать сложныя органическія соединенія—жиры, бѣлковое вещество, углево-

дородъ и, такимъ образомъ, сначала оно удовлетворяетъ свою потребность питанія, а затѣмъ ту же потребность животнаго и человѣка.

Но какъ происходитъ въ растеніи процессъ созиданія органическихъ соединеній, какъ напр., изъ углеводорода въ растеніи образуется виноградный сахаръ? Необходимый для этого углеродъ доставляется воздухомъ, но не въ свободномъ видѣ, а въ соединеніи съ углекислотой. Но такъ какъ послѣдняя содержитъ слишкомъ много кислорода для кратковременной потребности растенія, то необходима редуція, которая уменьшила бы слишкомъ богатое содержаніе кислорода. Въ химическихъ лабораторіяхъ подобная редуція, выполняется такимъ образомъ, что кислороду дается возможность соединиться съ веществомъ, съ которымъ онъ имѣетъ химическое сродство. Въ растеніи этотъ процессъ совершается при помощи зеленаго хлорофилла, который поглощая *известные* лучи солнечнаго свѣта, развиваетъ *известную* энергію, при помощи которой можетъ освободиться излишній кислородъ; формула $\text{C}_n\text{H}_2\text{O}_3$ превращается въ $\text{C}_n\text{H}_2\text{O}$, несгораемое вещество превращается въ сгораемое, изъ неустойчивой энергіи получается устойчивая и образуется запасъ потенциальной энергіи. Проф. I. Reinke почти съ поэтическимъ энтузіазмомъ изображаетъ этотъ процессъ: «съ быстротою молніи это движеніе проскальзываетъ отъ солнца при помощи лучей до зеленыхъ клѣтокъ растенія. Здѣсь лучи останавливаются, собираются, чтобы сложиться въ потенциальную энергію» (1). Когда редуціонный процессъ закончился, тогда конденсируются недостающіе продукты около 6-ти въ виноградный сахаръ и, такимъ образомъ, мы имѣемъ первое химическое соединеніе—углеводородъ. Изъ него растеніе уже сравнительно легко можетъ образовать чрезъ видѣленіе воды и удержаніе кислорода, различные жиры, входящіе въ составъ растенія.

Описанный нами процессъ подходитъ подъ категорію ассимиляціи. Полнымъ контрастомъ послѣдней является диссимиляція. Надъ чѣмъ работаетъ ассимиляція, то расходуетъ диссимиляція, но не бесполезнымъ и расточительнымъ образомъ, но чтобы доставить организму кинетическую энергію. При диссимиляціи вспомогательнымъ орудіемъ для работы является дыханіе. Воспріятымъ при дыханіи изъ воздуха

(1) Prof. I. Reinke: Die Welt als That. Berlin 1903. p. 194.

кислородъ соединяется съ органической субстанціей, „сжигаетъ“ ее и какъ конечный продуктъ выдѣляется вода и окись углерода. Это легко сказать, но этотъ процессъ чрезвычайно сложенъ и затруднителенъ и наука до сихъ поръ еще не вполне постигла его.

Кромѣ дыханія для диссимиляціи служитъ еще другое средство—ферментация, или распадъ бѣлка. Распадъ бѣлковъ у растеній не доходитъ до выдѣленія ихъ наружу, какъ у животныхъ, а служитъ для новаго синтеза бѣлковъ. Въ этомъ фактъ сказывается двойная функція жизни растенія—способность не только разрушать органическія вещества, но и синтезировать ихъ. Низшія растенія (грибы, бактеріи) стоятъ въ этомъ отношеніи ближе къ животнымъ, такъ какъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ наблюдается распадъ бѣлковъ до амміака и выдѣленіе послѣдняго наружу вмѣстѣ съ другими продуктами ихъ внутриклеточнаго обмѣна. Интересенъ у растеній тотъ фактъ, что экскреты нѣкоторыхъ изъ нихъ не выбрасываются наружу, но отлагаются самимъ растеніемъ въ различныхъ тканяхъ и органахъ; для этой цѣли жертвуются даже отдѣльныя клетки (идіобласты, хранилища выдѣлений), а иногда эти клетки опробковываются, чтобы предохранить ихъ отъ тѣхъ клетокъ, гдѣ происходитъ превращеніе питательныхъ веществъ.

Не имѣя возможности войти болѣе подробно въ разсмотрѣніе процесса питанія,—скажемъ лишь, что этотъ процессъ свойственъ безъ исключенія всѣмъ живымъ существамъ и составляетъ главное условіе ихъ жизни. Чрезвычайная сложность этого явленія, при его стройности и закономерности, заставляетъ проф. I. Reinke признать, что указанный чрезвычайно сложный процессъ „никогда не можетъ быть вызванъ химическими силами одной лишь органической субстанціи; онъ никогда не можетъ быть образованъ слѣпымъ господствомъ всеобщихъ физическихъ законовъ, но направленіе этихъ разумныхъ силъ, дѣйствующихъ въ процессѣ питанія, можетъ быть предначертано лишь разумомъ человѣческимъ, который можетъ имъ указать путь; изъ этого слѣдуетъ, что живая клетка не только арена химическихъ перемѣнъ, но также мѣсто тайнаго химика, который руководитъ этими перемѣнами“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ проф. I. Reinke приходитъ къ слѣдующему заключенію: „движенія обмѣна веществъ и

¹⁾ I. Reinke. Einleitung in d. Theoret. Biologie. Berlin. 1901. стр. 305.

измѣненія энергіи въ каждомъ животномъ, въ каждомъ растеніи чрезвычайно запутаны и при всемъ томъ установлены съ поразительной точностью. Мы видимъ, что вещество то и дѣло превращается, отношеніе его къ потенциальной и кинетической энергіи постоянно измѣняется: тѣмъ не менѣе существуетъ, очевидно, постоянный факторъ, поддерживающій порядокъ въ этомъ постоянномъ движеніи. И я не знаю какъ можетъ теоретическая біологія обойтись безъ этого сверхматеріальнаго фактора“ 1). Reinke находитъ чрезвычайно страннымъ и даже забавнымъ то предположеніе, по которому всѣми явленіями питанія управляетъ химическая структура протоплазмы. „Пришлось бы, говоритъ онъ, надѣлать вещество протоплазмы и ея химическій составъ по истинѣ свойствами чудотворца. И въ химіи ли тутъ дѣло? Питаніе представляетъ намъ массу процессовъ, которые соединяются въ известномъ порядкѣ и если бы протоплазма была только химической жидкостью, то какъ она могла бы такъ точно установить и такъ совершенно выполнить связь между ассимиляціей и диссимиляціей? Для этого мы нуждаемся въ особой организаторской способности, о которой мы можемъ догадываться лишь въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ жизни“ 2).

Намъ необходимо сказать еще нѣсколько словъ о дыханіи, этомъ фундаментальнѣйшемъ процессѣ жизни, который можетъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ по сравненію съ процессами ассимиляціи и диссимиляціи. Въ физиологическомъ смыслѣ подъ дыханіемъ нужно разумѣть: 1) обмѣнъ газовъ между животнымъ организмомъ и внѣшней окружающей средой, что составляетъ такъ назыв. внѣшнее или наружное дыханіе; 2) обмѣнъ газовъ между кровью, съ одной стороны, и лимфой и тканевыми элементами тѣла—съ другой, что составляетъ внутреннее тканевое дыханіе и 3) газовый обмѣнъ въ протоплазмѣ самихъ клѣточныхъ элементовъ, характеризующійся связываніемъ кислорода, т. е. переводеніемъ его во внутримолекулярный кислородъ вза-мѣнъ освобождающихся въ этой же протоплазмѣ частицъ углекислоты. Эта форма обмѣна составляетъ главную сторону функціи дыханія и называется внутримолекулярнымъ дыханіемъ. Вообще способность поглощать, связывать свободный

1) I. Reinke: *Einleitung in d. Theoret. Biologie* p. 842.

2) Ibid., стр. 272.

кислородъ и развивать взаимнъ углекислоту составляетъ фундаментальнѣйшую черту всего живого, начиная съ простѣйшей формы живой протоплазмы и кончая самыми сложными организмами. Вотъ почему жизнь какъ цѣлаго организма, такъ и каждой отдѣльной, составляющей его клѣтки, неразрывна съ дыханіемъ и остановка послѣдняго ведетъ за собой быструю смерть, наступающую тѣмъ скорѣе, чѣмъ жизнедѣятельнѣе было живое существо. Для поддержанія жизни клѣтокъ нужно, слѣдовательно, поступленіе къ нимъ новыхъ количествъ свободнаго кислорода и удаленіе отъ нихъ вредной имъ углекислоты. Эту послѣднюю задачу исполняетъ, главнымъ образомъ, кровообращеніе.

Артеріальная кровь, непрерывно подвозимая въ глубину тканей, благодаря присутствію въ ней особаго вещества оксигемоглобина, бываетъ богата связаннымъ кислородомъ, который, разъединяясь съ гемоглобиномъ, жадно притягивается живыми клѣтками организма. Обиліе углекислоты въ тканевыхъ элементахъ организма обуславливаетъ переходъ этой послѣдней въ кровь и превращеніе ея изъ артеріальной въ венозную, а также и переходъ этого газа въ лимфу, находящуюся тоже въ обращеніи. Въ результатъ получается постоянное зараженіе клѣточныхъ элементовъ кислородомъ и освобожденіе углекислоты. Но и здѣсь еще главная задача дыханія не выполнена. Для того, чтобы кровообращеніемъ достигалась двоякая цѣль—связываніе кислорода и освобожденіе углекислоты,—необходимо, чтобы и сама кровь со стороны газоваго обмѣна пополняла въ себѣ убыль кислорода, отдаваемого тканевымъ элементамъ, и освобождалась отъ углекислоты, непрерывно поступающей въ нее со стороны тѣхъ же тканевыхъ элементовъ. Эту задачу въ сложныхъ организмахъ выполняетъ наружное легочное дыханіе слѣдующимъ образомъ: венозная кровь, бѣдная кислородомъ и богатая углекислотой, при легочномъ дыханіи вступая въ близкое соприкосновеніе съ кислородомъ вдыхаемаго воздуха, связываетъ кислородъ и освобождаетъ углекислоту и уже въ этомъ обновленномъ видѣ кровь разносится по организму, гдѣ и выполняетъ свою роль.

Описанный нами сложный процессъ дыханія стоитъ въ самой тѣсной связи съ питаніемъ. Разъ растеніе, или животное могутъ дышать,—они могутъ жить, пока въ клѣткахъ хватаетъ запаса горючихъ веществъ. Если же этотъ запасъ

истощается и поваго не поступаетъ—жизнь прекращается, но такъ какъ животныя и растенія безъ пищи, при наличности одного дыханія, могутъ жить довольно долго, то отсюда открывается сравнительная важность процесса дыханія въ жизни организма.

Итакъ, функціи питанія могутъ быть представлены въ слѣдующихъ группахъ: 1) принятіе пищи и ея перевариваніе; 2) циркуляція усвоенныхъ веществъ; 3) дыханіе или газообмѣнъ; 4) кровообращеніе и 5) выдѣленіе вещества.

Всѣ эти отдѣльные процессы питанія механизмъ объясняетъ исключительно физико-химическими законами. Летурно, напр., объясняетъ этотъ процессъ чрезвычайно просто, какъ будто дѣло идетъ о какой-либо простой реакціи въ химической лабораторіи: „питаніе зависитъ, съ одной стороны, отъ физическихъ условій эндосмоса, экзосмоса и диффузіи; а съ другой стороны отъ химическаго сродства веществъ, принимающихъ участіе въ реакціяхъ. Во всемъ этомъ нѣтъ однако ни малѣйшаго мѣстечка для какого либо метафизическаго дѣятеля. Все ограничивается физическими и химическими законами, происходящими въ своеобразныхъ условіяхъ одновременности и сложности, но состоящими въ самой тѣсной связи съ измѣненіями окружающей среды“¹⁾. Точно такого же мнѣнія придерживается проф. Геккель въ своихъ „Чудесахъ жизни“²⁾.

Дѣло, однако, не такъ просто, какъ это представляется названнымъ изслѣдователямъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ матеріальные агенты, которые дѣйствуютъ въ организмѣ при процессѣ питанія. Къ числу этихъ агентовъ принадлежатъ: кислоты, щелочи, вода, соли, ферменты, теплота, кислородъ, треніе и др. Присутствіе каждаго изъ этихъ агентовъ въ мертвой природѣ обязательно приводитъ къ разрушенію вещества и къ приведенію его въ состояніе покоя. Академикъ А. Я. Давилевскій говоритъ по этому поводу: „ткани живого организма полны дѣятелями, способными разрушить не только сравнительно слабый химическій комплексъ, протоплазмы, но и самыя вещества, изъ которыхъ онъ состоитъ; эти дѣтели проникаютъ живое вещество по всѣмъ направленіямъ; не смотря на то, что они способны каждый въ своемъ родѣ нарушить цѣлостъ живого комплекса, выр-

1) Летурно. Биологія. СПб. 1908. стр. 91.
2) Геккель. Чудеса жизни. СПб. 1908. стр. 21 и 91.

вать изъ него ту или другую составную часть и измѣнить ее до полной негодности въ качествѣ пластическаго матеріала живого вещества. Въ особенности такой разрушительной силой обладаютъ кислородъ и химическіе ферменты; взятые вмѣстѣ эти агенты представляютъ изъ себя страшную разрушительную силу въ отношеніи къ пластичности живого вещества; въ особенности это нужно сказать о кислородѣ и тѣмъ не менѣе можно сказать, что нѣтъ ни одного истинно-пластическаго вещества протоплазмы, которое не имѣло бы въ своей средѣ одного изъ этихъ разрушительныхъ элементовъ“¹⁾.

Не смотря, однако, на присутствіе этихъ разрушителей организмъ все-таки устаетъ въ борьбѣ съ ними, направляетъ эти элементы себѣ на пользу, питается, увеличивается въ своей массѣ. Очевидно, такимъ образомъ, что живое существо сопротивляется, борется съ этими разрушителями и до послѣдней минуты своего жизненнаго состоянія остается цѣльной, нераздѣльной единицей.

Если, однако, всѣ эти разрушительныя вліянія обращаются на пользу организма, то это явленіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія физико-химическихъ законовъ. Академикъ В. Бехтеровъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „ни процессы разложенія, ни тѣмъ паче процессы возстановительные до сихъ поръ, не смотря на всѣ усилія біологовъ, не могутъ быть сведены къ физико-химическимъ законамъ“²⁾. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ всякаго вниманія мнѣніе А. Данилевскаго, который, анализируя процессы возстановленія и разрушенія приходилъ къ выводу, что въ живомъ существѣ находится сила, или способность, при посредствѣ которой оно имѣетъ возможность противодѣйствовать разрушительному дѣйствию воды, солей, тепла, ферментовъ и кислорода, непрерывно проникающихъ его всюду и стремящихся привести его въ состояніе мертвой, безсильной массы“³⁾.

Что касается до описаннаго нами процесса дыханія, то механизмъ и здѣсь видитъ лишь выраженіе обычныхъ законовъ аэродинамики. Летурно говоритъ по поводу этого процесса слѣдующее: „это физическое явленіе совершается

¹⁾ Данилевскій. Живое вещество. В. Евр. 1896. 3 т. стр. 314.

²⁾ В. Бехтеровъ. Психика и жизнь. СПб. 1902 стр. 59.

³⁾ А. Данилевскій. Живое вещество. В. Евр. 1896. г. 3 т. стр. 328.

въ своей совокупности по обычнымъ законамъ аэродинамики и осмоса и поэтому въ данномъ случаѣ допущеніе какихъ либо метафизическихъ началъ совершенно излишне“ 1). Обратнаго мнѣнія, однако, придерживается нашъ отечественный ученый И. П. Бородинъ. „Общая схема дыхательнаго процесса, говоритъ онъ, дана намъ гениемъ Лавуазье. Но какъ только мы отъ этой общей схемы переходимъ къ способу осуществленія самаго явленія, мы наталкиваемся на непреодолимая затрудненія. Въ этихъ случаяхъ обычно вступаютъ въ туманную область гипотезъ и чаще всего пытаются свести явленіе дыханія къ простому химизму. Но вѣдь и въ настоящее время мы еще не знаемъ съ достовѣрностью — какое собственно вещество въ организмѣ служитъ непосредственнымъ источникомъ, развиваемой при дыханіи углекислоты, не знаемъ мы также и того, служитъ ли вдыхаемый кислородъ импульсомъ къ развитію углекислоты или наоборотъ. Спрашивается, можно-ли при такомъ состояніи вопроса утверждать, что процессъ дыханія наукѣ удалось свести къ простому химизму? Хорошъ химизмъ, въ которомъ мы съ недоумѣніемъ останавливаемся на первомъ же явленіи гипотетическаго уравненія! Нѣтъ, наукѣ еще не удалось воплотить въ реальную осязательную форму общую схему дыхательнаго процесса, данную слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ Лавуазье, еще не удалось лишить дыханіе его жизненнаго ореола. Вѣрный спутникъ жизни все еще остается загадочнымъ, какъ и сама жизнь“ 2).

Къ этимъ словамъ почтеннаго ученаго мы должны прибавить, что все вообще попытки свести процессъ питанія къ физико-химическимъ законамъ должны быть признаны неудачными. Согласно механической теоріи сущность питанія сводится лишь къ тому, что происходитъ непрерывное обновленіе организма при помощи замѣны однѣхъ частицъ другими. Въ дѣйствительности, однако, этотъ процессъ не такъ ужъ простъ.

Дѣло въ томъ, что образованіе органическихъ элементовъ — процессъ, не имѣющій рѣшительно ничего общаго, напр., съ анпозиционнымъ ростомъ кристалловъ. Возобновленіе организма, выработка его тканевыхъ элементовъ не есть простое повтореніе стараго, а непременно нѣкоторый шагъ

1). Летурно. Біологія. СІБ. 1908. стр. 232.

2) И. Бородинъ. Жизнь и дыханіе. Миръ Божій. 1897. т. № 1, с. 56—57.

впередъ, нѣкоторая ступень развитія и въ этомъ смыслѣ функція питанія заключаетъ въ себѣ нѣкоторую динамическую, созидательную, образующую силу. Вещества, входящія въ составъ организма, не образуются этой силой, но само вещество организма создается этой силой. Этотъ процессъ воспроизведенія органической субстанціи составляетъ характеристическую особенность исключительно живыхъ существъ. Внѣшнія условія, безъ сомнѣнія, имѣютъ свою долю вліянія на питаніе животнаго организма. Въ качествѣ такихъ внѣшнихъ факторовъ должно признать свѣтъ и теплоту.

Свѣтъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ большее значеніе для растений, обладающихъ хлорофилломъ, чѣмъ для животнаго царства. Хотя, напр., извѣстно, что человѣкъ, которому приходится жить, хотя бы даже и не въ совершенномъ мракѣ, а только при слабомъ, разсѣянномъ свѣтѣ,—блѣднѣетъ, чахнетъ и хирѣетъ. Причиной этому является недостатокъ свѣта, который замедляетъ вещественный обмѣнъ въ процессѣ питанія.

Теплота для животнаго гораздо важнѣе свѣта. Животная жизнь, какъ и растительная, возможна лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ внѣшней температуры. Холоднокровное животное умираетъ, когда температура его анатомическихъ элементовъ достигаетъ до $+30^{\circ}$. Для млекопитающаго высшій предѣлъ температуры равняется $+45^{\circ}$, а для птицъ онъ повышается до $+50^{\circ}$.

Указанные факторы окружающей среды имѣютъ свою долю вліянія на процессъ питанія, но что до самаго существа этого процесса, то здѣсь физика и химія съ своими приемами изслѣдованія совершенно непригодны. Процессъ распредѣленія веществъ въ организмѣ, въ силу котораго разнообразныя виды усвояемаго вещества въ одномъ мѣстѣ организма вступаютъ въ соединеніе съ существующими въ немъ элементами, въ другомъ мѣстѣ, за негодностью, выбрасываются, этотъ процессъ совершенно не поддается физико-химическому объясненію. Эта способность выбора усвояемыхъ веществъ, которую механизмъ старается объяснить при помощи законовъ диффузіи и эндосмоса, составляетъ исключительную принадлежность живого существа и законы физики и химіи здѣсь совсѣмъ не у мѣста. Выборъ и усвоеніе питательныхъ веществъ—одно изъ удивительнѣйшихъ свойствъ живого организма. Возьмемъ для примѣра

эпителиальные клѣтки нашего кишечника, которымъ принадлежитъ главная роль въ процессѣ усвоенія питательныхъ веществъ. Эпителиальная клѣтка кишечника есть тотъ же организмъ; подобно всѣмъ одноклѣточнымъ животнымъ эта клѣтка, путемъ сокращенія протоплазматическаго тѣльца, захватываетъ пищу и препровождаетъ ее въ лимфатическіе пути. Замѣчательно при этомъ то, что эпителиальные клѣтки нашего кишечника не пропускаютъ ядовъ и даже, напротивъ, при впусканіи этихъ ядовъ прямо въ кровь, они выдѣляются при помощи эпителиальныхъ клѣтокъ кишечника. Спрашивается, развѣ можно эту активную дѣятельность клѣтокъ нашего кишечника свести къ законамъ диффузіи и эндосмоса? Далѣе возьмемъ функцію железъ—процессы выдѣленія. И здѣсь мы замѣчаемъ ту же удивительную способность выбора: „извѣстныя вещества принимаются въ кровь, другія—нѣтъ, принятыя вещества подвергаются преобразованію посредствомъ синтеза и расщепленія, изъ образовавшихся продуктовъ извѣстныя и вполне опредѣленные приводятся къ началу выводныхъ протоковъ, а другіе обратно въ лимфатическіе и кровяные пути. Клѣтки эпителия молочной железы выбираютъ изъ совершенно отличной по составу крови неорганическія соли именно въ такомъ отношеніи, въ какомъ въ нихъ нуждается дѣтеныщъ для своего роста и развитія. Къ законамъ диффузіи и эндосмоса, заключаетъ проф. Bunge, этихъ явленій нельзя свести“¹⁾.

Такой же точной способностью отличаются и всѣ клѣтки нашего организма. Достаточно припомнить процессъ развитія нашего организма, при которомъ каждая клѣтка выполняетъ всѣ тѣ функціи, которыя ведутъ къ образованію организма; дѣленіе клѣтокъ, превращеніе ихъ въ ткани, выдѣленіе и отложеніе извѣстныхъ веществъ,—всѣ эти функціи имѣютъ въ виду одну опредѣленную цѣль.

Развѣ можно думать въ данномъ случаѣ о физико-химическомъ объясненіи этихъ функцій? Итакъ, разсмотрѣніе процесса питанія и его характерныхъ особенностей, приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что объясненіе этого процесса при помощи однихъ физико-химическихъ законовъ немыслимо.

Святи. Мартинъ Струмицкій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

31 Октября

№ 20

1914 года.

Содержаніе. Журналъ совѣщанія дѣятелей Харьковской миссіи, отъ 22-го сентября 1914 года.--Отъ Харьковской Епархіальной Издательской Комиссіи.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

Ж У Р Н А Л Ъ

совѣщанія дѣятелей Харьковской миссіи, отъ 22-го Сентября
1914 года.

Съ разрѣшенія ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА совѣщаніе дѣятелей Харьковской миссіи происходило въ квартирѣ Епархіальнаго миссіонера, присутствовали его помощники: свящ. о. Сулима, свящ. Григорій Поповъ, свящ. Сергій Лядскій и Александръ Бушевъ, уѣздный Богодуховскій миссіонеръ свящ. Петръ Капустянскій, Валковскій уѣздный миссіонеръ свящ. Михаилъ Николаевскій, окружной миссіонеръ 3 окр. Харьковскаго уѣзда свящ. Сергій Любарскій, книгоноши--со-бесѣдники: г. Харькова Митрофанъ Клюевъ, Харьковскаго уѣзда—Константинъ Золочевскій, Изюмскаго уѣзда діаконъ Иванъ Гаевскій и Зміевскаго уѣзда—Димитрій Бондаренко.

Предсѣдателемъ совѣщанія былъ Епархіальный миссіонеръ, прот. К. Селивановскій.

Начало засѣданія въ 6 ч. вечера.

Имѣли сужденіе:

1. *О положеніи сектантства въ миссіонерскихъ участкахъ епархіи.* Миссіонеръ по 1-му району свящ. о Сулима сообщилъ, что въ Харьковскомъ уѣздѣ сектантство не занимаетъ особенно воинственнаго положенія, хотя по мѣстамъ пропаганда сектантства производится довольно энергично, благодаря частому общенію жителей уѣзда съ городомъ Харьковомъ. Самыми зараженными и опасными въ смыслѣ сектантской пропаганды пунктами являются слѣдующія слободы: Ольшана, Пересѣчное и Синолицовка. Въ Богодуховскомъ уѣздѣ опасные пункты: Качаловка, Розѣвка, Филенково, г. Богодуховъ, Мирное, Мурафа и Мерло. Сектантство въ уѣздѣ противъ прошлаго года не усилилось, новыхъ совращеній изъ православія нѣтъ.

Въ Зміевскомъ уѣздѣ опаснымъ пунктомъ является слобода Соколово, въ которой нынѣ была обнаружена пропаганда при помощи грамофонныхъ пластинокъ съ рѣчами сектантскихъ проповѣдниковъ. Книгоноша Бондаренко совместно съ урядникомъ пластинки отобрали, а на виновнаго составили протоколъ для привлеченія къ законной отвѣтственности.

Въ 2-мъ миссіонерскомъ участкѣ, по заявленію А. И. Бушева, настроеніе массы народа къ церкви въ большинствѣ случаевъ безразличное, а по мѣстамъ и отрицательное, благодаря вліянію многочисленныхъ сахарныхъ заводовъ, расположенныхъ въ районѣ Сумского уѣзда. Самыми опасными пунктами являются: сл. Низы, Ободы, г. Сумы, г. Бѣлополье, въ которомъ сектантство замѣтно усиливаетъ свою дѣятельность, желѣзно-дорожныя станціи—Слобода и Ворожба. На ст. Ворожбу и въ г. Сумы наѣзжаютъ сектантскіе проповѣдники изъ Кіевской и Черниговской губерніи. Въ Лебединскомъ уѣздѣ сектантство очень слабо и опасныхъ пунктовъ нѣтъ. Въ Ахтырскомъ уѣздѣ требуютъ усиленнаго вниманія миссіи слободы: Котельва и Лутище.

Въ 3-мъ участкѣ, по заявленію о. Сергія Лядскаго, по линіи желѣзной дороги пропаганда сектантства идетъ усиленнымъ темпомъ, а вообще въ Изюмскомъ уѣздѣ дѣло обстоитъ безъ перемены противъ прошлаго года, т. е. энергичной пропаганды незамѣтно. Пунктами, требующими усиленнаго вниманія миссіи, являются: хуторъ Николаевка Семеновскаго прихода, сл. Лиманъ, хуторъ Петровка, сл. Рай-Александровка и Бѣленькая. Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ общее положеніе православія весьма удовлетворительно, благодаря доброму вліянію духовенства, хотя есть и опасныя пункты, требующіе особеннаго попеченія миссіи, каковы сл. Воеводскъ, Чертково, Даниловка и Муратово. Воеводскъ находится подъ вліяніемъ сектантовъ сосѣдней Воронежской губ. Въ Даниловкѣ построена мельница, владѣлица которой ведетъ усиленную пропаганду баптизма.

Въ 4-мъ участкѣ, по сообщенію о Григорія Попова, опасными пунктами сектантской пропаганды являются: г. Волчанскъ, сл. Печенѣги, Малая Волчья и Большая Бабка. Въ Купянскомъ уѣздѣ опасныя пункты—г. Купянскъ и слобода Новосиновка. Въ сл. Приствѣнъ число сектантовъ уменьшилось, благодаря дѣятельности мѣстнаго священника Алексѣя Торанскаго. Въ слободахъ: Сватовой-Лучкѣ, Кабаньемъ, Краснянкѣ, Кременномъ и Поповкѣ развивается секта новоизраильтянъ, на что необходимо обратить самое усиленное вниманіе. Валковскій уездный миссіонеръ, священникъ М. Николаевскій сообщилъ, что въ 1-мъ благочинническомъ округѣ почти всѣ приходы

заражены рационалистическимъ сектантствомъ. Всѣхъ сектантовъ въ уѣздѣ около 1600 душ. Особенной энергіи сектантство не проявляетъ, кромѣ слободъ-Ковяги, Новаго-Мерчика, Перекопа и Высокополя. Здѣсь нужна усиленная дѣятельность миссіи.

Центромъ всего сектантства епархіи, связующимъ сектантское движеніе въ одно цѣлое, является г. Харьковъ, гдѣ идетъ самая усиленная пропаганда сектантства. Число сектантовъ въ г. Харьковѣ увеличивается отъ прилива рабочихъ-сектантовъ изъ уѣздовъ и входящихъ на заработки изъ другихъ губерній. По наблюденіямъ Еп. миссіонера и свящ. Ѳ. Сулимы, подтвержденнымъ книгоношею Ключевымъ, на молитвенныхъ собраніяхъ баптистовъ на Димитріевской и Моичной улицахъ бываетъ до 500 человекъ. Идетъ усиленная пропаганда по окраинамъ города. Кромѣ разрѣшенныхъ собраній существуетъ болѣе 10 противозаконныхъ. Устраиваются безпрепятственно призывныя собранія молодежи, дѣтскія собранія, допускаются на собранія воинскіе чины мѣстнаго гарнизона. Есть въ Харьковѣ собранія скопцовъ и хлыстовъ. Первые происходятъ у Токаревой на Большой-Панасовкѣ д. № 22 и у Кузнецова на Конной ул. д. № 6. Харьковъ требуетъ самаго усиленнаго вниманія дѣятелей миссіи, такъ какъ во всѣхъ почти учрежденіяхъ казенныхъ и частныхъ въ числѣ низшихъ служащихъ встрѣчаются сектанты.

2. *Объ отношеніи духовенства къ миссіи и ея дѣятелямъ.* Совѣщаніе единодушно установило, что духовенство въ общемъ относится къ миссіи весьма сочувственно и благожелательно и по мѣрѣ силъ принимаетъ живое и дѣятельное участіе въ миссіонерскихъ бесѣдахъ. Встрѣчаются однако и такія лица изъ духовенства, которыя относятся отрицательно къ необходимости и пользѣ публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдъ и даже считают ихъ вредными.

3. *О мѣрахъ борьбы съ пропагандою на желѣзныхъ дорогахъ въ предѣлахъ епархіи.* Желѣзныя дороги епархіи служатъ разсадникомъ сектантской пропаганды, которою иногда занимаются и чины кондукторскихъ бригадъ. Напримѣръ, между г. Сумами и Бѣлгородомъ оберъ-кондукторъ поѣзда ревностно пропагандируетъ сектантство. Особенно важнымъ пунктомъ является Харьковскій вокзалъ, куда необходимо поставить спеціальнаго книгоношу—собесѣдника. Здѣсь въ настоящее время работаетъ Константинъ Кравченко, но онъ въ штатѣ миссіи не состоитъ и работаетъ исключительно по ревности къ св. дѣлу миссіи. Для противобѣдствія пропагандѣ на желѣзныхъ дорогахъ епархіи совѣщаніе всепочтительнѣйше ходатайствуетъ предъ Еп. Высокопреосвященствомъ, Архіепископомъ Антоніемъ, не призва-

наеть-ли Владыка возможнымъ отъ своего имени обратиться въ Жандармское Управленіе и Управленіе Южныхъ желѣзныхъ дорогъ съ просьбою побудить чиновъ жандармской полиціи и начальниковъ поѣздовъ и станцій слѣдить за пропагаторами сектантства и принимать законныя мѣры къ пресѣченію ихъ зловредной дѣятельности.

4. *О посѣщеніи дѣятелями миссіи молитвенныхъ сектантскихъ собраній.* Совѣщаніе единогласно постановило: непременно посѣщать таковыя и по окончаніи молитвенныхъ собраній вызывать на публичную бесѣду. Смущаться тѣмъ, что наносятся оскорбленія миссіонерамъ со стороны руководителей собраній и проявляется враждебное отношеніе всѣхъ членовъ собраній, не нужно въ виду того, что появленіе миссіонера въ собраніи заставляеть сектантовъ сдерживаться въ должныхъ границахъ по отношенію къ православной церкви, а присутствующимъ на сектантскихъ собраніяхъ православнымъ даетъ возможность требовать рѣшительнаго отвѣта по тѣмъ или другимъ вопросамъ, пререкаемымъ сектантами.

5. *Объ отношеніи полиціи къ сектантамъ и ихъ собраніямъ.* Полицейскіе чины, не смотря на прямое требованіе закона, обычно не присутствуютъ на молитвенныхъ собраніяхъ сектантовъ ни въ г. Харьковѣ, ни въ уѣздахъ. Православные, видя безпрепятственность со стороны полицейской власти сектантской пропаганды и глумленія надъ православіемъ, допускаемымъ на сектантскихъ, молитвенныхъ, собраніяхъ, смущаются совѣстью и удивляются тому, что зловредныя выступленія сектантовъ остаются безнаказанными. По слухамъ въ настоящее время на молитвенныхъ собраніяхъ сектантовъ допускаются рѣчи противъ войны съ нѣмцами. Крайне необходимо принять рѣшительныя мѣры противъ свободы рѣчей сектантскихъ руководителей, молитвенныхъ, собраній, что можно сдѣлать только при обязательномъ присутствіи полицейскихъ чиновъ на сектантскихъ, молитвенныхъ, собраніяхъ. Совѣщаніе всепочтительнѣйше ходатайствуетъ предъ Его Высокопреосвященствомъ о томъ, чтобы на это неисполненіе прямого требованія закона чинами полиціи, особенно въ г. Харьковѣ, было обращено должное вниманіе подлежащихъ властей.

6. *Объ отношеніяхъ миссіонеровъ къ церковно-приходскимъ школамъ въ районѣ.* Помощники Епархіальнаго миссіонера, за исключеніемъ о. Михаила Николаевскаго, не состоятъ членами Уѣздныхъ отвлеченій, находящихся въ мѣстѣ ихъ жительства. Между тѣмъ для пользы дѣла миссіи желательно, чтобы миссіонеръ въ своемъ уѣздѣ принималъ живое участіе въ школьномъ дѣлѣ, такъ какъ

церковно-приходская школа является естественною пособницею православнои миссіи въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ. Совѣщаніе посему почтительнѣйше ходатайствуетъ предъ Его Высокопреосвященствомъ, не признаетъ-ли Владыка возможнымъ назначить помощниковъ Епархіальнаго миссіонера членами тѣхъ уѣздныхъ отдѣленій Еп. Уч. Совѣта, въ районѣ которыхъ они постоянно живутъ.

7. *Объ увѣщаніяхъ отпадающимъ отъ Св. Церкви въ сектантство.* Въ настоящее время губернская администрація, въ случаѣ полученія заявленія о желаніи перейти въ сектантство, сообщаетъ о семъ Духовной Консистоіи, которая уже даетъ предписаніе подлежащему священнику о производствѣ требуемыхъ закономъ увѣщаній. Священнику, въ силу этого, на увѣщаніе остается часто очень мало времени, не болѣе 3—5 дней, потому что мѣсячный срокъ, полагающійся по закону, исчисляется со дня подачи заявленія просителя подлежащей власти. Между тѣмъ, циркуляромъ Мин. Вн. Дѣлъ отъ 18 Августа 1905 г. за № 4628 требуется, чтобы административная власть въ уѣздахъ, въ случаѣ поступленія на ея имя заявленія о желаніи перейти въ инославное исповѣданіе, одновременно съ представленіемъ заявленія Губернскому Начальству, сообщала о желаніи отпадающаго причислиться къ иному исповѣданію-православному приходскому священнику по принадлежности. Такимъ образомъ, пока заявленіе получаетъ движеніе у Губернскаго Начальства и черезъ Консистоію доходитъ до подлежащаго священника, послѣднему представляется полная возможность произвести отпадающему должное увѣщаніе въ требуемой закономъ мѣсячный срокъ. Если-бы Губернское Начальство, одновременно съ полученіемъ заявленія о желаніи перейти въ сектантство, извѣщало о семъ подлежащаго священника, то послѣдній съ должною энергіею и результатами могъ исполнить свой пастырскій долгъ по отношенію къ отпадающему и дѣйствительно имѣлъ-бы въ своемъ распоряженіи около мѣсяца на производство увѣщанія. Совѣщаніе посему всепочтительнѣйше ходатайствуетъ предъ Его Высокопреосвященствомъ, не признаетъ-ли Владыка возможнымъ просить Губернское Начальство, чтобы оно одновременно съ полученіемъ заявленія о желаніи перейти въ сектантство сообщало о семъ подлежащему священнику, а уѣздная полицейская власть въ подобныхъ случаяхъ обязательно руководилась указаннымъ циркуляромъ Мин. Вн. Дѣлъ отъ 18 Августа 1905 г. за № 4628.

8. *О публичныхъ бесѣдахъ въ г. Харьковѣ.* Въ виду того, что Харьковъ является центральнымъ пунктомъ сектантской пропаганды въ епархіи, необходимо въ немъ наивозможно чаще вести публич-

ныя миссіонерскія бесѣды. Посему совѣщаніе постановило: въ публичныхъ бесѣдахъ въ г. Харьковѣ должны принимать участіе всѣ помощники Епархіального миссіонера, который установитъ очереди для помощниковъ и укажетъ темы и мѣсто бесѣдъ, начиная съ Октября сего года.

9. *О новыхъ пунктахъ для книгоношъ.* Совѣщаніе находитъ безотлагательно необходимымъ открыть должности книгоношъ—собесѣдниковъ для уѣздовъ: Старобѣльскаго, Сумскаго, Валковскаго, Купянскаго и Волчанскаго и второго книгоноши для г. Харькова. Старобѣльское и Сумское духовенство, какъ болѣе обеспеченное, безъ затрудненія можетъ изыскать средства на содержаніе книгоношъ. Купянскому и Волчанскому уѣздамъ можетъ помочь Озерянское Братство, а на Валковскій у. и г. Харьковъ можетъ содержать книгоношъ Епархіальный Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ. Соответственное ходатайство совѣщаніе проситъ возбудить Епарх. миссіонера, прот. К. Селивановскаго.

10. *О миссіонерскихъ кружкахъ въ приходахъ Харьковской епархіи.* Совѣщаніемъ, выяснено, что во многихъ приходахъ епархіи духовенство уклоняется открывать миссіонерскіе кружки и руководить ими, считая ихъ дѣломъ обременительнымъ и не особенно полезнымъ. Въ виду того, что миссіонерскіе кружки являются однимъ изъ необходимыхъ условій успешной борьбы съ пропагандою сектантства, совѣщаніе всепочтительнѣе ходатайствуетъ предъ Его Высокопреосвященствомъ, не благоугодно ли ему будетъ сдѣлать распоряженіе объ обязательномъ открытіи миссіонерскихъ кружковъ въ тѣхъ приходахъ епархіи, которые заражены сектантствомъ. Харьковское Епархіальное Начальство уже дѣлало объ этомъ распоряженіе, но кружки существуютъ не во всѣхъ сектантскихъ приходахъ.

О периодическихъ съездахъ дѣятелей Харьковской миссіи. Для успешной миссіонерской работы, весьма важно, чтобы дѣятели миссіи до временамъ устраивали спеціальныя совѣщанія, на которыхъ можно выяснитъ своевременно текущія нужды мѣстной миссіи, радости и неудачи миссіонерскаго труда, поучиться другъ у друга, пріемамъ миссіонерской борьбы и, что особенно важно, дать возможность Архiepаскырю, какъ главному руководителю миссіи въ епархіи, точно знать положеніе миссіонерскаго дѣла, не ожидая годового о немъ отчета. Совѣщаніе находитъ полезнымъ для Харьковской епархіи устраивать спеціальныя собранія дѣятелей епархіальной миссіи черезъ каждыя 8 мѣсяца въ г. Харьковѣ, о чемъ почтительнѣе и ходатайствуемъ предъ Его Высокопреосвященствомъ.

Такъ какъ всѣ вопросы, предложенные о. Епархіальнымъ миссіонеромъ обсужденію настоящаго совѣщанія, были разсмотрѣны, то послѣ молитвы совѣщаніе объявлено законченнымъ.

Настоящій журналъ постановили представить на Архипастырское благовоззрѣніе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

На подлинномъ резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 25-го Сентября сего года за № 5556, послѣдовала такая: „призываю Божіе благословеніе на дальнѣйшіе труды о. о. миссіонеровъ и ихъ сотрудниковъ. Ревнителю Кравченко объявить благодарность Епархіальнаго Начальства; составить ходатайство Г. Губернатору о срокахъ увѣщаній (черновую), а желѣзно-дорожному начальству о пропагандистахъ. По ст. VI-й включить предположенныхъ лицъ въ составъ уѣздныхъ отдѣленій Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, прочее утверждается и журналъ сей отпечатать въ «Вѣрѣ и Разумѣ» и сдѣлать 50 оттисковъ, изъ коихъ нѣкоторые экземпляры разошлемъ мѣстнымъ начальствамъ. А. А.“

Отъ Харьковской Епархіальной Издательской Комиссіи по изданію брошюръ и листовъ религіозно-нравственнаго содержанія—къ свѣдѣнію духовенства епархіи.

Въ первомъ организаціонномъ собраніи Издательской Комиссіи между прочимъ постановили: выбрать исполнительный комитетъ, въ составъ котораго вошли: предсѣдатель прот. А. Юшковъ, товарищи, предсѣдателя: прот. Д. Поповъ, прот. Б. Селивановскій, свящ. М. Слуцкій, С. И. Чистосердовъ, В. А. Тихомировъ, В. Ф. Давыденко и секретарь свящ. І. Артинскій; въ комитетъ поступаютъ авторскія произведенія (т. е. брошюры и листки религіозно-просвѣтительнаго характера, миссіонерскаго, противоалкогольнаго и церковно-школьнаго), имѣющія быть напечатанными; по разсмотрѣніи сочиненія однимъ изъ членовъ комитета, сочиненіе, вмѣстѣ съ отзывомъ о немъ, вносится въ совѣтъ, который заслушиваетъ самое сочиненіе, отзывъ о немъ и даетъ окончательную санкцію на печатаніе. Постановили также: напечатать въ ближайшей книжкѣ журнала „Вѣра и Разумъ“ объ организаціи издательской комиссіи съ приглашеніемъ авторовъ направлять свои сочиненія, а сочувствующихъ дѣлу комиссіи—свои запросы и пожеланія, что и въ какой формѣ нужно народу,—на имя предсѣдателя комиссіи, ректора духовной семинарии прот. А. Юшкова.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста

1) Діаконъ - псаломщикъ Николаевской церкви с. Семеновки, Изюмскаго уѣзда, *Гордый Шаповаловъ*, 19 октября опредѣленъ на діаконское мѣсто при Николаевской церкви с. Терновъ, Лебединскаго уѣзда.

2) Крестыяннинъ *Петръ Гутченко* 18 октября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Кручика, Богодуховскаго уѣзда.

3) Бывшій діаконъ *Овдоръ Ткаченко* 18 октября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Троицкой церкви с. Крючки, Изюмскаго уѣзда.

4) Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи *Иванъ Македонскій* 12 сентября опредѣленъ псаломщикомъ къ Благовѣщенскому собору г. Харькова.

5) Бандидатъ богословія Московской Духовной Академіи *Иванъ Подлуцкій* 20 октября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Крестовоздвиженской ц. г. Харькова.

2) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священники церквей: с. Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, *Петръ Прокоповичъ* и с. Тарасовки, Богодуховскаго уѣзда, *Іоаннъ Юшковъ*, согласно ихъ прошенію, 20 октября взаимно перемѣщены.

2) Священникъ церкви с. Качаловки, Богодуховскаго уѣзда, *Василій Бесѣда*, по прошенію, 21 октября перемѣщенъ къ Георгіевской церкви с. Б. Даниловки, Харьков. уѣзда.

3) Священникъ церкви с. Богородичнаго, Купянскаго уѣзда, *Георгій Любинскій*, 21 октября перемѣщенъ къ церкви с. Качаловки, Богодуховскаго уѣзда.

4) Священникъ Георгіевской церкви с. Б. Даниловки, Харьк. уѣзда, *Константинъ Звениковъ*, 16 октября обратно перемѣщенъ къ церкви сл. Бременной, Купянскаго уѣзда.

5) Священники церквей: с. Подлѣсновки, Сумскаго уѣзда, *Алексій Котлярковъ* и с. Варваровки, Волчанскаго уѣзда, *Леонтій Антоновъ*, по ихъ прошенію, 16 октября взаимно перемѣщены.

6) Псаломщики церквей: с. Подлѣсновки, Сумскаго уѣзда, *Павель Лебедевъ* и с. Стараго, Сумскаго уѣзда, *Петръ Лихницкій*, согласно ихъ прошенію, 13 октября взаимно перемѣщены.

7) Временно и. д. псаломщика церкви с. Будовъ, Лебединскаго уѣзда, *Василій Федоровъ*, по его прошенію, 17 октября перемѣщенъ къ церкви с. Волобуевки, Изюмскаго уѣзда.

3) Обь увольненіи за штатъ.

1) Діаконъ Николаевской церкви с. Терновъ, Лебединск. уѣзда, *Инатій Власовскій*, по прошенію, уволенъ за штатъ.

2) Псаломщикъ Николаевской церкви с. Волобуевки, Изюмскаго уѣзда, *Михаиль Дубинъ*, согласно его прошенію, 13 октября уволенъ за штатъ.

3) Псаломщикъ Вознесенской церкви при Клугиновской колоніи глухонѣмыхъ *Сергій Черненькій*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ.

4) Псаломщикъ церкви с. Кручика, Богодуховскаго уѣзда, *Варволомей Дорошенко*, 17 октября отчисленъ отъ мѣста.

4) Обь утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ церкви с. Малаго Истороба, Лебединскаго уѣзда, 2 октября старостою утвержденъ крест. *Григорій Мигалевъ*.

2) Къ церкви с. Ульяновки, Сумскаго уѣзда, 8 октября—крест. *Стефанъ Маландій*.

3) Къ церкви с. Новаго Мерчика, Валковскаго уѣзда, 9 октября—крест. *Николай Подгорный*.

4) Къ церкви с. Тополей, Купянскаго у., 12 октября—крест. *Антоній Саввиновъ*.

5) Къ церкви с. Берестовой, того-же уѣзда, 12 октября—крест. *Инатій Матвѣенко*.

6) Къ Пророко-Ильинской ц. г. Бѣлополя 14 октября—крест. *Иванъ Кисель*.

5) Награжденіе духовенства.

Его Высокопреосвященствомъ священники церквей: с. Казачьей Лопани, Харьковскаго уѣзда, *Макарій Павловскій*, Покровской—с. Межирича, Лебединскаго уѣзда, *Димитрій Ольжакъ*, Троицкой—с. Василевки, того-же уѣзда, *Іоаннь Заводовскій* и Архангело-Михайловской гор. Краснокутска, *Іоаннь Ѳедоровъ*, награждены скуфіею и священники церквей: Крестовоздвиженской—с. Межирича, Лебединскаго уѣзда, *Димитрій Серединъ*, с. Груни, того-же у., *Іоаннь Биценко*, с. Ново-Александровки, Волчанскаго у., *Ѳеодоръ Гревширскій* и с. Новой-Рябины, Богодуховскаго уѣзда, *Іоаннь Бородавскій*—набедренникомъ.

6) **Вакантныя мѣста.**1) *Священническія:*

При Казанско-Богородичной ц. с. Богородичнаго, Куп. уѣз.

2) *Псаломщицкія:*

При Николаевской ц. с. Семеновки, Изюмскаго уѣзда.

„ Вознесенской ц. Клугиновской колоніи глухо-нѣмыхъ.

Діаконскихъ вакантныхъ мѣстъ не имѣется.

II.

Содержаніе. Открытіе Покровскаго мужскаго первокласснаго монастыря въ городѣ Харьковѣ. *Архимандрита Аванасія.*—Календарь престольныхъ праздниковъ Харьковской епархіи.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія Богослуженія.—Посѣщенія Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ Харьковской Духовной Семинаріи.—Открытіе и освященіе лазарета въ г. Чугуевѣ.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Предложеніе Уфимскаго Преосвященнаго Андрея.—Практическій способъ введенія бесѣдъ въ деревняхъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Къ Россіи.—Библиографическая замѣтка.—Объявленія.

Открытіе Покровскаго мужскаго первокласснаго монастыря въ городѣ Харьковѣ.

День 31-го августа сего 1914 года былъ изъ самыхъ выдающихся дней въ жизни Харьковскаго Покровскаго монастыря; въ этотъ день торжественно совершено было открытіе его.

Покровскій монастырь основанъ ¹⁾ въ 1726 году преосвященнымъ Епифаніемъ, Епископомъ Бѣлгородскимъ. Основавъ въ Харьковѣ славяно-греко-латинскую школу, названную коллегіумомъ, Епифаній присоединилъ къ этой школѣ каменный Покровскій храмъ, освященный митрополитомъ Аврааміемъ въ 1689 году. Храмъ этотъ преосвященный Епифаній обратилъ въ монастырь—подъ названіемъ училищнаго Покровскаго монастыря, что утверждено ука-

¹⁾ См. Справочную книгу для Харьковской епархіи, составленную секретаремъ Харьковской Духовной Консисторіи И. О. Самойловичемъ. Харьковъ 1904 года.

зомъ Св. Синода въ 1799 году. Съ этихъ поръ во главѣ монастыря и коллегіума стояло одно лицо: ректоръ коллегіума всегда былъ настоятелемъ Покровскаго монастыря.

Когда въ Харьковѣ открыта была самостоятельная кафедра, Покровскій монастырь назначенъ былъ для пребыванія въ немъ преосвященнаго и монашествующихъ, необходимыхъ при архіерейскомъ домѣ. Покровскій храмъ сталъ называться соборнымъ кафедральнымъ, пока въ 1846 году Успенскій храмъ города Харькова былъ переименованъ въ кафедральный соборъ.

Покровскій храмъ въ монастырѣ построенъ въ 3 этажа: верхній этажъ освященъ во имя Покрова Божіей Матери; храмъ во 2-мъ этажѣ—во имя Воздвиженія честнаго креста, а въ 3-мъ этажѣ недавно покойнымъ высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, устроенъ храмъ во имя преподобнаго Арсенія великаго. Храмъ этотъ правда былъ освященъ прежде во имя вселенскихъ святителей: Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и въ немъ были погребены Харьковскіе архипастыри: Христофоръ Сулима, первый епископъ Харьковскій († 13 мая 1813 г.); Аполлосъ Тфешкевичъ († 12 января 1817 г.); Иннокентій Александровъ († 31 марта 1869 г.) и Нектарій Надеждинъ († 7 сентября 1874 г.). Кромѣ сего здѣсь же покоится Теофилъ, бывший архіепископъ Екатеринославскій, а также погребены нѣкоторые изъ знатныхъ фамилій Слободской Украины.

Высокопреосвященный Архіепископъ Амвросій приказалъ разобрать иконостасъ въ этомъ храмѣ и всѣ иконы изъ него унести, такъ, что этотъ храмъ представлялъ просто комнату. Покойный владыка Арсеній въ первое же посѣщеніе усыпальницы Харьковскихъ архипастырей—поскорбѣлъ о томъ, что усыпальница, эта лишилась храма, а потому распорядился устроить въ ней, какъ сказано было выше, храмъ во имя преподобнаго Арсенія великаго—на свой счетъ.

Соборнымъ храмомъ въ семъ монастырѣ теперь считается храмъ во имя Озерянскоіи иконы Божіей Матери, построенный въ 1896 году покойнымъ высокопреосвященнымъ архіепископомъ Амвросіемъ; храмъ сей довольно величественный, устроенъ по плану древнихъ базиликъ. Храмъ сей двухъэтажный. Верхній храмъ трехпрестольный; глав-

ный престолъ во имя Озерянской иконы Божіей Матери, а придѣлы: на южной сторонѣ во имя св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, а на сѣверной—во имя св. великомученика Димитрія муроточиваго, Селунскаго чудотворца.

Главная святыня сего монастыря чудотворная Озерянская икона Божіей Матери, находившаяся прежде въ Покровскомъ храмѣ, теперь помѣщается въ Озерянской церкви.

Нижній храмъ одно-престольный—въ честь вселенскихъ святителей; въ немъ почиваютъ мощи святителя Мелетія, скончавшагося 29 февраля 1840 года. Святитель Мелетій (Леонтовичъ) почитается святымъ; онъ еще не канонизованъ, но граждане города Харькова, жители Харьковской и сосѣднихъ губерній имѣютъ къ нему великое уваженіе и по немъ непрестанно служатся панихиды, какъ напр. по преподобномъ Серафимѣ, когда мощи его еще не были канонизованы.

Въ Покровскомъ монастырѣ имѣется особенная книга, въ которую записываются чудеса, совершаемыя симъ святителемъ.

Нижній храмъ обыкновенно называется пещернымъ храмомъ, потому что онъ устроенъ въ нижнемъ этажѣ, расположенномъ въ землѣ. Въ семъ храмѣ погребены высокопреосвященные Харьковскіе: архіепископъ Амвросій, по лѣвую сторону отъ св. алтаря и архіепископъ Арсеній—въ нишѣ, находящейся по правую сторону отъ св. алтаря.

Третій храмъ въ Покровскомъ монастырѣ—Крестовая церковь во имя Скорбящей Божіей Матери, устроенъ весьма неудачно—въ третьемъ этажѣ архіерейскаго дома. Въ этотъ храмъ ведутъ 4 лѣстницы, очень крупныя и входить по нимъ въ храмъ больнымъ или старымъ людямъ весьма трудно.

Четвертый храмъ во имя всѣхъ Святыхъ,—устроенъ въ загородномъ архіерейскомъ въ домѣ, мѣстности, называемой „Всесвятское“—недалеко отъ Харькова.

Харьковъ городъ большой, торговый и очень богатый. Въ культурномъ отношеніи онъ даже думаетъ конкурировать съ Кіевомъ и старается сдѣлаться центромъ юга; но если въ гражданскомъ отношеніи онъ и далеко ушелъ, то въ духовномъ отношеніи онъ далеко отсталъ отъ старинныхъ русскихъ городовъ. Отсталъ вдвое и даже втрое отъ меньшихъ городовъ: напр. Ярославля, Ростова и проч.; даже отъ инородческихъ городовъ, и то Харьковъ далеко отсталъ въ

духовномъ отношеніи: такъ напр. въ татарской Казани находится 6 монастырей, изъ коихъ 4 мужскихъ и 2 женскихъ.

Правда въ Харьковѣ имѣется такъ называемый Покровский монастырь, но это не монастырь въ собственномъ смыслѣ, а архіерейскій домъ. Даже мѣстный архипастырь не считался настоятелемъ монастыря, а былъ только начальникомъ его. Вотъ нашъ благопечительный архипастырь—Высокопреосвященнѣйшій Антоній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, и пришелъ на помощь людямъ, которые ищутъ высшаго духовнаго совершенства. Порядокъ богослуженій въ Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ почти не отличался отъ богослуженій въ приходскихъ церквахъ, что, видимо, огорчало нашего архипастыря, какъ большого любителя истоваго богослуженія. Вотъ на этой почвѣ у нашего архипастыря и возникла мысль: устроить въ городѣ Харьковѣ настоящій монастырь съ порядками, практикующимися въ лаврахъ и знаменитыхъ обителяхъ, съ порядками какъ въ богослужебномъ, такъ и вообще въ истинно-монашескомъ режимѣ.

Было приступлено къ преобразованію Харьковскаго архіерейскаго дома въ самостоятельный монастырь, для чего и сдѣлано было представленіе въ Св. Синодъ—о преобразованіи Харьковскаго архіерейскаго дома въ первоклассный монастырь, такъ какъ въ немъ имѣются 3, вполне благоустроенныхъ и благоукрашенныхъ храма и при томъ съ достаточными матеріальными средствами. Св. Синодъ утвердилъ представленіе нашего архипастыря, при чемъ онъ былъ назначенъ настоятелемъ сего монастыря съ предоставленіемъ имѣть при семъ монастырѣ себѣ намѣстника. А такъ какъ Его Высокопреосвященство, управляющій обширною епархією и обремененный многоразличными дѣлами, не всегда можетъ имѣть время и возможность усмотрѣть за всѣми порядками въ монастырѣ, правда иногда какъ будто и мелочными (но въ жизни монастыря нѣтъ ничего мелочнаго), то онъ благоизволилъ назначить себѣ намѣстника, каковыя имѣются во всѣхъ первоклассныхъ монастыряхъ. На должность намѣстника Владыка назначилъ бывшаго эконома Харьковскаго архіерейскаго дома, о. архимандрита Рафаила, зарекомендовавшаго себя съ очень хорошей стороны, какъ въ административномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи.

День 31 августа Его Высокопреосвященство изволилъ

назначить днемъ открытія Покровскаго монастыря. Всенощное бдѣніе было совершено въ соборномъ Озерянскомъ храмѣ Покровскаго монастыря, при чемъ на литію и полувелей изволилъ выходить самъ Владыка. Въ этомъ же храмѣ Его Высокопреосвященство изволилъ совершить божественную литургію—въ сослуженіи архимандритовъ Покровскаго монастыря: Іосифа, Аванасія, Автонома и Рафаила и 2 іеромонаховъ. Къ литургіи Владыка изволилъ шествовать „со славою“. Послѣ литургіи Владыка произнесъ поученіе—глубоко назидательное, въ которомъ сначала объявилъ слушателямъ-богомольцамъ, что „сегодня состоится открытіе Харьковскаго Покровскаго монастыря. Правда, сказалъ Владыка, въ городѣ Харьковѣ былъ монастырь, называвшійся Покровскимъ, но онъ не былъ монастыремъ въ собственномъ значеніи этого слова, а былъ архіерейскимъ домомъ. Но не въ этомъ дѣло, сказалъ Владыка: вы, братіе, вѣроятно, пришли послушать поученіе на евангельское чтеніе. Въ сегодняшнемъ евангельскомъ чтеніи повѣствуется о званыхъ на вечерю, при чемъ Владыка съ присущимъ ему даромъ слова и воодушевленіемъ изобразилъ подробно картину исключимаго раба, убѣждая слушателей не уподобляться исключимому рабу“.

Послѣ литургіи архимандритъ Рафаиль облачился въ мантию, при чемъ Владыка вручилъ ему жезлъ первокласснаго монастыря съ сулкомъ и сказалъ ему назидательную рѣчь, завѣщая управлять братією разумно, осторожно и съ любовью, но не съ ослабленіемъ въ управленіи и проч.

Послѣ литургіи Владыка благословилъ совершить крестный ходъ, въ преднесеніи за престольнаго креста, хоругвей и монастырскихъ святынь Озерянской иконы Божіей Матери и Покрова Божіей Матери. Въ храмѣ былъ начатъ молебенъ Божіей Матери и продолжался во все совершеніе крестнаго хода. Изъ Озерянскаго храма крестный ходъ отправился къ фонтану, недавно устроенному, по распоряженію Владыки, среди монастырскаго двора. Посрединѣ фонтана устроенъ большой мраморный крестъ, изъ котораго бьютъ струи воды въ разныхъ направленіяхъ. Бассейнъ былъ наполненъ чистою водою. Здѣсь было совершено освященіе воды и былъ совершенъ чинъ основанія монастыря. Въ молитвахъ испрашиваема была у Господа Бога помощь монашествующимъ, чтобы

Онъ отвелъ отъ живущихъ въ обители всякія скорби и напасти, а преимущественно, чтобы Господь Богъ защитилъ братію отъ злыхъ духовъ, влекущихъ христіанъ на путь погибели, чтобы милосердный Господь отвлекъ отъ братіи всякія искушенія, соблазны отъ людей и злыхъ духовъ бываемыя и чтобы Господь водворилъ въ обители: миръ, тишину, любовь братіи между собою и сподобилъ бы всѣхъ получить небесное царство. Затѣмъ Владыка осѣнилъ обитель св. иконою и окропилъ ее на 4 стороны св. водою. Потомъ крестный ходъ отправился кругомъ новаго монастырскаго корпуса и чрезъ монастырскій садъ возвратился въ Озерянскую церковь.

По возвращеніи въ св. храмъ, Владыкою былъ совершенъ отпускъ. Старшій іеродіаконъ о. Филаретъ возгласилъ многолѣтіе: Государю Императору и всему царствующему Дому, Св. Правительствующему Всероссійскому Синоду и члену онаго Высокопреосвященнѣйшему Антонію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, съ богохранимою его паствою; затѣмъ Правительствующему Свнклиту, военачальникамъ, градоначальникамъ, христіолюбивому воинству, братіи и всѣмъ православнымъ христіанамъ, а второй іеродіаконъ о. Софроній возгласилъ стариннымъ напѣвомъ: „Спаси Христе Боже священноархимандрита Рафаила съ братією св. обители сія и храмы ея сохрани и утверди во вѣки вѣковъ“! Пѣвцы трижды пропѣли: „Спаси Христе Боже“! Этимъ и закончилось торжественное открытіе Покровскаго монастыря.

Дай, Господи, чтобы монашествующіе проводили жизнь во всякомъ благочестіи и чистотѣ, до послѣдняго издыханія своего помня, какіе обѣты давали они при постриженіи въ монашество. Кстати теперь будетъ болѣе побужденій проводить истинно монашескую жизнь, ибо теперь будетъ ежедневно совершаться утренняя, а вечеромъ вечерня и повечеріе.

Архимандритъ Аванасій.

КАЛЕНДАРЬ

престольныхъ праздниковъ Харьковской епархіи.

Мѣсяцъ, число, наименованіе священо-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
4 сентября.				
Св. иконы Божіей Матери Неопалимой Купины	Святогорскій монастырь.	Изюмскаго.	2	Въ селѣ Горожовкѣ монаст. эконот.
5 сентября.				
Св. Захарія и праведной Елизаветы.	г. Ахтырка.	Ахтырскаго.	1	Прид. къ Соборной церкви.
	сл. Капцуновка.	Богодуховскаго.	2	Прид. къ Рожд. Богород. ц.
	с. Кантакузово.	Валковскаго.	1	
6 сентября.				
Чудо Св. Архистратига Михаила въ Хонѣхъ.	с. Приволье.	Изюмскаго.	4	
	с. Колупаевка.	Харьковскаго.	4	
	Хорошевскій женскій монастырь.	Харьковскаго.	2	
	Старобѣльскій женскій монастырь.	Старобѣльскаго.	1	Прид. къ Троицк. церкви.
8 сентября.				
Рождество Пресвятой Богородицы.	сл. Боромля.	Ахтырскаго.	2	
	с. Каменка.	—	2	
	сл. Пушкарная.	—	3	
	с. Бырдины-Иваны.	Богодуховскаго.	1	
	с. Лозовая.	—	1	
	сл. Свнная.	—	1	

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селеніи и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе					
8 сентября.									
					Рожество Пресвятой Богородицы.	с. Вздоцкое.	Богодуховскаго.	1	
						с. Губаровка.	—	2	
						сл. Каплуновка.	—	2	
						г. Краснокутскъ.	—	2	Прид. къ Архан.-Михайл. церкви.
						г. Валки.	Валковскаго.	1	
						с. Дорофеевка.	—	1	
						с. Ковяги.	—	1	
						сл. Караванъ.	—	2	
						с. Волоховка.	Волчанскаго.	1	
						сл. Мартовая.	—	2	
						г. Чугуевъ.	Зміевскаго.	1	
						с. Константиновка.	—	1	
						сл. Алексѣевка.	—	2	
						сл. Андреевка.	—	3	
						сл. Гинѣевка.	—	3	
						с. Лагери.	—	3	
						с. Масловка.	—	3	
						с. Вишневое.	Изюмскаго.	1	
						с. Стратилатовка.	—	1	Прид къ Софійевск. церкви.
	с. Цареборисово.	—	1						
	с. Феодоровка.	—	1						
	с. Закотное.	—	2						
	с. Карповка.	—	2						
	с. Щурово.	—	2						

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
8 сентября. Рождество Пресвятой Богородицы.	с. Великая-Камышеваха.	Изюмского.	3	
	с. Квягининъ-Лиманъ.	—	3	
	с. Христище.	—	4	
	сл. Боровая.	Купянского.	1	
	сл. Берестовая.	—	2	
	сл. Поповка.	—	3	
	д. Ямполовка.	—	3	Приписн. къ Николаевской ц. сл. Терновъ.
	с. Будылка.	Лебединского.	1	
	сл. Рябушки.	—	1	Прид. къ Иоанно-Предтеченской ц.
	с. Михайловка.	—	2	
	г. Сумы.	—	1	
	г. Бѣлополье.	Сумского.	2	
	с. Кальченково.	—	2	
	сл. Алексѣевка.	—	3	
	с. Николаевка.	—	3	
	сл. Юнаковка.	—	3	
	сл. Евсугъ.	Старобѣльскаго.	1	
	сл. Бунчужная.	—	2	
	сл. Бондарево.	—	3	
	сл. Ново-Вѣленская.	—	3	
сл. Ново-Россоша.	—	3		
сл. Балованка.	—	4	Прид. къ Троицкой церкв	

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе.
8 сентября.				
Рожество Пресвятой Богородицы.	сл. Бараниковка.	Старобѣльскаго.	4	
	сл. Шелестова.	—	4	
	сл. Шуликина.	—	4	
	сл. Михайловка.	—	5	
	сл. Смольянинова.	—	5	
	сл. Штормовая.	—	5	
	сл. Мерѣфа.	Харьковскаго.	1	
	сл. Двурѣчный-Куть.	—	2	
	сл. Дергачи.	—	3	
	сл. Уды.	—	3	
	с. Черкасскіе Тишки.	—	4	
	г. Харьковъ.		1	
	г. Харьковъ.		1	Прид. къ Троицкой церк.
	с. Алексѣвка.	Харьковскаго.	2	
	с. Ивановка.	—	2	Прид. къ Іоанно-Богословск. церк.
	Святогорскій монастырь.	Изюмскаго.	2	
	Св. Троицкій Ахтырскій монастырь.	Ахтырскаго.	2	Домов. тепл. церк.
9 сентября.				
Св. Θεодосія Черниговскаго Чудотворца.	с. Михайловка.	Старобѣльскаго.	1	
	с. Ямы.	—	2	
	сл. Курячевка.	—	3	Прид. къ Вознес. церк.
	с. Ивановка.	Харьковскаго.	2	Прид. къ Іоанно-Богословск. церк.

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
<p>9 сентября.</p> <p>Св. Праведныхъ Богоотцевъ Іоанна и Анны.</p>	с. Одноробовка.	Харьковского.	3	Прид. къ Христо-рожд. церкви.
<p>11 сентября.</p> <p>Каплуновской иконы Божіей Матери.</p>	сл. Бѣловуракино.	Старобѣльскаго.	2	Кладбищ. безприх.
<p>14 сентября.</p> <p>Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня.</p>	сл. Боромля.	Ахтырскаго.	2	Прид. къ Покровской церк.
	с. Кручицъ.	Богодуховскаго.	2	
	сл. Козѣвка.	—	2	
	с. Новос.	Валковскаго.	2	
	сл. Лиманъ.	Зинѣвскаго.	3	
	г. Изюмъ.	Изюмскаго.	1	
	сл. Пристѣвъ.	Купянскаго.	1	
	сл. Гончаровка.	—	3	
	с. Межиричъ.	Лебединскаго.	2	
	сл. Байдовка.	Старобѣльскаго.	1	
	сл. Марковка.	—	3	Прид. къ Успенской церк.
	сл. Нижне-Баранковка.	—	4	
	с. Черкаска-Лобова.	Харьковского.	3	Прид. къ Успенской церк.
	с. Рускіе-Тышки.	—	4	
	г. Харьковъ.	—	1	
	Харьковский Бокровскій монастырь.	—	—	—

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
17 сентября.				
Св. муч. Софія, Вѣры, Надежды и Любви.	с. Токари.	Сумскаго.	1	Прид. къ Іоан.-Предтеченск. церк.
	с. Малая-Алекѣевка.	Харьковскаго.	4	
	с. Основа.	—	2	Прид. къ Іоанно-Предтеченск. церк. Прид. къ Всѣхсвятской церк.
	г. Харьковъ.		2	
19 сентября.				
Свят. Благовѣрнаго Князя Феодора Смоленскаго.	с. Тростянець.	Ахтырскаго.	1	Прид. къ Вознесенской церк.
21 сентября.				
Св. Дмитрія Ростовскаго Чудотворца.	с. Золотой-Колодезь.	Изюмскаго.	4	
	сл. Моначиновка.	Бупянскаго.	1	
	сл. Свято-Дмитріевка.	Старобѣльскаго.	5	
	Святогорскій монастырь	Изюмскаго.	2	Прид. къ главн. храму Успокія Божіей Матери.
23 сентября.				
Зачатіе Предтечи и Крестителя Господня Іоанна.	сл. Базалѣевка.	Волчанскаго.	2	
	с. Пашково.	Изюмскаго.	4	
25 сентября.				
Преп. Сергія Радонежскаго.	г. Зміевъ.	Изюмскаго.	1	Домов. при уѣздн. тюрьмѣ.
	г. Харьковъ.		1	Прид. къ Крестовоздвиж. ц.
	г. Харьковъ.		2	Прид. къ Св. Дмитріевск. ц.
	г. Харьковъ.		2	Домов. при II мужской гимн.
	Ахтырскій Свято-Троицкій монастырь.	Ахтырскаго.	2	Домов. цер. при больницѣ.

Мѣсяць, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе	
26 сентября.	Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.	с. Янковъ-Рогъ.	Ахтырскаго.	1	
		гор. Ахтырка.	1		
		сл. Польная.	Волчанскаго.	1	
		с. Сродній-Бур- лукъ.	—	3	
		сл. Тетяга.	Зміевскаго.	1	
		сл. Гомольша.	—	2	
		сл. Бригади- ровка.	—	3	
		с. Пискуновка.	Изюмскаго.	2	
		с. Шандрого- лово.	—	2	
		с. Великая-Ка- мышеваха.	—	3	
		сл. Барвенково.	—	3	
		сл. Ново-Але- ксандровка.	Купянскаго.	1	
		сл. Сениха.	—	1	
		г. Сумы.	Сумскаго.	1	
		с. Низы.	—	1	
		с. Большая- Чернетчина.	—	1	
		с. Николаевка.	—	2	
		х. Емельяновъ.	Старобѣльскаго	1	
		с. Лубянка.	—	2	
		с. Безруково.	Харьковскаго.	3	
с. Петровка.	—	4			

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчанія
26 сентября.				
Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.	с. Солнцовка.	Харьковскаго.	4	
	с. Ивановка.	—	2	
	г. Харьковъ.	—	2	Домов. при Дух. Семинаріи.
	г. Харьковъ.	—	2	Домов. при Харьк. Дух. Учил.
	Харьковскій Покровскій мо- настырь.	—		Прид. къ Озерян- ской ц.
30 сентября.				
Священномуч. Григорія Великія Арменія.	с. Новоселовка.	Изюмскаго.	2	
1 октября.				
Покровъ Пресв. Богородицы.	г. Ахтырка.	Ахтырскаго.	1	
	с. Котельва.	—	1	
	с. Хухра.	—	1	
	с. Пожня.	—	2	
	с. Жигайдовка.	—	3	
	сл. Покровская.	—	3	
	сл. Большая- Писаревка.	Богодуховскаго.	1	
	сл. Малая-Пи- саревка.	—	1	
	с. Матвѣвка.	—	1	
	с. Ямное.	—	1	
	с. Бригадировка.	—	2	
	с. Козѣвка.	—	2	
	с. Любовька.	—	2	

Мѣсяць, число, наименованіе священо-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
1 Октября.				
Покровъ Пресв. Богородицы.	сл. Пархомовка.	Богодуховскаго.	2	
	г. Валки.	Валковскаго.	1	Тюремная припис. къ Собору.
	с. Алексѣвка.	—	1	
	с. Калениково.	—	1	
	с. Новый-Мерчикъ.	—	1	
	сл. Минковка.	—	2	
	сл. Огульцы.	—	2	
	сл. Старая-Водолага.	—	2	
	с. Бочковая.	Волчанскаго.	1	
	с. Верхняя-Писаревка.	—	1	
	с. Пассецовка.	—	1	
	г. Волчанскъ.	—	1	Прид. къ Собору. Троицкой церк.
	сл. Большая-Бабка.	—	2	
	с. Василенково.	—	2	
	с. Белноре.	—	2	
	сл. Хотомля.	—	2	
	сл. Почепки.	—	2	Прид. къ Петро-Павловской церк.
	сл. Гнилица 2-я.	—	3	
	с. Рубленое.	—	3	
	г. Зміевъ.	Зміевскаго.	1	Прид. къ Собору. Троицкой церк.
	г. Чупуръ.	—	1	
	с. Подпорожье.	—	1	

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
<p>1 октября.</p> <p>Покровъ Пресв. Богородицы.</p>	сл. Глазуновка.	Зміевского.	2	
	сл. Раздолье.	—	2	
	сл. Балаклея.	—	3	
	сл. Волоховъ-Яръ.	—	3	Прид. къ Троиц. церкви.
	г. Изюмъ.		1	Кладбищенская.
	с. Кунье.	Изюмского.	1	
	с. Чепель.	—	1	
	с. Бѣленькое.	—	2	
	с. Маяки.	—	2	
	с. Рѣдкодубъ.	—	2	
	с. Селимовка.	—	2	
	сл. Барвенково.	—	3	
	сл. Дмитровка.	—	3	
	сл. Алисовка.	—	4	
	г. Купянскъ.		1	
	сл. Везиатежная.	Купянского.	1	
	сл. Радьковка.	—	1	
	сл. Смородьковка.	—	1	
	сл. Ново-Млинскъ.	—	2	
	сл. Покровка.	—	2	
сл. Ново-Никольскъ.	—	3		
сл. Коломийскъ.	—	3		

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
1 октября.				
Покровъ Пресв. Богородицы.	г. Лебединъ.		1	
	с. Алешня.	Лебединскаго.	1	
	с. Гринцево.	—	2	
	с. Каменное.	—	2	
	с. Межиричъ.	—	2	
	г. Недригай- ловъ.	—	3	
	сл. Луцыновка.	—	3	
	сл. Терны.	—	3	
	с. Старое.	Сумскаго.	1	Прид. къ Никол. церкви.
	г. Бѣлополье.	—	2	
	сл. Ворожба.	—	2	
	сл. Рѣчка.	—	2	
	с. Ободы.	—	2	
	с. Писаревка.	—	3	
	г. Старобѣльскъ.	—	1	
	сл. Верхняя Покровка.	Старобѣльскаго.	1	
	сл. Мостки.	—	1	
	сл. Ново-Астрохъ- раханъ.	—	1	
	с. Тецкое.	—	1	
	сл. Тимонова.	—	2	
	сл. Бѣлодубъ.	—	3	
	сл. Концовка.	—	3	
	сл. Балыжине.	—	3	

Мѣсяць, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
<p>1 октября.</p> <p>Покровъ Пресв. Богородицы.</p>	<p>сл. Бѣловодскъ.</p> <p>сл. Брусовка.</p> <p>сл. Городище.</p> <p>сл. Лашиновка.</p> <p>сл. Спасовка.</p> <p>сл. Трехъизбянскъ.</p> <p>сл. Коротичъ.</p> <p>сл. Ольшана.</p> <p>сл. Полевое.</p> <p>сл. Карасовка.</p> <p>с. Веселое.</p> <p>с. Лвицы.</p> <p>сл. Большая-Давиловка.</p> <p>г. Харьковъ.</p> <p>г. Харьковъ.</p> <p>Харьковскій Покровскій Первоклассный монастырь.</p>	<p>Старобѣльскаго.</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Харьковскаго.</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Изюмскаго.</p>	<p>4</p> <p>4</p> <p>4</p> <p>5</p> <p>5</p> <p>5</p> <p>2</p> <p>2</p> <p>2</p> <p>3</p> <p>4</p> <p>4</p> <p>4</p> <p>1</p> <p>1</p> <p>—</p> <p>2</p>	<p>Прид. къ Николаевской церкви.</p> <p>Прид. къ Георгиевской церкви.</p> <p>Прид. къ Александро-Невской церк.</p> <p>Домовая при благотворит. общ.</p>
<p>5 октября.</p> <p>Св. Митрополита Алексія.</p> <p>7 октября.</p> <p>Св. Муч. Сергія и Анастасія.</p>	<p>с. Ново-Славянскъ.</p> <p>сл. Ольшана.</p>	<p>—</p> <p>Лебединскаго.</p>	<p>4</p> <p>3</p>	<p>Прид. къ Александро-Невской церк.</p>

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
17 октября.				
Препод. Андрея Критскаго и пророка Осія.	сл. Сватова- Лучка. г. Харьковъ.	Булгискаго.	3 1	Домов. при Реальн. учил.
22 октября.				
Казанской Иконы Божіей Ма- тери.	с. Деревки. с. Никитовка. сл. Боромя. с. Винницкое. с. Волчанскіе хутора. сл. Печенѣги. с. Землянка. сл. Лиговка. с. Пески. сл. Чупаховка. сл. Юнаковка. с. Васонка. с. Голубовка. сл. Нижне- Богдановка. сл. Бевгнана. сл. Безлюдовка. с. Островер- ховка. с. Дергачи. с. Землянка.	Ахтырскаго. — — Богодуховскаго. Волчанскаго. — — Зміевскаго. Ивюмскаго. Лебединскаго. Сумскаго. — Старобѣльскаго. — — Харьковскаго. — — —	1 2 2 1 1 2 3 2 1 1 3 3 1 5 5 1 1 3 3	Прид. къ Христо- Рожд. цркк. Прид. къ Вознесен- ской церк. Прид. къ Преобра- женской церк. Прид. къ Никола- евской церк. Прид. къ Никола- евской церк.

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
22 октября.				
Казанской Иконы Божіей Матери.	г. Харьковъ.		1	Прид. къ Успенск. Собору.
	г. Харьковъ.		2	
	Высочиновскій Казанскій монастырь.	Зміевского.	2	
	Верхо-Харьковскій Николаевскій женскій монастырь.	Харьковского.	1	Домовая теплая.
23 октября.				
Св. Апостола Іакова Брата Господня.	сл. Пришибъ.	Зміевского.	3	Прид. къ Троицкой церк.
	г. Харьковъ.		1	Прид. къ Александро-Невской церк.
24 октября.				
Св. иконы Всѣхъ скорбящихъ радости.	г. Валки.		1	Прид. къ Соборно-Преображ. церк.
	сл. Старая-Водолага.	Валковского.	2	Прид. къ Троицкой церк.
	сл. Печенѣги.	Волчанскаго.	2	Прид. къ тюремѣ.
	г. Чугуевъ.	Зміевского.	1	Кладбищенская.
	г. Изюмъ.		1	Домов. при тюремѣ.
	с. Богородняное.	Изюмскаго.	4	
	с. Куянино.		1	Прид. къ Покровской церк.
	с. Владиміровка.	Куяновскаго.	2	
	г. Лебедянь.		1	Прид. къ Воскресенской церк.
	сл. Ольшана.	Лебединскаго.	3	Прид. къ Сергіево-Анастасіевск. церк.
	г. Сумы.		1	
	сл. Нижняя-Сыроватка.	Сумскаго.	1	

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе	
24 октября.					
Св. иконы Всѣхъ скорбящихъ радости.	с. Шинлевка.	Сумскаго	1		
	г. Бѣлополье.	—	2	Домов. при гимназ.	
	с. Александрополь.	Старобѣльскаго.	2		
	сл. Черкасская Лозовая.	Харьковскаго.	3	Прид. къ Кресто-возд. церк.	
	г. Харьковъ.		2	Домов. при мѣщанской богадѣльнѣ.	
	Ахтырскій-Свято-Троицкій монастырь.	Ахтырскаго	2	Прид. къ Троицкой церк.	
	Богодуховскій женскій монастырь.	Богодуховскаго.	2	Теплая монаст. ц.	
	Старобѣльскій женскій монастырь.	Старобѣльскаго.	1		
Св. Великомучен. Дмитрія Солунскаго.	Харьковскій Покровскій перво-классный монастырь.		—	Крест: при Архьер. домѣ.	
	26 октября.				
	сл. Бришечное.	Ахтырскаго.	2	Прид. къ Антониевской церк.	
	сл. Рясное.	—	3		
	с. Богодуховка.		1	Домов. при тюрьмѣ.	
	с. Тарасовка.	Богодуховскаго.	1		
	сл. Дубовое.	Болчанскаго.	1	Прид. къ Андреевской церк.	
	сл. Еремѣвка.	Зміевскаго.	2		
г. Изюмъ.		1	Прид. къ Соборно-Преображ. церк.		
сл. Жевелевка.	Изюмскаго.	2			
с. Вишньи.	Лебединскаго.	1			
с. Вуймеръ.	Ахтырскаго.	1	Прид. къ Николаевской церк.		

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
26 октября.				
Св. Великомучен. Дмитрія Солунскаго.	с. Сумы.		1	Прид. къ Соборной церк.
	сл. Стецковка.	Сумскаго.	3	
	сл. Булавиновка.	Старобѣльскаго.	2	
	с. Васищево.	Харьковскаго.	1	
	г. Харьковъ.		1	Прид. къ Кладб. Усѣвковенск. церк.
	г. Харьковъ.		2	
	Харьковскій Покровскій перво-классный мона-стырь.			Прид. къ Озерян-ской церк.
Ряснянскій мужской монаст.	Ахтырскаго.	2		
28 октября.				
Св. Великомучен. Параскевы Пятницы.	с. Бакировка.	—	1	
	сл. Бранцовка	—	3	
	сл. Песчаное.	Волчанскаго.	2	
	с. Березки.	Лебединскаго.	1	Припис. къ Тро-ицкой церк.
	с. Великій-Исто-ропъ.	—	1	
г. Харьковъ.		1	Прид. въ Успенск. Каедр. соборъ.	
30 октября.				
Озерянской иконы Божіей Ма-тери.	г. Харьковъ.		2	
	Харьковскій Покровскій перво-классный монаст.			
1 ноября.				
Св. Космы и Даміана без-сребренник	с. Люджа.	Ахтырскаго.	2	

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Городъ, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
1 ноября.				
Св. Космы и Даміана безсребренн.	сл. Терновая.	Волчанскаго.	1	
	сл. Кисельскіе-хутора.	Зміевскаго	2	
	сл. Лозовенька.	—	2	
	г. Харьковъ.	—	2	Прид. къ Всѣхсвятской церк.
8 ноября.				
Соборъ Св. Архистратига Михаила.	г. Ахтырка.		1	
	с. Кириковка.	Ахтырскаго.	1	
	с. Журавное.	—	1	
	сл. Котельва.	—	1	Прид. къ Преображенской церк.
	с. Песины.	—	2	
	с. Радомя.	—	2	
	с. Краснополе.	—	3	Прид. къ Успенской ц.
	г. Богодуховъ.	—	1	Прид. къ Троицк. церкви.
	г. Краснокутскъ.	Богодуховскаго.	2	
	сл. Мурафа.	—	2	
	сл. Рублевка.	—	2	
	г. Валки.	—	1	Прид. къ Рожд. Богород. ц.
	с. Ковяти.	Валковскаго.	1	Прид. къ Рожд. Богород. ц.
	с. Ракитное.	—	1	
	г. Волчанскъ.	—	1	Прид. къ Соборно-Троицкой церкви.
сл. Ковнива.	Волчанскаго.	3		
с. Соколово.	Видевоваго.	1		
с. Тарановка.	—	1		

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
<p>8 ноября.</p> <p>Соборъ Св. Архистратига Михаила.</p>	сл. Шебелинка.	Зміевского.	2	
	с. Лебяжье.	—	3	
	сл. Лиманъ.	—	3	
	сл. Малиновка.	—	3	
	с. Ольхов.-Рогъ	Изюмского.	1	
	с. Левковка.	—	1	
	с. Рай-Городокъ	—	2	
	сл. Волошская-Балаклея.	Купянского.	1	
	сл. Васильевская.	—	2	
	сл. Краснянка.	—	3	
	с. Малый-Исторонъ.	Лебединского.	1	
	г. Лебединъ.	—	1	Прид. къ Троицкой ц.
	сл. Рябушки.	—	1	Прид. къ Іоанно-Предтеченской ц.
	с. Курганъ.	—	2	
	сл. Ольшана.	—	3	
	с. Бездрикъ.	Сумского.	1	Прид. къ церкви сл. Сыроватки.
	сл. Нижняя-Сыроватка.	—	1	Прид. къ Покровской ц.
	г. Бѣлополье.	—	2	
	сл. Павловка.	—	2	
	сл. Юнаковка.	—	3	Прид. къ Рожд.-Богород. ц.
сл. Колядовка.	Старобѣльского.	1		
сл. Рудовка.	—	1		
г. Старобѣльскъ.	—	1	Прид. къ Троицк. ц. женск. монастыря.	

Мѣсяць, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
8 ноября.				
Соборъ Св. Архистратига Михаила.	сл. Осиноя.	Старобѣльскаго.	3	Прид. къ Успенской ц.
	сл. Даниловка.	—	4	
	сл. Литвиновка.	—	4	
	сл. Бѣлянка.	—	5	
	сл. Ново-Айдарь.	—	5	
	сл. Старо-Айдарь.	—	5	
	с. Бабаи.	Харьковскаго.	1	Прид. къ Рожд.-Богородичн. ц.
	сл. Мерефа.	—	1	
	с. Шубино.	—	1	
	с. Пересѣчное.	—	2	
	сл. Казачья-Лопань.	—	3	
	г. Харьковъ.	Харьковскаго.	2	Въ нижн. этажѣ теплая церковь.
	Николаевскій женскій монастырь.	Харьковскаго.	2	
	Высоцковскій монастырь.	Зміевскаго.	3	Прид. къ Троицкой ц.
	Богодуховскій женск. монастырь.	Богодуховскаго.	2	
Ряснянскій монастырь.	Ахтырскаго.	2	Трапезная церковь.	
12 ноября.				
Св. Іоанна Милостиваго.	с. Рубцовое.	Изюмскаго.	1	
13 ноября.				
Св. Іоанна Влчкоустя	сл. Ивацковка.	Зміевскаго.	1	Домов. при 4-й гимназій.
	г. Харьковъ.	Харьковскаго.	2	

Мѣсяць, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
13 ноября. Св. Іоанна Златоуста.	г. Харьковъ.		2	Домов. при Земледѣльч. училищѣ.
17 ноября. Св. Григорія Неокесарійскаго.	с. Турья.	Ахтырскаго.	3	
21 ноября. Введеніе во Храмъ Пресвятыя Богородицы.	г. Ахтырка.		1	Приписан. къ Собору.
	с. Нижняя-Писаревка.	Волчанскаго.	2	
	с. Введенское.	Зміевского.	1	
	с. Студенокъ.	Изюмскаго.	2	
	г. Славянскъ.	—	4	Прид. къ Троицк. церкви.
	г. Сумы.	—	1	Прид. къ Покровской ц.
	г. Бѣлополье.	Сумскаго.	2	Прид. къ Ильинск. церкви.
	сл. Артемовка.	Харьковскаго.	1	
	сл. Васицево.	—	1	Прид. къ Св. Дмитріев. ц.
	г. Харьковъ.	—	1	Прид. къ Николаевской ц.
	Спасовъ монастырь.	Зміевского.	2	Зимняя теплая ц.
23 ноября. Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго.	г. Чугуевъ.	—	1	Прид. къ Покровской ц.
	с. Тарановка.	—	1	Прид. къ Архангело-Михайловск. ц.
	г. Старобѣльскъ.	—	1	Домов. при гимназій.
	г. Харьковъ.	—	2	Прид. къ Христо-Рождественск. ц.
	г. Харьковъ.	—	1	Домов. при 1-й гимназій.
	г. Харьковъ.	—	1	Домов. при Богоугодн. заведеніяхъ.

Мѣсяцъ, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
23 ноября.				
Св. Митрофана Воронежскаго.	с. Полянов.	Ахтырскаго.	2	Прид. къ Троицк. церкви.
	г. Богодуховъ.		1	
	сл. Отрадное.	Волчанскаго.	2	
	сл. Нижне-Рус- скій Бишкннъ.	Зміевскаго.	2	Домов. при Изюм- ской земск. больницѣ.
	сл. Волчій-Яръ.	—	3	
	г. Изюмъ.		1	
	с. Валвенкино.	Изюмскаго.	3	
	с. Даниловка.	—	3	Прид. къ Ильин- ской ц.
	г. Недригай- ловъ.	Лебединскаго.	3	
	г. Сумы.	—	1	
сл. Демьяновка.	Старобѣльскаго.	2	Прид. къ Благо- вѣщ. ц.	
сл. Павтюхна.	—	3		
24 ноября.				
Св. Велико-мучен. Евкатерины.	с. Тростянецъ.	Ахтырскаго.	1	Домов. при реаль- номъ уч.
	с. Полычовка.	Богодуховскаго.	1	
	г. Изюмъ.		1	Прид. къ Возне- сенской ц.
	с. Протопоповка.	Изюмскаго.	3	
	с. Анцино.	Лебединскаго.	3	Прид. Кааедральн. Собора.
	сл. Великій- Бобрикъ.	Сумскаго.	1	
	с. Комаровка.	Харьковскаго.	1	
	г. Харьковъ.		1	Домов. при воен- номъ лазаретѣ.
26 ноября.				
Св. Велико-мучен. Феодора.	г. Чугуевъ.	Зміевскаго.	1	

Мѣсяць, число, наименованіе священно-церковныхъ событій, имена святыхъ	Города, мѣстечки, селенія и деревни	Уѣзды	Округа	Примѣчаніе
26 ноября.				
Св. Иннокентія Иркутскаго.	с. Васицево.	Харьковскаго.	1	Прид. къ Св. Дмитріевск. ц.
27 ноября.				
Знаменіе Пресвятыя Богородицы въ Новѣ-градѣ.	с. Знаменское.	Валковскаго.	2	
	с. Знаменское.	Изюмскаго.	4	Прид. къ Иоанно-Предтеченск. ц.
	с. Протопоповка.	Лебединскаго.	1	
	Святогорская Пустынь.	Изюмскаго	2	Въ монастырск. экон. с. Малки.
	Ѳомовскій женскій монастырь.	Купянскаго.	2	Прид. къ Соборной церкви.
30 ноября.				
Св. Апостола Андрея Первозваннаго.	с. Млиники.	Ахтырскаго.	1	
	с. Рясное	—	3	Прид. къ Дмитріевск. ц.
	с. Большая-Писаревка.	Богодуховскаго.	1	Прид. къ Успенской ц.
	с. Графское.	Волчанскаго.	1	
	г. Чугуевъ.	Зміевскаго.	1	Прид. къ Покровской ц.
	г. Сумы.	—	1	Прид. къ Воскресенской ц.
	сл. Юнаковка.	Сумскаго.	3	Прид. къ Преображенской ц.
	Ряснянскій монастырь.	Ахтырскаго.	2	Прид. къ Св. Дмитріевск. церкви.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія Богослуженія.

25 сентября всенощное бдѣніе и 26 сентября Божественную литургію Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Иоанно-Богословской церкви при Харьк. Духовной семинаріи, а Пре-

освященнѣйшій Епископъ Теодоръ Божественную литургію совершилъ въ Іоанно-Богословской церкви на Ивановкѣ.

27 сентября Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ освященіе новой церкви и Божественную литургію въ Ахтырскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ.

28 сентября, въ воскресенье, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ Божественную литургію въ Ахтырскомъ Покровскомъ соборѣ, а Преосвященнѣйшій Епископъ Теодоръ совершилъ Богослуженіе въ Харьк. кафедральномъ соборѣ.

30 сентября Божественная литургія въ Куряжскомъ Преображенскомъ монастырѣ была совершена Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Теодоромъ, а обычный крестный ходъ съ Озерянскою иконою Божіей Матери. былъ совершенъ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Харьковскимъ Антоніемъ, Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Сумскимъ Теодоромъ и Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Елисаветградскимъ Прокопіемъ.

30 сентября всенощное бдѣніе и 1 октября, въ день главнаго храмоваго монастырскаго праздника, Божественную литургію въ Харьк. Покровскомъ монастырѣ совершили: Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній, Преосвященнѣйшій Архіепископъ Теодоръ и Преосвященнѣйшій Епископъ Прокопій.

3 октября, въ день училищнаго храмоваго праздника, Божественную литургію Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ церкви Харьк. Коммерческаго училища.

4 октября всенощное бдѣніе и 5 октября, въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, Божественная литургія была совершена въ Харьк. кафедральномъ соборѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ, а Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Теодоромъ всенощное бдѣніе было совершено въ Покровскомъ монастырѣ, а Божественная литургія въ церкви Епархіальнаго женскаго училища.

6 октября всенощное бдѣніе, а 7 октября Божественную литургію Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ.

11 октября всенощное бдѣніе и 12 октября, въ воскресенье, Божественную литургію Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Лебединскомъ Успенскомъ соборѣ, а Преосвященнѣйшій Епископъ Теодоръ Богослуженіе совершилъ въ Харьк. кафедральномъ соборѣ.

12 октября всенощное бдѣніе и 13 октября Божественная литургія, Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ были совершены въ Георгіевской церкви сл. Павленковой, Лебединскаго уѣзда.

14 октября всенощное бдѣніе и 15 октября Божественную литургію, съ крестнымъ ходомъ съ Каплуновскою иконою Божіей Матери, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Богодуховскомъ Успенскомъ соборѣ.

16 октября Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ Божественную литургію въ Богодуховскомъ Свято-Троицкомъ женскомъ монастырѣ.

17 октября, въ годовщину крушенія Царскаго поѣзда ѳлизъ ст. Борки, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ Божественную литургію съ молебствіемъ въ храмъ Христа Спасителя на мѣстѣ чудеснаго спасенія Царской семьи при крушеніи поѣзда, а Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ Божественную литургію съ молебствіемъ совершилъ въ Харьк. кафедральномъ соборѣ.

18 октября всенощное бдѣніе и 19 октября, въ воскресенье, Божественную литургію Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Харьк. кафедральномъ соборѣ, а Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ совершилъ богослуженіе въ Харьк. Покровскомъ монастырѣ.

21 октября, въ день восшествія на престолъ Государя Императора, Божественную литургію съ молебствіемъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Харьк. кафедральномъ соборѣ, а Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ въ Харьк. Покровскомъ монастырѣ.

22 октября, въ день Казанской иконы Божіей Матери, Божественную литургію съ праздничнымъ молебствіемъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Харьк. Казанско-Серафимовской церкви, а Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ совершилъ Богослуженіе въ Харьк. кафедральномъ соборѣ.

23 октября всенощное бдѣніе и 24 октября, въ день храмоваго праздника въ честь иконы Божіей Матери Всѣхъ скорбящихъ Радости, Божественную литургію Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Крестовой церкви Харьк. Покровскаго монастыря.

Ключарь Харьк. кафедр. собора, *протоіерей Л. Твердохлѣбовъ*.

Посѣщенія Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Появленіе на Харьковской епископіи новаго, столь энергичнаго, Владыки, каковымъ является Высокопреосвященнѣйшій Антоній, не могло не отразиться на жизни духовно учебныхъ заведеній епархіи и въ особенности Семинаріи.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что духовная школа всегда являлась предметомъ особаго попеченія Высокопреосвященнѣйшаго Владыки. Неудивительно поэтому, если съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности въ новой епархіи Владыка обнаружилъ самый живѣйшій интересъ и вниманіе и къ жизни нашей Семинаріи, преимущественными знаками котораго, безспорно, должны быть признаны частыя посѣщенія ея Владыкой и неизмѣнно сопровождающія каждое такое посѣщеніе отеческія бесѣды и наставленія.

Рядъ такихъ посѣщеній мы и имѣемъ цѣлью отмѣтить.

2-го сент. Владыка прибылъ въ Семинарію, дабы лично благословить начало новаго учебнаго года. Послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго Владыкою въ сослуженіи многочисленнаго духовенства изъ лицъ начальствующихъ и родителей учащихся, Владыка обратился съ словомъ наставленія къ воспитанникамъ.

Отмѣтивъ въ немъ наблюдающійся въ послѣднее время усиленный уходъ воспитанниковъ духовной школы въ свѣтскія учебныя заведенія, Владыка убѣждалъ питомцевъ не измѣнять родной школѣ ради внѣшнихъ благъ, являющихся главнымъ мотивомъ ухода, не прельщаться заманчивымъ шумомъ и крикомъ, поднятымъ въ послѣднее время вокругъ высшей школы, потому что въ большинствѣ случаевъ шумъ этотъ, равно и самая школа, являются пустыми, какъ пустъ бываетъ много говорящій о себѣ человекъ.

Коснувшись въ дальнѣйшемъ матеріальной необезпеченности нашего духовенства, и не отрицая ея наличности, Владыка указывалъ слушателямъ на острую нужду, испытываемую нашимъ народомъ въ просвѣщенныхъ духовныхъ руководителяхъ, на высоту подвига, къ которому они призываются, и тѣ духовныя блага и радости, которыя ожидаютъ ихъ на этомъ поприщѣ.

Вопросъ этотъ, по мысли Владыки, приобретаетъ особую остроту въ настоящій моментъ, когда переживаемыя событія вызвали пробужденіе въ народѣ высокихъ духовныхъ качествъ.

Нужны истинные пастыри и руководители, дабы не дать заглохнуть этимъ драгоценнымъ росткамъ, возрастить и укрѣпить ихъ. На духовенствѣ и въ частности на питомцахъ духовной школы, будущихъ пастыряхъ, лежитъ этотъ священный долгъ.

Важность дѣла требуетъ и соответствующей подготовки. Свои наставленія Владыка резюмировалъ въ формѣ слѣдующихъ трехъ заповѣдей, которыя долженъ помнить каждый питомецъ духовной школы: старательно собирай сѣмена мудрости, обильно предлагаемыя тебѣ въ школѣ; иди въ народъ и щедрой рукою разбрасывай ихъ;

иди не съ гордымъ видомъ мудреца, постигшаго истину, а съ смиреннымъ видомъ ученика, ибо у русскаго народа многому можно научиться, это вторая школа не менѣе обильная мудростію, чѣмъ первая.

Въ день храмоваго праздника Владыка вновь посѣтилъ Семинарію. Наканунѣ, 25-го сент., служилъ всенощное бдѣніе, а 26-го божественную литургію.

По обычаю своему и на этотъ разъ Владыка не оставилъ питомцевъ безъ слова назиданія.

Взявъ темою жизнь воспоминаемаго въ сей день Ап. Іоанна Богослова, Владыка остановилъ вниманіе слушателей на основной чертѣ характера Апостола—его безпредѣльной любви къ Господу и преданности своему апостольскому служенію.

Путемъ подробнаго анализа обстоятельствъ жизни Апостола Владыка пришелъ къ выводу, что истиннымъ средствомъ, при помощи котораго Ап. воспиталъ въ себѣ это исключительное качество, было „совершеннѣйшее душевное и тѣлесное цѣломудріе.“

Такъ-какъ каждый питомецъ духовной школы призывается по существу къ продолженію апостольскаго дѣла, то въ лицѣ апостола долженъ видѣть и образецъ для подражанія.

„Слѣдуйте примѣру Апостола, убѣждалъ Владыка питомцевъ, храните святое цѣломудріе и не расточайте своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ въ жизни „по стихіямъ міра сего.“

По окончаніи богослуженія Владыка посѣтилъ ученическую столовую, поздравилъ воспитанниковъ съ праздникомъ и затѣмъ раздѣлилъ праздничную трапезу съ корпораціей и собравшимися гостями.

Владыка неоднократно пріѣзжалъ въ Семинарію и въ учебные дни. 19-го сентября Владыка прибылъ въ Семинарію во время уроковъ и прошелъ на урокъ дидактики въ 6-й кл. Слушалъ отвѣты учениковъ, объясненіе преподавателя, затѣмъ самъ велъ бесѣду о „священныхъ изображеніяхъ.“

Послѣ урока Владыка осматривалъ семинарскія помѣщенія, былъ въ больницѣ и въ заключеніе снялся въ группѣ съ учениками и корпораціей. Аналогичное посѣщеніе было и 10 октября. Владыка присутствовалъ на урокахъ латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ.

Нельзя не отмѣтить, какъ характерную черту, удивительную простоту и сердечность Владыки.

Посѣщая классы, Владыка запросто подсаживался къ ученикамъ на скамью; слушая отвѣты, дѣлился своими школьными воспомина- ниями и случаями изъ своей жизни, благодаря чему создавалось не- принужденное, какъ бы семейное настроеніе.

Открытіе и освященіе лазарета въ г. Чугуевѣ.

Съ разрѣшенія и благословенія нашего Архипастыря, 5 октя- бря сего года въ 12 час. дня въ г. Чугуевѣ состоялось торжествен- ное открытіе и освященіе лазарета духовенства для раненыхъ во- иновъ. Чинъ освященія совершалъ мѣстный благочинный о. Н. Кра- синъ при участіи всего Чугуевского и сосѣдняго духовенства. Предъ освященіемъ благочиннымъ было произнесено очень прочувственное и соотвѣтствующее случаю слово о христіанской любви, проявленной въ настоящую годину тяжелыхъ испытаній.

На освященіи присутствовали: Городской голова П. И. Лизогу- бовъ и всѣ члены Управы, Начальникъ военнаго училища генералъ Френчъ съ супругой, Инспекторъ военнаго училища ген. маіоръ Зыбинъ и др. училищные—штабъ и оберъ офицеры, директоръ муж- ской гимназіи, начальница женской гимназіи и многія др. лица. Прекрасно оборудованный лазаретъ на 15 кроватей помѣщается въ самомъ лучшемъ въ городѣ зданіи, расположенномъ на верхушкѣ генеральской горы, любезно предоставленномъ гусарскимъ офице- ромъ Кузьминымъ—Караваевымъ. Въ лазаретѣ имѣются: двѣ боль- шія палаты, читальная комната, столовая, ванная, перевязочная и комната для сестеръ милосердія. Обиліе во всемъ помѣщеніи свѣта и воздуха, блестящіе паркетные полы—вообще уютъ и комфортъ не заставляютъ желать ничего лучшаго для раненыхъ и измученныхъ воиновъ.

Завѣдующимъ лазаретомъ избранъ Зміевскимъ Отдѣленіемъ Озерянскаго Братства благочинный о. Н. Красинъ, казначеемъ свя- щенникъ Д. Яновскій, а дѣлопроизводителемъ мировой судья г. Вар- шавы Труфановъ, пріѣхавшій къ намъ въ Чугуевъ на жительство. Для леченія раненыхъ предложилъ свои услуги—врачъ Чугуев- скаго военнаго госпиталя, ассистентъ Харьковскаго медицинскаго Института, В. М. Тоцкий, кромѣ того, изъявили готовность помогать и другіе врачи госпиталя во главѣ съ завѣдующимъ госпиталемъ докторомъ медицины Деревянко. Уходъ за ранеными взяли на себя жены священниковъ, начальница и учительницы гимназіи и нѣко- торыя военныя дамы, которыя въ настоящее время заканчиваютъ курсъ слушанія лекцій по уходу за ранеными.

По окончаніи освященія, былъ произведенъ сборъ, который достигъ значительной суммы, и были прочитаны полученные телеграммы: отъ Архіепископа Антонія, благословляющаго открытіе нашего лазарета, отъ Предсѣдателя Зміевского Отдѣленія Озерянского Братства Протоіерся Мухина и др. Скромное торжество закончилось общимъ пѣніемъ народнаго гимна и молитвы „Спаси, Господи.“

Священникъ *Д. Яновскій.*

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЬ.

Предложеніе Уфимскаго Преосвященнаго Андрея.

Въ Уфимской епархіи Епископъ Андрей предлагаетъ чрезъ духовенство народу посвящать на работу для семействъ запасныхъ праздничные дни.

Дорогіе отцы, употребите все свое краснорѣчіе, соберите всю свою пастырскую любовь для того, чтобы организовать помощь бѣднѣйшимъ семьямъ.

Для этого не нужно терять времени въ праздники. Всѣ праздники должны быть отданы на помощь бѣднякамъ. Объ этомъ отъ моего имени говорите, отцы, проповѣди. Праздничный день мы должны посвящать Господу Богу, т. е. молитвѣ и добрымъ дѣламъ, но совсѣмъ не бездѣльно. Только евреи понимали такъ заповѣдь о праздничномъ отдыхѣ и запрещали даже Господу Спасителю дѣлать добрыя дѣла. Поэтому святые пророки обличали евреевъ, и Господь словами пророка Исаи говоритъ: „праздничныхъ собраній (вашихъ) не могу терпѣть: беззаконіе и празднованіе!.. Праздники ваши ненавидитъ душа Моя: они бремя для Меня; Мнѣ тяжело нести ихъ... Омойтесь, очиститесь.. Научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову (Ис. 1, 13—17). Сейчасъ эти слова пророковъ Исаи, Іереміи, Амоса мы и должны помнить, чтобы не навлечь на себя гнѣва Божія.

Итакъ, отцы святые, позаботьтесь, чтобы вдовы и сироты не были у васъ въ приходѣхъ забыты и организуйте ради нихъ праздничныя приходскія и частныя работы. Это будетъ ваша великая заслуга предъ страждущимъ отечествомъ. О затрудненіяхъ и въ этой области немедленно сообщайте мнѣ: но думаю, что такихъ затрудненій не встрѣтится. Но, Христа ради, братіе, отнеситесь серьезно и сердечно къ этому дѣлу. (Уф. Е. В.).

Практическій способъ введенія бесѣдъ въ деревняхъ.

Въ одномъ изъ благочинническихъ округовъ Вятской епархіи практикуется слѣдующій способъ введенія въ деревняхъ бесѣдъ религіозно-нравственнаго содержанія, заслуживающій полнаго одобренія и позаимствованія. Священникъ въ своемъ приходѣ учреждаетъ братство. Изъ числа братчиковъ онъ выбираетъ нѣсколько человекъ, болѣе начитанныхъ и религіозныхъ прихожанъ, по числу деревень въ приходѣ, и дозволяетъ имъ въ воскресные и праздничные дни устраивать чтенія въ своихъ деревняхъ; сначала братчики читаютъ только въ присутствіи священника, а потомъ и одни. Во время такихъ чтеній слушатели безъ всякаго стѣсненія задаютъ лектору различные вопросы, о которыхъ онъ въ ближайшій праздникъ и докладываетъ священнику. Послѣдній-же или даетъ подходящую брошюру на затронутый вопросъ, или является на бесѣду самъ. Благодаря такой постановкѣ, въ воскресные дни чтенія ведутся почти въ каждой деревнѣ прихода, прочитывается порядочное количество книгъ; и священникъ лучше узнаетъ духовные запросы своихъ пасомыхъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ Россіи *).

Земля славянская, родная,

Отцовъ и дѣдовъ колыбель,

Земля великая, святая,

Вѣковъ кровавая купель!

Твое былое—наша слава,

Твоя святая старина

Даетъ потомкамъ честь и право

Любить, не мудрствуя лукаво,

Тебя, родимая страна!

Люблю тебя, о мать отчизна,

Твоею славою горжусь

И для тебя, славянь главизна,

Любовь, страдаю и тужусь.

Перепечатка разрѣшается для всѣхъ славянскихъ изданій.

Горжусь, отчизна, красотою
Твоихъ лѣсовъ, морей и рѣкъ,
Изрядно жъ Церковью святою,
Какъ православный человѣкъ.

Горжусь могильными крестами
Твоихъ героевъ и бойцовъ,
Горжусь былыми временами
Твоихъ правителей отцовъ.

Люблю тебя я, Русь, сердечно,
Люблю тебя я всей душой
И за тебя стоять я вѣчно
Готовъ и грудью и главою.

Люблю я чинъ Богослуженій
Твоихъ соборовъ и церквей
И стягъ священныхъ вождельнѣй
Твоихъ разрозненныхъ дѣтей.

Взираю я съ благоговѣніемъ
На мощи иноковъ-аскетовъ,
Давущихъ мощь въ своихъ моленьяхъ
Твоимъ сынамъ предъ Богомъ Свѣтовъ.

О, какъ великъ ихъ подвигъ славы
На пользу Церкви христіанской,
Предъ ихъ величіемъ—забавы
И страхъ войны и кличъ германскій.

Смотрю на храмы и на стѣны
Московско-Сергіевской лавры
И вспоминаю брань, измѣны,
Погромъ нашествій, кровь, литавры.

Не мало ты скорбей и горя
Въ вѣка страды перенесла,
Пока границами до моря
Въ Петровы годы не дошла.

Россія-мать! Вѣка былые
Тебя покрыли славой вѣчной,
Враговъ славянскихъ козни злыя
Пройдутъ, какъ буря, быстротечно.

Погромъ нашествія враговъ
Какъ туча грозная пройдетъ
И для твоихъ, о Русь, сыновъ
Страда кровавая минетъ.

Година бѣдствій пронесется
 Надъ Европейскою страной
 И свѣточъ правды въ ней зажжется
 Вновь лучезарною звѣздой.

Тебя спасутъ Христова сила
 И служба вѣрная славянъ:
 Въ единствѣ ихъ враговъ могила,
 А въ розни—гибельный изъянъ.

Святая Русь! Сердцецъ бѣенья
 Тебѣ одной принадлежать
 И врагъ славянъ безъ сожалѣнья
 Въ тискахъ желѣзныхъ будетъ сжать.

Даю обѣтъ, о Русь, предъ Богомъ
 На пользу чадъ твоихъ трудиться
 И съ кровожаднымъ восьминогомъ
 За твой покой до смерти биться.

Блянусь я быть тебѣ послушнымъ,
 Творца о счастья молить,
 Врагамъ надменнымъ и бездушнымъ
 Всегда препятствія творить.

Блянусь я быть вѣрнѣйшимъ сыномъ,
 Всегда любить, жалѣть и чтить
 И, не щадя ни силъ, ни жизни,
 Тебѣ безропотно служить.

Земля славянская, родная,
 Отцовъ и дѣдовъ колыбель!
 Люблю тебя, о мать святая,
 Краса славянскихъ всехъ земель!
 (Мос. П. В.).

Симеонъ Богомоловъ.

Библиографическая замѣтка.

Священникомъ Владыковымъ издано „Руководство для бесѣдъ съ баптистами, пашконцами (евангельскими христіанами) и молоканами и др. въ трехъ выпускахъ. Трудъ о. Владыкова является цѣннымъ вкладомъ въ полемическую противосектантскую литературу. Въ положительныхъ достоинствахъ этой книги нужно отнести то, что въ ней съ достаточной четкостью и искусствомъ приведено святоотеческое ученіе по различнымъ сектантамъ вопросамъ. Особенно удачно использованы цитаты св. Іоанна Златоустаго, Василя Ве-

ликаго, Гр. Богослова и другихъ свѣтильниковъ православнаго богословія, свидѣтельства мужей апостольскихъ и апологетовъ христіанской древности. Не оставлены безъ должнаго и достаточнаго вниманія и труды современныхъ ученыхъ богослововъ Русской церкви. Въ этомъ отношеніи книга о. Владыкова восполняетъ пробѣлъ, который давно ощущался въ противосектантской полемической литературѣ. Книга эта съ душевнымъ удовольствіемъ прочтется не только тружениками на тернистомъ пути миссіонерства, но и каждымъ православнымъ христіаниномъ, жаждущимъ наставленія въ истинахъ св. православной вѣры. Къ особенностямъ труда о. Владыкова и притомъ очень цѣннымъ нужно отнести и то, что авторъ при объясненіяхъ священнаго текста пользуется греческимъ языкомъ. Изданіе изящное, печать четкая и цѣна доступная. Авторъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы въ слѣдующихъ изданіяхъ этого труда цитаты напечаталъ крупнымъ шрифтомъ, что представляетъ очень большое удобство при пользованіи книгою. Отъ души желаемъ о. Владыкову самаго широкаго распространенія его полезной книги, особенно въ предѣлахъ нашей Харьковской епархіи и новыхъ успѣховъ на избранномъ имъ поприщѣ благородной дѣятельности.

Харьковскій Епархіальный миссіонеръ протоіерей Константинъ Селивановскій.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

КЪ СВѢДѢНІЮ ДУХОВЕНСТВА.

Харьковскій Епархіальный Архитекторъ В. Н. Покровскій перешелъ на жительство на Чернышевскую ул. № 85 (телефонъ № 1622). Для иногороднихъ у него остались прежніе пріемные дни, лично можно видѣть его по понедѣльникамъ и вторникамъ каждой недѣли.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

(26-й годъ изданія)

ПРИРОДА и ЛЮДИ

Подписной годъ начинается 1-го ноября, № 1 разосланъ, подписка продолжается.

52 №№ Художественно-иллюстрированнаго журнала съ особымъ иллюстрированнымъ приложеніемъ „Война“—обзоръ войны за недѣлю. Бесплатныя приложенія: абонементъ № 1, или № 2, или № 3, по выбору г.г. подписчиковъ:

АБОНЕМЕНТЪ № 1.

52 книги 8.500 стран. сочиненія знаменитаго польскаго писателя **Юсифа Игнатія КРАШЕВСКАГО**, при № 1 разосланъ романъ „Осада Ченстохова“. За нимъ послѣдуютъ романы: Древнее преданіе.—Остапъ Бондарчукъ.—Калишъ.—Борьба за Краковъ.—Два свѣта.—Хата за околицей.—Кунигасъ, вождь литовцевъ.—Комедіанты.—Любони.—Панъ Твардовскій.—Графъ Брюль.—Послѣдній изъ Сѣкиринскихъ.—Ульяна.—Осторожнѣе съ огнемъ.—Маславъ.—Будникъ.—Ермола.—Князь Михайлъ Вишневецкій.—Семилѣтняя война.—Божій гнѣвъ.—Сиротская доля.—Дѣти вѣка.—Болеславовцы.—Янъ Собѣсскій.—Гетманскіе грѣхи.—Король хлоповъ.—Сфинксъ.—Софія и друг.

АБОНЕМЕНТЪ № 2.

20 книгъ 3.500 стран. полное собраніе сочиненій французскихъ писателей Эльзасцевъ **ЭРКМАНА-ШАТРИАНА**: Капральъ Фредерикъ.—Исторія 1870 года.—Эльзасъ.—Нашествіе.—Тереза.—Исторія рекрута.—Ватерлоо.—Блокада.—Знаменитый д-ръ Матеусъ.—Дѣвушка вандеецъ.—Даніель Рокъ.—Пріятель Фрицъ.—Народные и рейнскіе рассказы.—Признаніе флейтиста.—Исторія школьнаго учителя.—Скрипка повѣшеннаго и др.—Два брата.—Исторія крестьянина.—Генеральныя штаты.—Отечество въ опасности.—Первый годъ Республики.—Гражданинъ Бонапартъ.—Воспоминаніе бѣдняка.

20 книгъ 3.200 страницъ собраніе сочиненій англійскаго писателя **РЕЙДЕРА ХАГГАРДА**: Братья.—Мечта міра.—Она.—Люди тумана.—Алланъ Кватерманъ.—Нада.—Эрикъ Свѣтлоокій.—Сердце міра.—Клеопатра.—Дочь Монтецумы.—Д-ръ Тернъ.—Завѣщаніе Мизона.—Жемчужина Востока.—Копи царя Соломона.—Аэша.—Бенита.

12 книгъ журнала
МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ. 12

АБОНЕМЕНТЪ № 3.

16 книгъ больш. форм. капитальнаго сочиненія **КОСТОМАРОВА**: 16 исторія Россіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей.

12 книгъ больш. форм. ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала самообразованія **ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ**. Свыше 300 рисунковъ, портретовъ и до 30 вкладныхъ многокрасочныхъ картинъ. Строгая научность при доступномъ изложеніи, небольшой объемъ при широкой всесторонней обработкѣ предмета—таковы главныя черты журнала. Безъ журнала „Природа и Люди“ подписная цѣна на „Знаніе для Всѣхъ“ 4 руб. съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За 52 №№ журнала „Природа и Люди“ съ безплат. прилож. по абонементамъ № 1, № 2, № 3, 7 руб. въ годъ безъ доставки и пересылки: 8 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой. Разсрочка допускается: при подпискѣ 3 руб., къ 1 марту 3 руб. и къ 1 юля остальные. Или въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ подп. года, начиная съ ноября, по 1 руб. Желающіе могутъ одновременно съ подпиской на любой абонементъ, сверхъ того, получать, по своему выбору, любыя приложенія изъ другихъ абонементовъ, но за особую плату, а именно: Сочиненія Крашевскаго, 52 кн., за 6 руб.; Полное собраніе сочиненій Эркмана-Шатриана, 20 кн., за 2 р. 40 коп.; „Міръ Приключеній“, 12 кн., за 2 руб.; Сочин. Н. И. Костомарова, „Исторія Россіи“, 16 кн., за 3 руб., „Знаніе для Всѣхъ“, 12 кн., за 3 руб.—Соч.

Райдера Хаггарда за доплату не высылаются.

Разсрочка за доплатныя приложенія: при выпискѣ на сумму до 3 р., слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе одного рубля. При выпискѣ на сумму болѣе 3 руб., слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе 3 руб. Остальная сумма, причитающаяся за доплатныя приложенія, должна быть уплачена не позднѣе 1 марта.

Главная Контора: Петроградъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Издатель П. П. Сойкинъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналъ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кроме того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“, Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“ Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каѳолической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?— В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“ Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Статья объ антихристѣ. Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руѣв“. Пресвященнаго Иннокентія, (бывшаго Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“, Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Ливицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“ Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шалтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“. Проф. Мечникова, Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

==== Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя залатые листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

====
Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

====
Редакторы: { Разборъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Потемкинъ.